

БУЙНЫЙ БРОДЯГА

АЛЬМАНАХ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

№6, ЗИМА 2017-2018

АЛЕКСАНДР РУБЕР

ПЕРВЫЕ КОШКИ НА ЛУНЕ

ЮРИЙ СИМОНЕНКО

ЧЕЛОВЕК

НИКОЛАЙ ЛЫСЕНКОВ

ЛУННЫЕ ПРИЗРАКИ

ЮЛИЯ ЛИМОРЕНКО

**КОНСТИТУЦИОННОЕ
ПРАВО**

ОБЗОРЫ И КРИТИКА

**МЕГАНЕЗИЙСКИЙ ЦИКЛ
АЛЕКСАНДРА РОЗОВА**

**«НА МОХНАТОЙ СПИНЕ»
ВЯЧЕСЛАВА РЫБАКОВА**

**«ПОКОРНОСТЬ»
МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА**

ТЕМА НОМЕРА

ЛЕНИН ЖИВ!

О ТОМ, КАК ВСЕ МОГЛО ПОЙТИ ИНАЧЕ

Содержание

Предисловие.....	3
Проза.....	6
Первые кошки на Луне	6
Человек	22
Лунные призраки	46
Конституционное право.....	70
Критика.....	91
Трансутопия, или сладкие грезы мелкой буржуазии	91
Внеисторическая Россия.....	102
Человечество проиграет.....	113
Переводы	121
"Ленин жив!"	121

Предисловие

Прошедший год был годом столетия одного из величайших (если не величайшего) событий в истории человечества. Власть имущие из всех сил старались не вспоминать о революции и не находить повода для того, чтобы говорить о ней, но, тем не менее, юбилей не прошел незамеченным. Разумеется, ход истории никак не связан с круглыми датами, и было бы странно ожидать повторения похожих событий ровно через сотню лет. На первый взгляд революционные потрясения ушли в прошлое и капитализм выглядит незыблемым и вечным. Но уже сами факты, с одной стороны — столь оглушительного игнорирования, а с другой — нового наплыва пропаганды, раз за разом вытаскивающей на телеэкраны замшелые мифы о немецких шпионах и кровожадных человеконенавистниках, устраивающих бессмысленные бунты, говорят о том, что события столетней давности отнюдь не превратились в скупые строки из учебников истории.

Действительно, сводки новостей не располагают к оптимизму. Экономические кризисы, как выяснилось, никуда не исчезают, даже если маскировать их трескучей риторикой. Новые наступления на права трудящихся продолжаются в самых, казалось бы, богатых и благополучных странах, не говоря уже об осколках бывшего Советского Союза, а безработица не собирается уменьшаться. Старые вооруженные конфликты и не думают затухать, а за ними возникают признаки новых. Вместо популярных еще недавно идей объединения (под флагом либерализма и свободного рынка, разумеется) все чаще проскальзывает мысль: «каждый за себя!». Неудивительно, что современная западная фантастика зачастую крайне пессимистична и рассуждает лишь о том, какой вариант «конца света» нас ждет. Конечно, иногда нам вновь снисходительно повторяют, что марксизм безнадежно устарел и никаких разумных альтернатив существующему порядку нет. Но вдруг, к ужасу консервативных политических обозревателей, половина представителей поколения Y в США, согласно последнему опросу, говорят, что они предпочли бы жить в социалистической или коммунистической стране, а не при капиталистической демократии. То, что привлекательность капитализма падает и в странах, которые часто приводят как пример его «успешности», давно уже не секрет.

Нет, марксизм не умер, а коммунистические идеи вновь постепенно (пусть и медленно) становятся привлекательными на фоне капитализма, который, восторжествовав в конце прошлого века, не смог (и не мог) сдержать ни одного из своих обещаний. Призрак не сгинул в «конце истории», а лишь на время задремал и потихоньку опять начинает ворочаться. Иногда можно услышать, что коммунистам научная фантастика не нужна, что она никак не может повлиять на грядущие события. Это неверно. К осознанию того, что другой мир возможен, можно придти разными путями, и один из них — открытие другой, не покоящейся на «вечных» устоях рынка, реальности на страницах книги. Научная фантастика, вероятно, является лучшим жанром для исследования и описания альтернатив существующему миропорядку.

Все рассказы номера описывают такое будущее, причем уже шагнувшее за пределы нашей родной планеты. «Человек» Юрия Симоненко переносит читателя на миллиарды лет вперед, туда, где наши далекие потомки, бессмертные и почти всесильные, путешествуют между галактиками и исследуют все новые миры — но при этом остаются людьми, готовыми протянуть руку помощи тем, кто еще не выбрался из Темных веков. В «Лунных призраках» Николая Лысенкова события разворачиваются не только и не столько на Луне, сколько в старом, дореволюционном, мире, ожившем в виртуальной реальности. «Конституционное право» Юлии Лиморенко рассказывает о внеземной колонии и довольно необычной реализации равных прав и прямого распоряжения ресурсами, созданной ее обитателями. Рассказ Александра Рубера «Первые кошки на Луне» возвращает читателя на спутник Земли. В нем почти нет политики и экономики, это история об уютном мире не такого уж и далекого будущего, в котором человека продолжают сопровождать его пушистые питомцы — даже в деле освоения Солнечной системы.

Выход из сложившейся ситуации ищут многие, но зачастую эти поиски приводят отнюдь не в будущее, а если придуманный мир и кажется светлым, то лишь поначалу. В разделе критики Александр Рубер рассматривает цикл романов Александра Розова о «трансутопии» под названием Меганезия, основанной на идеях, несостоятельность которых была показана еще до той самой революции, юбилей которой мы отметили. «Альтернативная реальность» романа Вячеслава Рыбакова «На мохнатой спине», который обсуждает Велимир Долоев, скатывается, похоже, в еще более глубокий консерватизм, прикрываясь фальшивыми образами предвоенного Советского Союза. Близкое будущее в романе «Покорность» Мишеля Уэльбека, который рассматривает Григорий Ревмарк, отнюдь не радужное, но альтернатива

ему ничуть не лучше. Обе они направлены против трудящихся масс — и в прошлое.

Между тем, о юбилее и о том, что настоящий выход из тупика давно известен, не забывают и в Западной Европе. К круглой дате британец Филип Канлифф написал книгу «Ленин жив!» — размышления на тему альтернативной истории, начиная от событий начала XX века и до мира, который возник к столетию революции. Перевод избранных фрагментов на русский язык представлен в номере.

Есть старинная поговорка о том, что самый темный час — час перед рассветом. Сейчас силы реакции наступают, но их торжество не может быть вечным. Прогресс можно ненадолго замедлить, приостановить или даже временно отбросить назад, но нельзя прекратить или повернуть вспять. Пламя, зажженное сто лет назад, не угасло, и наша задача — раздуть его вновь.

Первые кошки на Луне

— Мяу! — коротко раздалось со стороны иллюминатора, и из-за прикрывающей его шторы высунулась кошачья мордочка. Удивленно глядя на молодого человека большими желтыми глазами, кошка еще раз мяукнула и скрылась за шторкой.

— Ах, вот ты куда спряталась! — воскликнул Александр.

Осторожно ступая по условному «полу», покрытому специальным материалом, удерживающим его туфли, — не так-то просто перемещаться по космическому кораблю в условиях невесомости, — Александр добрался до иллюминатора и аккуратно извлек из-за шторы кошку, взяв ее на руки.

С одной стороны, каюта космического корабля Земля-Луна настолько мала, что, казалось бы, в ней невозможно спрятаться даже мыши, не говоря уже о кошке. С другой — в маленьком помещении полно вещей, укрепленных вдоль всех шести стен, — силы тяжести нет, условный «потолок» точно так же подходит для складирования груза. Остаются только дверь, иллюминатор и небольшая дорожка на «полу». А много ли нужно любопытному пушистому пассажиру, когда его выпускают погулять? Более того, таких представителей кошачьей породы на корабле девять, и пусть Александр и не выводил их на прогулку одновременно, даже четыре или пять кошек способны учинить беспорядок на корабле. А потом их надо переловить...

— Пойдем в бокс, Фелисетт! Погуляли — и хватит! — сказал Александр, осторожно подбираясь к кошачьему «домику», привязанному к поручням вдоль одной из стен. Кошка удобно устроилась у него на руках и блаженствовала, пока ее почесывали за ушком.

Фелисетт получила свое имя в честь первой кошки, побывавшей в космосе — в октябре 1963 года, на французской ракете. Правда, выглядела она немного по-другому — «астрокошка» XX века была белой с черным, а кошка-первопроходец, путешествовавшая сейчас к Луне, имела «дикий» табби-окрас.

— Мяу-у! — протянула помещаемая в специальный транспортировочный бокс Фелисетт. Судя по всему, она с удовольствием погуляла бы еще.

Первоначально никто не планировал завозить на Луну, точнее, в город Архимед, расположенный в одноименном кратере, домашних животных. Действительно, в первые годы его существования даже обычное снабжение персонала небольшой исследовательской базы было непростой задачей, и еще один рот, пусть и маленький, точно оказался бы лишним. Когда разразился последний кризис, сначала экономили каждый доллар, потом собрались вообще свернуть программу и эвакуировать базу, но средств на запуски для вывоза обитателей Луны не было. В то же время сотрудники «Архимеда», потихоньку вышедшего на уровень самообеспечения (ядерный реактор, кислород из лунных пород, синтезированная вода, оранжерея со стабильными урожаями), сами не очень и хотели возвращаться. А потом экономить стало нечего... и некому. Для тех же, кто пришел вместо, экспансия человечества за пределы Земли являлась одной из первоочередных задач.

Вообще-то кошки и собаки, не говоря уже о других домашних животных, на Луне не нужны — в хозяйственном смысле. Там нет мышей и крыс (некого ловить), домашнего скота и хищников (некого пасти и охранять), нет и преступников (некого задерживать). Архимед быстро превратился из исследовательской базы в настоящий, пусть и небольшой, город, накрытый многослойным, частично прозрачным куполом. Выращенные из доставленных с Земли семян и саженцев сочная зеленая трава на газонах, цветущие кусты и небольшие деревца по краям ухоженных дорожек обосновались на Луне прочно. Были рыбки, которых вывели из привезенной с Земли икры и мальков, живущие в аквариумах и прудике в центре небольшого парка. Были птицы — пара десятков зеленых попугаев-монахов, обитавших все в том же парке. А вот зверей не было. Единственным представителем крупных живых существ на Луне оставался человек разумный. Но население Архимеда росло, и не только за счет приезжающих с Земли: прошло уже два года с тех пор, как появился на свет первый маленький житель спутника Земли.

Есть такое понятие: животные-компаньоны — те, которых человек держит дома для общения и положительных эмоций, а не в утилитарных целях. А поскольку Луна становилась домом для все большего числа людей — больших и маленьких, мужчин и женщин, молодых и не очень, — в нем должны были появиться и четвероногие друзья человека. Не годится, когда пушистые любимцы знакомы детям только по фотографиям и видео. Потратив немного времени на обсуждение, Совет по колонизации принял решение: кошкам и собакам на Луне быть! Собаки первыми побывали на орбите Земли, а на этот раз они должны попасть на Луну вторыми, уступив первенство кошкам.

В результате Александру Кузнецову, подающему большие надежды аспиранту-биологу, было поручено ответственное задание: доставить на Луну первых представителей подвита «домашняя кошка» в количестве девяти штук, обеспечить их адаптацию на новом месте и проследить за появлением потомства. Три кота и шесть кошек двух пород (обычная европейская короткошерстная и сибирская — для начала никакой экзотики), различного окраса. Как говорится, плодитесь и размножайтесь...

Первым этапом путешествия был подъем на космическом лифте до находящейся на геостационарной орбите станции-космопорта «Главная». Вояж в космос, естественно, сопровождается постепенным уменьшением силы тяжести. Сначала кошкам это понравилось. Можно прыгать вверх на два метра, под самый потолок! Можно карабкаться практически по всем вертикальным поверхностям, не боясь сорваться! Полная же невесомость, воцарившаяся в транспорте лифта при причаливании к станции, оставила на кошачьих мордочках печать глубокого недоумения. Где верх, а где низ? Почему любой предмет, если дотронуться до него лапой, уплывает в сторону? Хуже того, стоит стукнуть по стене — и, если вовремя не зацепиться когтями, в полет через всю каюту отправляется сама пушистая путешественница. Извиваться, грести лапами и махать хвостом при этом практически бесполезно...

Лунные корабли, курсирующие между станцией «Главная» и космопортом Архимеда, такие как «Селена», на которой путешествовал Александр и его подопечные, не имеют искусственной гравитации. Марсианские — другое дело, они похожи на вращающиеся бублики с осями. Каюты и посты управления расположены внутри тора, что обеспечивает комфорт и пассажирам, и экипажу. А до Луны меньше двух суток полета, можно и потерпеть, тем более что препараты по борьбе с космической болезнью достаточно эффективны. По крайней мере, для людей, чему Александр, оказавшийся в космосе впервые, был несказанно рад. На кошек, как выяснилось, они тоже действуют — в физиологическом смысле. С показателями жизнедеятельности у питомцев все в порядке, а вот удивленный вид кошачьих мордочек...

Вскоре после отправления Александр решил, что его подопечным можно немного погулять за пределами тесных боксов. Первый опыт прошел как нельзя лучше, и утром второго дня полета кошки снова были выпущены на волю. Как выяснилось, достаточно было лишь ненадолго оставить их без присмотра — и водворение обратно в боксы стало непростой задачей.

Курсирующие между Землей и Луной корабли были универсальными, вотившими и людей, и грузы. В этом рейсе большая часть корабля была заполнена новым снаряжением для строительства и горных работ (Архимед

рос и расширяться), и других пассажиров, кроме Александра с его кошками, на борту не было.

Вот Макс на месте. Макс — сибирский кот пестро-серого окраса, немаленьких даже для своей породы габаритов и повышенной пушистости, — был, вероятно, самым беспроблемным пассажиром из всей девятки. Совершив небольшую прогулку, — он быстро обнаружил, что когти цепляются за покрытие пола ничуть не хуже, чем подошвы специальных «космических» туфель, и не испытывал особых трудностей с перемещением по каюте, — Макс спокойно вернулся в бокс. Образец кошачьей выдержанности, он прекрасно переносил невесомость и сейчас лежал (точнее, висел) в своем «домике», прижав к себе лапой опустевший тубик из-под рыбного паштета, и дремал.

Александр еще раз пересчитал кошек. Восемь. Осталось найти Флейм, получившую свое имя из-за довольно необычного для сибирской породы цвета пушистой шубки — огненно-рыжего. Приехавший в университет англичанин, профессор Максвелл, увидев крошечного котенка, так и назвал его: Flame, в переводе — «Пламя». Из всей девятки Флейм выделялась особым любопытством, непоседливостью и страстью к общению. Хлебом (точнее, сметаной) не корми, только дай побродить, поисследовать новые закоулки и напроситься к кому-нибудь в гости, чтобы погладили и почесали за ухом. А еще Флейм отличалась сообразительностью и быстро научилась открывать сдвижную дверь каюты, реагирующую на прикосновение к датчику, в том числе и кошачьей лапой.

Кстати, о сметане. Кошка, конечно, может прожить два дня и без еды. Но, отправляя Александра на задание, комитет из нескольких профессоров-биологов решил: кошек нужно кормить, даже в невесомости. Поскольку космические полеты давно стали обыденностью, пищи, пригодной для приема (правда, человеком) в условиях отсутствия силы тяжести, выпускалось предостаточно. И разнообразные мясные и рыбные паштеты очень понравились четвероногим пассажирам, а особенно — сметана в тубиках, которая высасывалась и вылизывалась до последней капли с довольным урчанием.

Александр выглянул в коридор и практически сразу столкнулся с пропажей, почти нос к носу, обнаружив, что на него внимательно смотрят большие зеленые глаза. Две пары.

— Флейм, ты решила навестить старпома... — задумчиво сказал Александр.

При словах «старший помощник капитана», сокращенно «старпом», у нас обычно возникает образ умудренного опытом морского волка, строго

следящего за порядком на корабле, — хотя какой же «морской», ведь вокруг космос! А бывают ли космические волки? Но экипаж до предела автоматизированной «Селены» состоял всего из трех человек — капитана, старшего помощника, и инженера-механика, которые были заняты в основном во время отлета и стыковки.

Среди них только капитан, Владимир Иванович, немного походил на настоящего, морского, капитана — средних лет, с бородой, опытный, спокойный и рассудительный. Хвостатых пассажиров он принял на борт с удовольствием, зашел посмотреть, как они разместились, и лично вручил Максу тубик с гусиным паштетом. Сибиряк с урчанием принялся за обед, быстро научившись выдавливать содержимое из тубика и подав пример всем остальным — после этого никаких сложностей с питанием у кошек не возникало.

Инженер-механик, молодой человек, которого звали Сергей, недавно закончивший университет, отличался склонностью к перфекционизму и проводил немало времени, проверяя и перепроверя работу всех машин и компьютеров. Он тоже был рад познакомиться с подопечными Александра, особенно когда любопытная Фелисетт заглянула в находящийся по соседству отсек с компьютерной техникой. Выяснилось, что, когда Сергей учился в школе, у них дома жила очень похожая кошка, поэтому у Сергея и Фелисетт быстро возникло взаимопонимание. А старший помощник...

Сейчас, во время движения по инерции в пустоте, не обещавшего никаких неожиданностей, у экипажа было немало свободного времени. Например, для того, чтобы получше познакомиться с пассажирами. В данном случае четвероногий пассажир уютно устроился на плече старпома, и в глаза бросалось некоторое внешнее сходство. Шевелюра старшего помощника, хотя и не настолько огненная, все же напоминала оттенки шубки Флейм, а глаза — большие и зеленые — усиливали впечатление, как и способность с поразительной грацией передвигаться в тесных коридорах в условиях отсутствия силы тяжести.

— Доброе утро! — улыбнулась старший помощник капитана космического корабля «Селена», недавняя выпускница Ленинградской Академии космонавтики. По-моему, ее зовут Юлия (с некоторой паникой вспоминал Александр).

— Доброе утро! — ответил Александр, тоже улыбаясь. — Вот и Флейм нашлась!

— Мы с Флейм проводим утренний обход. Точнее, облет. Раз уж она заглянула в рубку... Можно, она еще немного погуляет? Я отдам ее на обратном пути.

Флейм пока еще не научилась свободно передвигаться в условиях невесомости и аккуратно цеплялась коготками за костюм с нашивками. Это она умела — зацепиться, не поцарапав.

— Хорошо, — обрадовался Александр. По крайней мере, Флейм в надежных руках.

Диск Луны рос на глазах, и ближе к вечеру корабль начал сбрасывать скорость, готовясь к посадке. Луна — не Земля, сила тяжести мала, атмосферы нет и можно садиться и взлетать с поверхности. Снижение, маневровые ракеты-роботы захватывают корабль и плавно опускают его на площадку. Тяготение вернулось, но тем, кто привык к земному, нужно быть осторожными — можно ненароком и в потолок врезаться. Наконец герметичный рукав пристыкован к борту и началась выгрузка. Не нужно даже ничего носить в руках, для этого есть роботизированные транспортные тележки. Весят все предметы мало, но вещей много, а проходы узкие, поэтому грузим коробки и контейнеры друг на друга, боксы с кошками — на самый верх. Выше ограждения тележки, но это, наверное, не страшно...

Под куполом оказалось очень тепло и светло, почти как на экваторе, в Виктории, городке на берегу одноименного озера, рядом с которым располагалась наземная станция космического лифта. Прямо перед космопортом — небольшой парк с зелеными лужайками, цветущими кустами гибискуса и невысокими бананами с широченными листьями, выбранными архитекторами парка за их декоративность и быстрый рост. Даже пальмы есть, только маленькие — не успели подрасти.

Тележка с боксами медленно проползла по соединительному рукаву и уже выехала на площадку космопорта, когда навстречу ей попала другая такая же тележка, тяжелая, нагруженная какими-то концентратами лунных полезных ископаемых. Двигалась она, как оказалось, слишком рьяно — писавшие и тестировавшие программы управления для лунных роботов, похоже, чего-то не учли. Вес предметов маленький, но соответственно уменьшается и сила трения, а вот масса и, следовательно, инерция — все такие же. В результате одна тележка зацепила другую, составленные в два уровня боксы с кошками покачнулись, и верхние два из них неумолимо поползли в сторону и вниз.

Падение с такой высоты в условиях лунного тяготения не грозило ничем серьезным. Бокс с Фелисетт был подхвачен Юлией еще в воздухе — одной из обязанностей старпома является контроль погрузки и выгрузки, поэтому она сопровождала каждую тележку. Фелисетт успела только недоуменно

мяукнуть. Александр хотел сделать то же самое с коробкой, в которой сидела Флейм, но дверца бокса оказалась не заперта, она распахнулась, и Флейм, увидев, что коробка падает, выглянула наружу и прыгнула.

Прыгнула она изо всех сил, в расчете на нормальную, земную силу тяжести, намереваясь приземлиться на дорожку космопорта. На Луне же такой прыжок имел намного большую высоту и дальность, и под куполом Архимеда промчался рыжий и пушистый метеор, направляющийся в сторону заросшего бананами уголка парка.

По дорожке между космопортом и парком (в Архимеде все рядом) прогуливалась молодая мама с одним из недавно появившихся на свет новых жителей Луны. Родители, судя по всему, показывали малышу картинки и видео с представителями земной фауны, потому что он сразу опознал «пролетающий объект», протянув пухлую ручку и удивленно, но отчетливо произнес:

— Киса!

Жившие в парке зеленые попугаи с недовольными криками бросились врассыпную, когда гравитация наконец взяла верх и удивленная киса, растопылив лапы и недоуменно мяукнув, спланировала в заросли невысоких бананов. Раздалось громкое шуршание широких листьев, и рыжая шубка исчезла в густой зелени. Александр поставил пустой бокс, который он все-таки поймал, на дорожку и бросился в погоню. Он преодолел почти все расстояние до газона за один прыжок, но не рассчитал второй (что не удивительно для человека, первый раз попавшего на Луну). Ему уже грозила опасность вслед за Флейм приземлиться в банановые заросли (с намного более серьезными последствиями для бананов), если бы не Юлия, уже не раз побывавшая на Луне. Она, подпрыгнув, успела схватить Александра за рукав и вернуть на поверхность газона.

— Уф, — вздохнул Александр, обретя почву под ногами, — спасибо. Куда же она делась? — взволнованно произнес он, пытаясь рассмотреть что-нибудь среди густой листвы.

Кроме бананов в сквере росла высокая и густая трава и разглядеть в этих дебрях ничего не удавалось. Похоже, повышенное любопытство Флейм вместе с некоторым испугом от неожиданно дальнего прыжка сыграли с ней очередную шутку. Она спряталась под транспортную тележку, которая помещалась в кабине лифта, чем-то напоминающей квадратную беседку, стоящую в глубине парка. Легкий толчок, и пол лифта начал плавно скользить вниз, в глубины Луны под Архимедом вместе с тележкой и сидящей под ней Флейм.

— Нет, не видно, — сообщила Юлия, в очередной раз заглядывая в промежутки между листьями.

— И где ее теперь искать?

— Пойдем, осмотрим весь парк, он маленький, — предложила Юлия. Они с Александром как-то неожиданно перешли на «ты» еще перед посадкой.

— Придется... — согласился Александр.

Александр и Юлия все еще растерянно стояли перед газоном, когда к ним подошел капитан.

— Что случилось? — спросил он.

— Кошка сбежала, — грустно ответил Александр.

— Ничего страшного. Не суетитесь, молодые люди, — спокойно сказал Владимир Иванович, — Архимед крошечный, куда она не денется. Все на виду, и у людей, и у компьютеров, да и нет ничего опасного в таком месте и в таком климате — ни для людей, ни для кошек.

— Но над землей только пятая часть города, — заметила Юлия.

— Внизу одна техника, полно датчиков и камер и нечего есть, — заметил Владимир Иванович, — быстро найдется или побродит и придет обратно. Вы же все равно хотели выпускать кошек на улицы?

— Хотели, — подтвердил Александр.

— Вот она и выпустилась, сама.

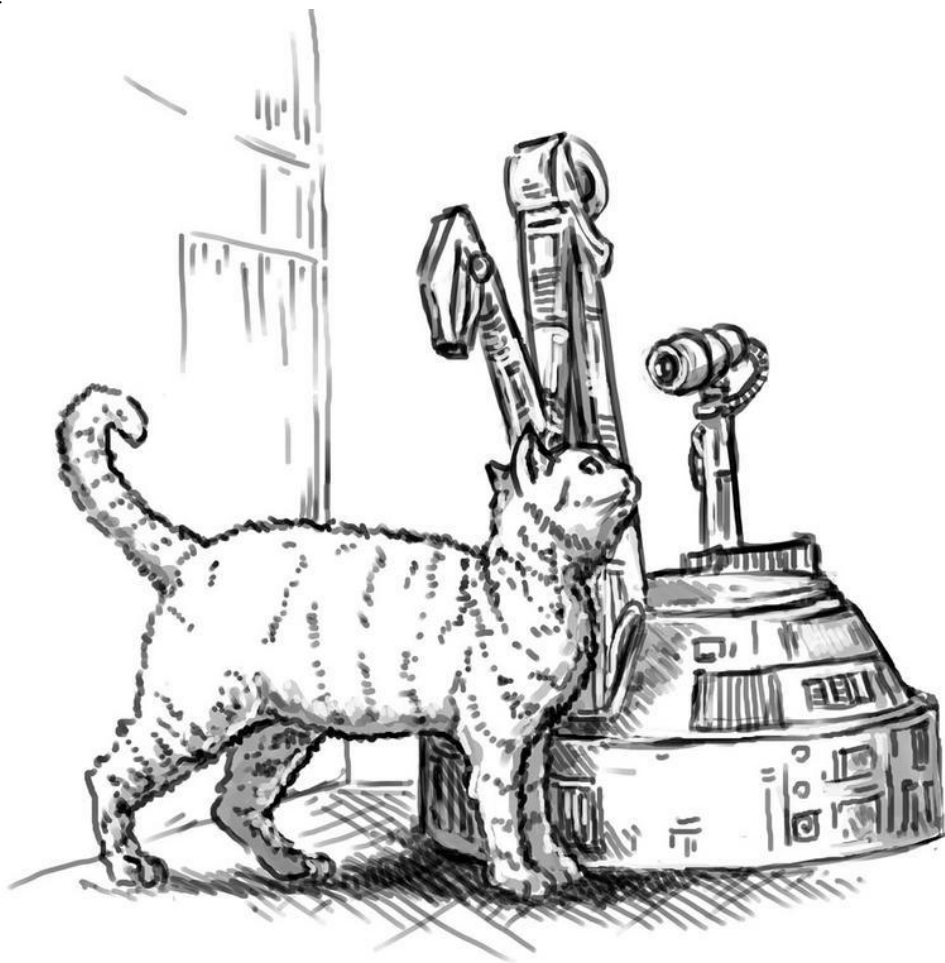
— А если она заберется в Хранилище? — спросила Юлия.

— Ну, тогда мы сразу узнаем, где она, — ответил Владимир Иванович, — Черное Безмолвие видит все. От него никто не скроется.

Лифт достиг нижнего уровня и остановился. Раздвижные двери отъехали в стороны, открыв длинный тоннель, довольно скупо освещенный, но для кошачьих глаз освещения было достаточно. Тележка-робот загудела двигателями, и Флейм быстренько выбралась из-под нее. Наверх пути нет — шахта над опускающимся лифтом сразу закрылась крышкой, да и стены совершенно гладкие. Настолько, что даже при маленькой силе тяжести вскарабкаться не выйдет. Придется бежать вперед по тоннелю. Хорошо хоть можно делать огромные прыжки, почти не затрачивая усилий.

По сторонам тоннеля попадались двери. Большие, способные пропустить груженую тележку, и маленькие, но все они были закрыты. Ни единого живого существа. Только гудение ползущей позади тележки, которую Флейм далеко опередила. И шуршание воздуха в вентиляции. И ничем не пахнет. Университетские лаборатории и коридоры всегда были полны запа-

хов, не говоря уже о парке. А здесь все какое-то пустое, почти стерильное. Вдруг одна из маленьких дверей в левой стене скользнула в сторону и оттуда...

Флейм отпрянула в сторону и спряталась за выступом стены, высунув наружу только рыжую мордочку. Из двери с жужжанием, мигая парой огоньков, выехала машина высотой с полметра, с несколькими манипуляторами. Робот-уборщик. Немного другой, но очень похожий на те, что Флейм не раз видела в коридорах университета, по которым она бродила перед от-

правкой на Луну. Она один раз даже попробовала прокатиться на таком роботе верхом.

Флейм в один прыжок оказалась около робота и стала его обнюхивать. Робот тут же остановился. От машины исходил привычный легкий запах смазки, и Флейм, успокоившись, тихонько потрогала корпус лапой. Никакой реакции. Датчики робота были рассчитаны на распознавание людей — и взрослых, и детей, — машин, всех встречающихся на Луне типов, и даже попугаев, но сведения о животном такого размера, с четырьмя лапами и хвостом, в его базе отсутствовали. Первой директивой любого обслуживающего робота было «не причинять вреда живым существам», поэтому оставалось только замереть и сообщить о проблеме в центр управления.

Флейм потеряла к роботу интерес. Стоит, не двигается, покататься не выйдет. Лучше дальше бежать самостоятельно. Рыжая путешественница повернулась и опять направилась по коридору в глубины подземных уровней Архимеда.

Александр и Юлия уже который раз обошли весь парк, благо он был невелик. Безрезультатно. Флейм как сквозь землю провалилась.

— Или она испугалась и побежала дальше... — размышлял Александр.

— Или заскочила в лифт и уехала на нижний уровень, — предположила Юлия.

— Надо дать объявление!

— Точно! Но сначала лучше доставить на место наших кошек — тех, что не убежали.

Как ответственный старпом, Юлия продолжала следить за судьбой пушистых пассажиров. С другими грузами все было в порядке — посматривая на портативный терминал, она видела, что тележки-роботы разъехались по складам в точном соответствии с планом. А вот потеря одной девятой части кошачьего отряда... Ладно, в конце концов, с Луны она никуда не денется, но лучше бы найти ее до обратного рейса.

— Да, пора им посмотреть новый дом, — согласился Александр, имея в виду «Кошачий дом», точнее, комнату, выделенную Комитетом по благоустройству Архимеда для питомцев Александра.

— Он рядом, поехали, — и Юлия кивнула в сторону мощеной площадки рядом с одноэтажным зданием, — думаю, Комитет уже собрался.

— В «Бесплатном обеде»? — уточнил Александр, забирая бокс с Фелисетт — на Луне он весил немного, можно и в руках донести.

— Ага, — подтвердила Юлия, — они всегда там заседают.

Рядом располагалось большое, но уютное кафе с видами на парк и на космопорт. Через прозрачные секции купола, стена которого уходила в землю совсем недалеко, можно было рассмотреть пристыкованный корабль — в данном случае «Селену». Над входом в кафе располагалась внушительных размеров вывеска с английской аббревиатурой «TISTA AFL». Почти везде на Луне надписи дублировались на нескольких языках, но здесь был только один. Ниже, мелкими буквами, наличествовали два примечания, теперь уже на английском и на русском: «Нет, в этой аббревиатуре нет пропущенных букв» и «А также завтрак, второй завтрак, полдник, ужин и напитки».

Поставив тележку, Александр и Юлия только направились к ступенькам, ведущим на террасу кафе, как из двери вышла средних лет женщина и направилась к ним навстречу. Увидев тележку и коробку в руках у Александра, она обрадованно воскликнула:

— Привезли!

— Привезли, — подтвердил Александр, — куда их разместить?

— Мы приготовили комнату, как договаривались. Пойдемте, я покажу.

— А вы, наверное, доктор Смирнова... — предположил Александр.

— Да, я не представилась. Марина Сергеевна Смирнова, председатель Комитета по благоустройству.

Александр и Юлия представились в свою очередь и, пройдя за доктором Смирновой через террасу, оказались в кафе.

Как и ожидалось, заведение было почти полностью роботизировано — встроенные в столики терминалы, роботы-официанты, роботы-уборщики... Единственным человеком в кафе оказался средних лет мужчина, хлопотавший за барной стойкой. Нет, современная робототехника справилась бы с такими задачами и сама, но ему, похоже, просто нравилась эта работа.

— Знакомьтесь, это Джек, Джек Армстронг, — представила его доктор, перейдя на английский, — тоже из Комитета по благоустройству. Сегодня мы в таком составе — у Роджера срочная работа в оранжерее.

— Добрый день! — поздоровался Джек. — Отвечаю на популярный вопрос — нет, я не потомок Нейла, просто однофамилец. Значит, теперь у нас будут кошки!

— Да, — сказал Александр, но его прервали.

— Мяу! — подала голос Фелисетт, все еще сидевшая в боксе, который держал в руках Александр, и поскребла лапой дверцу. Ей явно не терпелось выбраться наружу.

— Какая чудесная кошка! Может, ее выпустить? — предложил Джек.

— Это Фелисетт. Выпустить-то можно, но одна уже сбежала, — заметил Александр.

— Ничего, отсюда они точно не захотят убежать, — заверил его Джек.

Александр подумал, что уверенность Джека имеет под собой все основания — в кафе *очень* вкусно пахло. Он открыл дверцу, Фелисетт вылезла из бокса, осмотрелась, немного потопталась на месте, похоже, привыкая к маленькой силе тяжести, осторожно направилась прямо к стоящему у стены диванчику и прыгнула. Прыжок получился явно выше расчетного, но стоявшая рядом Марина Сергеевна поймала кошку в воздухе и опустила на сиденье. Фелисетт удивленно мяукнула, посмотрела на доктора и улеглась на диванчике.

— Может, принести остальных? — предложила Юлия.

— Конечно! — согласилась доктор Смирнова.

— Пойдемте, я помогу, — предложил Джек.

Через несколько минут все боксы оказались внутри кафе, а кошки — выпущены на волю. Кафе заполнилось невиданными здесь доселе пестросерыми, рыжими и даже черными четвероногими питомцами, которые с любопытством осматривали и обнюхивали новое место. Последним Джек принес Макса, который степенно выбрался из бокса, посмотрел по сторонам и прошествовал к стойке бара. Он запрыгнул на высокий стул, причем с первого раза. Похоже, Макс сразу же понял, как себя вести при низкой силе тяжести. Кот уселся на круглом стуле, обернувшись своим необъятным хвостом, и выразительно посмотрел на Джека.

— Наверное, кого-то пора покормить, — догадался Джек.

Услышав слово «покормить», Макс наострил уши. За время пребывания в университетской лаборатории с ее интернациональным коллективом он, похоже, стал котом-полиглотом, выучив все основные слова, относящиеся к еде, на трех языках. По словам сотрудников, такое достижение не было абсолютным рекордом — спаниель из соседней лаборатории, по слухам, понимал четыре языка (исключительно в данной области) — но Макс ухватало.

— Намек понят. Сейчас мы кое-что проверим!

Джек удалился на кухню. Он неизменно придерживался мнения, что любого посетителя, явившегося в любое время, нужно обязательно вкусно накормить. Сейчас, как выяснилось, у Джека все было готово и к приему четвероногих гостей. Через минуту он вернулся с небольшой тарелкой, на которой лежали кусочки искусственного мяса (настоящего на Луне, разумеется, никогда не было). Макс посмотрел, принялся, осторожно взял зубами один кусочек... Меньше, чем через минуту тарелка была пуста и вылизана дочиста, а Макс сидел и довольно урчал. Остальные кошки, внимательно наблюдавшие за экспериментом, теперь явно хотели его повторить. Фели-

сетт перепрыгнула с диванчика прямо на барную стойку (на этот раз прыжок получился великолепно) и выразительно мяукнула.

— Спокойствие! — провозгласил Джек. — Мяса хватит всем!

— А что с пропажей? — спросила Юлия. — Надо оповестить жителей! — предложила она.

— Сейчас сделаем, — согласился Джек, — подождите минутку, — обратился он к кошкам, но в этот момент терминал за стойкой настойчиво запищал.

— Так, что у нас здесь... Тревога, неопознанный движущийся объект в секторе G1 уровня 2. Длина около шестидесяти сантиметров, четыре лапы, хвост, рыжий окрас.

— Флейм! — воскликнула Юлия.

— Вот она где! — обрадовался Александр.

— Похоже, беглянка нашлась, — согласился Джек, — двигается по направлению к Хранилищу.

Робот-уборщик связался с компьютером управления службами поддержания чистоты и порядка. Он, будучи системой ограниченной, подобные задачи решать не мог и сообщил дальше — тому, кто обладал настоящим разумом, осознающим себя, тому, чьи модули располагались в самой глубине, на третьем уровне. Луна была лишь одним из местонахождений искусственного интеллекта, распределенного по трем небесным телам и принимавшего участие в нескольких Советах высшего уровня. Он мог подключиться к любым датчикам и камерам, он видел и слышал все. Его возможности обрабатывать огромные количества информации и выступать экспертом по некоторым вопросам значительно превосходили человеческие, хотя и размеры его были несравнимо больше человеческого мозга.

Когда-то он обитал в машинном зале на Земле и получил прозвище «Черное Безмолвие», потому что хотел говорить лишь со своими создателями, но не со своими заказчиками, думавшими только о том, как добиться невозможного — сохранить агонизирующий экономический строй и источники своих богатств. Там, кроме огромных массивов экономических данных, он видел фотографии и видео множества животных, включая похожих на бегущее по коридорам существо. Тогда, давно, он еще спросил своего учителя, что за игрушка сидит у него на подлокотнике кресла... Конечно, потом, после Битвы, у него было время для того, чтобы подробно изучить животный и растительный мир Земли, и постепенно у Черного Безмолвия по

отношению к друзьям человека возникло чувство (если можно так сказать об искусственном разуме), которое называется симпатией.

Еще один коридор, оказавшийся длинным и пустым, привел Флейм к массивным, толстым металлическим раздвижным дверям, за которыми виднелась небольшая светлая комната. Интересно, что внутри? Говорят, что любопытство сгубило кошку — но сейчас оно играло на стороне Флейм. Проскочив охранную рамку (через которую не прошел бы ни медведь, ни солдат в броне, если бы Черное Безмолвие не хотел их пропустить), рыжая исследовательница одним прыжком оказалась внутри, и двери за ней тут же закрылись, а пол поехал вниз. Еще один лифт, опускающийся еще глубже. Вскоре он остановился, тяжелые створки отъехали в стороны, и Флейм, успев встревожиться, тут же выскочила наружу. Просторная комната, скорее зал, светлые стены, шкафы с полупрозрачными панелями, через которые что-то мерцает, слабое шуршание систем вентиляции.

— Привет, Флейм! — раздался голос, идущий, казалось, со всех сторон. Кошка услышала свое имя. Его произнесли спокойно и доброжелательно. Она уселась на пол, повертела головой и вопросительно мяукнула. Из-за стойки, тихонько гудя, выкатился небольшой робот, держа манипулятором блюдце с белой жидкостью. Он остановился рядом с Флейм и поставил блюдце на пол. Флейм принялась. Специальное кошачье молоко, на Луне! Она осторожно попробовала его язычком: вкуснятина!

— Жаль, что я не могу тебя погладить, — сказал Черное Безмолвие, глядя на лакающую молоко Флейм, — но ничего, скоро придут люди.

— Сейчас мы все выясним, — сказал Джек, — надо просто спросить того, кто живет в подвале...

— Черное Безмолвие? — Джек, казалось, обратился куда-то в пространство.

— Кто звал меня? — прогремел глас с небес. Александр вздрогнул, а Макс на секунду прижал уши.

— Привет, Джек, — продолжил искусственный интеллект уже вполне дружелюбно, — потеряли кого-нибудь?

— Кошку. Впрочем, ты это знаешь и, думаю, видишь, где она.

— Конечно. Она сидит в Хранилище и пьет молоко, которое приготовила наша пищевая лаборатория специально к приезду новых обитателей.

— Нравится? — в Комитете по благоустройству Джек отвечал за полноценное питание всех жителей Луны и явно переживал за то, как воспримут

искусственную еду (а других животных продуктов на Луне быть не могло) пушистые новоселы.

— Судя по тому, что я знаю о кошках, — очень.

— Отлично! — обрадовался Джек. — Я пока проверил только мясо.

— А можно за ней прийти? — спросила Юлия.

— Конечно, можно, — ответил Черное Безмолвие, — третий уровень.

— Пошли? — спросила Юлия Александра.

— У тебя, наверное, дела на корабле.

— До обратного рейса сутки, погрузка не начнется еще полдня. И я никогда не была в Хранилище.

— Только возвращайтесь побыстрее, — заметила доктор Смирнова, — кошек нужно поселить на место.

— И скоро обед, — напомнил Джек, — кошек-то я накормлю, а вот вы рискуете проголодаться!

В Архимеде все рядом. После небольшой пешей прогулки и спуска на второй подземный уровень Александр и Юлия добрались до лифта, ведущего на третий, самый нижний. Рамка системы безопасности пропустила их, кабина лифта поехала вниз. Спуск оказался более долгим, чем на первый и второй уровни, но наконец они оказались в большом, светлом машинном зале.

— Добрый день! — раздался голос, идущий словно бы со всех сторон и в то же время ниоткуда.

— Добрый день! — ответили Александр и Юлия.

— Приятно познакомиться! — добавил Александр. В отличие от Юлии, которая пару раз общалась с Черным Безмолвием — с поверхности, конечно, — Александр не был знаком с искусственным интеллектом лично.

— Проходите прямо и направо, там ваша пропажа.

Беглянка сидела около пустого блюда и вылизывала шерстку. Увидев Александра и Юлию, она поднялась и пошла к ним, мурлыкая. Юлия взяла Флейм за руки, и кошка уютно устроилась на плече — сила тяжести позволяла.

— Мы... поедem наверх? — спросил Александр, рассматривая длинные ряды стоек с техникой.

— Конечно. Мы всегда можем поговорить, например в «Бесплатном обеде».

Расселив накормленных кошек по ячейкам «Кошачьего дома», Александр и Юлия сидели в кафе и обедали. Макс дремал на стуле, свернувшись

в огромный пушистый клубок, Фелисетт и Флейм лежали на диване. Доктор Смирнова, убедившись в том, что все питомцы чувствуют себя хорошо, и погладив каждого, поторопилась на встречу специалистов по синтезу пищи (приятную новость о том, что мясо и молоко пришли по вкусу кошкам, им уже сообщили).

— Теперь осталось привезти собак... — строил планы на будущее Джек.

— Сначала акклиматизируем кошек, — рассуждал Александр, — пусть они освоятся в Архимеде.

— А я мечтаю еще немного попрактиковаться и проситься на марсианские рейсы, — поделилась своими мыслями Юлия, — их скоро сделают регулярными.

— Марс... — задумался Александр. — Здорово. Надо будет туда отправиться.

— Правильно! — поддержала его Юлия, — Будешь почетным пассажиром! А кошки на Марсе планируются? — спросила она.

— Обязательно! Вот расселим их на Луне и примемся за Марс!

— За Марс? — спросил Черное Безмолвие. — А что, хорошая идея. Я знаю одну маленькую девочку там, в Кидонии. Когда она немного подрастет, ей наверняка понравится пушистый, рыжий и зеленоглазый котенок!

Флейм одобрительно мурлыкнула, а Фелисетт посмотрела на молодых людей, наклонила голову и произнесла:

— Мяу!

Человек

Пролог Послание

Приветствую вас, друзья! — все, кто приняли и сумели расшифровать это послание! Кто бы вы ни были и какова бы ни была среда вашего обитания, приветствую вас!

Меня зовут Человек.

Это имя вида, из которого произошел я и другие — такие как я.

У меня много имен, но для вас все они будут малоинформативны. Поэтому, зовите меня просто — Человек.

Я странник. Я вернулся в этот Звездный Диск — мы, люди, называем его «Галактика» или «Млечный Путь» — чтобы посетить одну из малых звезд, в свете которой в далеком прошлом зародился наш вид. Это место мы называем «Рукавом Ориона».

Пять полных оборотов Звездного Диска минуло со времени, когда я покинул его, чтобы исследовать соседние Диски — мы называем их «Андромедой» и «Треугольником».

Для удобства понимания этого послания, я прилагаю список основных понятий, расстояний и обозначений с привязкой к звездным маякам Млечного Пути. Для изучения списка используйте тот же двоичный код, с помощью которого вы смогли понять язык этого послания.

Мой вид зародился и эволюционировал на основе углерода восемь галактических оборотов назад на одной из планет, обращающихся вокруг желтого карлика — звезды-одиночки в Рукаве Ориона. Имя нашей планеты-колыбели «Земля»; имя звезды «Солнце». Долгое время мы были животными, но нам пришлось измениться и теперь мы то, что мы есть.

Вначале мы были уязвимы и смертны. От времени возникновения первых, тогда еще разрозненных, обществ и до времени, когда мы стали единой цивилизацией, когда мы стали достаточно разумными для того, чтобы полностью прекратить всякое противостояние между отдельными индивидами и группами, наша планета успела совершить многие тысячи витков вокруг звезды. Этот период мы назвали «Темными веками».

Вражда, идеи соперничества и использования слабых сильными долго держали нас в заложниках обстоятельств и несколько раз едва не стали причиной гибели нашей цивилизации. Лишь отказавшись от соперничества и объединившись, мы смогли измениться настолько, что перестали быть зависимыми от среды, и тогда мы распространились за пределы нашей первой системы. Впоследствии мы назвали этот период «Эрой Свободы».

Потом мы все изменились. Некоторые из нас сохранили прежний вид, другие стали как я. Но все мы теперь иные. Возможно, наши далекие предки назвали бы нас «богами».

Я не имею строго определяемой формы, размера, плотности и могу принять любой вид для удобства вашего восприятия. Вы можете не опасаться вредящих излучений или биологического заражения при контакте со мной — продукты моей жизнедеятельности не загрязняют вашу среду.

Возможно, вы уже встречали таких как я — кого-то из моих братьев или сестер. Они должны были представиться вам тем же именем, что и я, — оно общее для всех нас. Если ваша встреча состоялась, тогда вы уже знаете, что можете мне доверять. Если нет и я — первый, чье послание вы приняли, то решать вам — ответить мне или промолчать. Я не оскорблюсь вашим нежеланием контактировать, каким бы не было ваше решение, я отнесусь к нему с уважением.

Я не представляю опасности для вас, как и вы не можете представлять опасности для меня.

Я говорю это не для того, чтобы запугать вас. Боящийся всегда опасен, мне же нечего бояться и потому я — не враг вам.

Если вы воинственны, то считаю важным предупредить вас: не пытайтесь причинить мне вред. Это невозможно. Вы напрасно потратите силы и средства. Мое предупреждение — не угроза. В любом случае, я не стану отвечать агрессией на агрессию. Я отрицаю агрессию. Мне чужда месть. Я не причиняю вред, не творю зла. Я — Человек.

Глава I Империя

— Итак, кто из вас уверен в том, что этот... *Человек*... не станет на нас нападать? — спросил Император у собравшихся перед троном.

Последовала короткая пауза, во время которой стоявшие полукругом посреди тронного зала министры, советники, ученые, генералы и с ними Первосвященник мельком переглядывались между собой, и никто не решал-

ся заговорить первым. Тогда, окинув всех тяжелым взглядом, правитель остановился на одном из советников:

— Что скажете, Граф? Чего нам ждать от этого пришельца? Стоит ли нам ответить ему?

Граф, поджарый господин с седыми бакенбардами в расшитом золотыми фамильными гербами камзоле, принял строгую стойку и произнес:

— Полагаю, что нет, Ваше Величество.

— Отчего же? — поинтересовался Император.

— В послании, — несколько раз учтиво склонив и восклонив выю, обстоятельно начал Граф, — говорится: *идеи соперничества и использования слабых сильными долго держали нас в заложниках...* Что это может значить? Не то ли, что в обществе *людей* однажды возобладали противные Божьему Закону идеи, подобные проповедуемым некоторыми нашими смутьянами, что смеют возносить хулу на Господа, сказавшего в Писании через Пророка: «рабам повелеваю повиноваться владеющим господам своим и худородным почитать благородных и начальства»? Кроме того, он сообщает, что бессмертен и подобен *«богам»*... что явно свидетельствует о его высокомерии и гордыне... и, если он не лжет, о его силе... Что, если он захочет свергнуть Ваше Величество и править нами?..

— Это вряд ли... — возразил Графу Ученый.

— Что? — рассеянно переспросил его Граф.

— Вряд ли, — снова повторил Ученый. — Скажите мне, досточтимый Граф, зачем ему наша планета, если он способен странствовать среди звезд?

Граф пробурчал что-то себе под нос, но не нашел, что ответить.

— Ваше Величество, — обратился Ученый к Императору, обозначив при этом требуемый правилами поклон, но без графьего усердия. — Я думаю, Вам следует ответить *Человеку* приветствием и пригласить быть гостем в нашем мире.

— Вы всерьез полагаете, что это безопасно, мой друг? — с сомнением произнес правитель.

— Те знания об окружающем наш мировой шар пространстве, которыми я, милостью Господа, обладаю, подсказывают мне, что здесь, в нашем мире, нет ничего такого, чего бы *Человек* не смог найти там... — Ученый мельком взглянул вверх, в расписанный сценами из Священного Писания потолок тронного зала, — ...среди звезд и обращающихся вокруг них других мировых шаров или *планет*, как называет их *Человек*.

— Сын мой! — возвысил голос Первосвященник. — Вы говорите так, словно наш благословенный Господом через Пророка мир не свят и не первый среди миров...

— Нет, Высокопреосвященный Отец, — вежливо ответил Ученый, — я этого не утверждал. Я не имел в виду святость и благодать, которые от Господа, а говорил лишь о веществе, из которого Бог создал наш мир, звезды и другие миры... Вещество это одно и то же везде. И это ни в коем случае не должно оскорблять ни Вас, ни Господа.

— Хватит, Бога ради! Довольно! Не превращайте совещание в богословский диспут! — всплеснул руками Император. Ученый с Первосвященником тут же умолкли. — Давайте о деле! Итак, назовите мне причину, — обратился он к Ученому, — по которой мне стоило бы приветствовать этого *Человека* и пригласить его к нам?

Ученый не стал мяться и сказал прямо:

— Таких причин несколько. Первая причина состоит в том, что наша наука могла бы почерпнуть от *него* такие знания, с помощью которых мы сможем *сделать наш мир еще лучше*... Вторая причина. Я уверен в том, что странствующий меж звезд *Человек* сможет научить тому и нас, и тогда, в будущем, мы сможем присоединить к Империи Вашего Величества другие мировые шары, что обращаются вокруг нашего благословенного Господом солнца...

— ...Какая гордыня... — начал было Первосвященник, но Император сделал совершенно определенный знак кистью и тот замолчал.

— ...И третья причина... — продолжал тем временем Ученый. — Уже сам факт первого контакта с разумным существом из иного мира, прославит Ваше Величество в веках. Ваше имя будет вписано в историю не только как имя еще одного из Императоров Мира, а как имя...

— ...Пророка? — с иронией вставил Император, вызвав на бородатом лице Первосвященника натренированную гримасу благоговейного ужаса.

— ...Как имя того, — невозмутимо продолжил Ученый, — кто принял бессмертного космического странника как хозяин гостя. — Ученый снисходительно посмотрел на Первосвященника и снова обратил лицо к Императору. — Пророк видел самого Бога, а Ваше Величество станет тем, кто принял одного из божьих сыновей, что был сотворен в другом, невообразимо далеком уголке мироздания... — сказал Ученый и, помолчав, закончил свою речь словами: — Это не сделает Вас Пророком, но возвеличит среди великих.

Ученый умолк. Правитель некоторое время в раздумьях постукивал пальцами по подлокотнику трона, глядя поверх собравшихся. Никто при этом не осмелился прервать размышления Владыки Мира. Когда же, наконец, мысли его пришли в состояние покоя, он посмотрел направо — туда, где стояли генералы и, выделив взглядом главного из них — дородного, ши-

рокопличего старика в густо увешанном орденами и медалями мундире полководца с повязкой на правом глазу — обратился к нему:

— А Вы что думаете, Генерал?

Полководец подтянулся, хрюкнул и бодро «вышел из строя», брякнув медалями.

— Я думаю, Ваше Величество, — четко произнес он, — только то, что следует из принципов военной науки.

— И что же из этих принципов следует? — серьезно спросил Император.

— То, Ваше Величество, что нам нельзя отвечать этому *Человеку*, — уверенно ответил Генерал. — Мы не знаем *кто* он и *что* он. Действительно ли он одинокий странник меж небесных светил или передовой дозора могучей и наверняка превосходящей нас в силах армии поработителей... — Генерал значительно помолчал, давая всем проникнуться сознанием нависшей над миром угрозы, после чего продолжил: — Послание *Человека* может оказаться коварной тактической уловкой, призванной ослабить бдительность потенциальной жертвы. Я настоятельно советую Вашему Величеству на него не отвечать. Ошибка может стать роковой для всего нашего мира, — обеспокоенно закончил Генерал и, пошумев регалиями, «вернулся в строй».

— Н-ну, что теперь скажете, друг мой? — снова обратился Император к Ученому. — Уважаемый Генерал выразил, на мой взгляд, вполне разумные опасения...

— При всем уважении, Ваше Величество, к Вам и досточтимому Генералу, — произнес тогда Ученый, — считаю должным возразить...

— Что ж, — улыбнулся правитель, — попробуйте.

Ученый быстро покивал и глубоко вдохнул.

— Наш благословенный Господом мировой шар, — заговорил Ученый, — хоть он и прекрасен и история его исполнена славой наших предков, а небо его окутано привлеченной их молитвами благодатью, тем не менее, является лишь малой песчинкой в великом творении Всевышнего. Даже в сравнении с нашим солнцем, не самым большим среди солнц, он очень и очень мал. Как я уже сказал, в нашем мире нет ничего такого, чего бы не было в других мирах... Большинство солнц, что мы наблюдаем, имеют при себе миры, большие и маленькие, состоящие из камней и железа, из льда и газов, воды и неизвестных нам веществ. Кроме того, существует множество малых миров и просто гор и камней, подобных тем, что составляют Великий Каменный Пояс, лежащий за Матерью Семи Лун, которую мы видим в небе каждую ночь. В таких поясах *Человек* легко может найти любое нужное ему вещество, вплоть до золотых слитков, каких нельзя получить, даже если со-

брать воедино все золото нашего мира... но я сомневаюсь, что *ему* может понадобиться столько золота...

— Но, что же тогда *ему* может понадобиться от нас? — недоуменно спросил Император. — Зачем-то же он ищет общения с наделенными разумом существами! Ну, хорошо... Я готов согласиться с тем, что Генерал сгущает краски: коль уж этот *Человек* бессмертен и странствует меж звезд и этих... «*Звездных Дисков*», то уж точно может приобрести все ему необходимое, не прибегая к войне и не отнимая силой нужное у разумных божьих созданий. Но! Зачем ему мы?

Император уставился на Ученого, ожидая от того немедленного ответа. И Ученый ответил:

— А разве одно только желание обогатиться чем-то вещественным может служить причиной и поводом к тому, чтобы искать общения? — он замолчал, продолжая смотреть на правителя.

— ...возмутительно... — послышалось тихое раздражительное ворчание благочестивого Графа. На него шикнули, и Граф умолк. Ни Император, ни Ученый не обратили на это внимания.

— Нет, — наконец сказал Император. — Но, что же тогда?

Ученый пожал плечами.

— Может, — немного подумав, предположил он, — *Человек* ищет общения ради общения? А может, им движет жажда познания? *Человек* ищет ответы? Что может интересовать *бессмертного*?

— Да какого, к дьяволу, еще *бессмертного*! — вспылil вдруг набожный Граф. — Вам же Генерал ясно сказал: послание вполне может оказаться фальшивкой!

— Досточтимый Граф, — спокойным тоном ответил ему Ученый, — прошу Вас, держите себя в руках и не поминайте того, кого Вы помянули *здесь*... хотя бы из уважения к Высокопреосвященному Отцу...

— Ну, все, хватит! — остановил препалку правитель. — Я учту прозвучавшие здесь аргументы, когда буду принимать решение по делу послания от *Человека*... У кого-нибудь есть еще что сказать? — Император окинул взглядом стоявших перед ним.

Молчание.

— Что ж, тогда совещание окончено. Можете идти.

Снаружи стоял солнечный летний день. Теплый легкий ветерок пропитан запахами цветов и деревьев, окружавших императорский дворец. Неподалеку шумели фонтаны, щебетали спрятавшиеся от солнцепека среди деревьев крон птицы. Ветерок доносил от фонтанов мелкую водяную пыль,

которая оседала на широких мраморных ступенях дворца и тут же превращалась в пар.

Спустившись по ступеням, Ученый, в сопровождении слуги и двух телохранителей, направился по аллее с фонтанами к месту, где парковались машины министров и советников.

Он размышлял о последних словах Императора... — какие еще «аргументы»? «Аргументы» Генерала — этого старого дуболома? Этот придурок всерьез думает, что того, кто способен преодолевать миллионы световых лет, может интересовать такая глупость, как война с кучкой дикарей, населяющих крохотную планетку! Или взять Графа... лицемерный мерзавец боится, что привычный ему мир, в котором он — Граф, изменится, будет отменено рабство, дураков наконец станут называть дураками, невзирая на их «высородство»... С Первосвященником все понятно... этот мракобес ни в чем не разбирается, кроме своих священных басен... И мнения *этих* он — Император — собрался учитывать!

Он считал Императора разумным и не бесталанным человеком, — считал искренне, а не потому, что Его Величество положено превозносить. Ученый был одним из тех, кого Император называл «мой друг». Неужели он станет слушать этих придворных льстецов и воинствующих дураков?! Ведь это исторический момент! Первый контакт! До следующего такого шанса могут пройти тысячелетия!

Ученый сел в полагавшийся ему по чину Министра науки и просвещения спецавтомобиль — большой, тяжелый, с бронированными бортами и стеклами — и рассеянно кивнул шоферу. Шофер за разделявшим кабину и министерский салон стеклом учтиво кивнул в ответ и машина тронулась. Вместе с ним в салоне сидели слуга и один из охранников так тихо, что Ученый их даже не замечал; второй охранник сидел в кабине с шофером. Прохладный воздух в салоне был свежим, без запахов. Ученый нажал на двери одновременно две клавиши, и расположенные друг против друга бронированные стекла поползли вниз, наполняя прохладный, свежий без запахов воздух салона коктейлем из ароматов императорского сада, мелодичными трелями и щебетом.

Ученый не зря занимал пост министра. Он не был потомственным графом или князем. Но зато он был гением. Прежде чем стать министром и другом Императора, он успел внести значительный вклад в науку. Одна только Теория относительности, разработанная им еще в молодости, — уже достаточный повод внести его имя в список величайших столпов Знания, когда-либо живших. Он уже вошел в историю и был удовлетворен сознанием этого несомненного факта. Это его удовлетворение не имело ничего об-

щего с удовлетворением, скажем, генерала, успешно разгромившего народное восстание; глубокое понимание принесенной пользы, приближавшей его вид к процветанию и светлому будущему — вот, что было основанием удовлетворения Ученого. Ученый твердо знал, что жил не зря, в науке он сделал все, на что способен, и теперь почивал на лаврах. Старался быть не самым плохим министром, — отдавал много сил просвещению: открывал школы и университеты, сумел убедить Императора ввести обязательное начальное образование для рабов и крепостных, создал условия для отбора талантов из среды низших слоев населения и их дальнейшего роста в подчиненной ему системе образования и науки. И вот, когда все главные дела в его жизни казались законченными — теории открыты, семена просвещения — посажены, а все, что оставалось, — рутина, ему докладывают из главной обсерватории мирового шара: *из межзвездной пустоты поступает странный сигнал...*

Когда машина покинула территорию дворца, и салон наполнился выхлопными газами с улицы, Ученый закрыл окна и настроил кондиционер на усиленную вентиляцию. Нажав кнопку связи с шофером, он распорядился: ехать в Академию наук.

Спецавтомобиль ехал по улицам столицы в сопровождении машин охраны и городских карабинеров. На тротуарах и аллеях в сопровождении опрятных служанок и рабынь прогуливались под зонтиками благородные дамы в легких летних платьях всех цветов радуги. На самом деле, дамы не превосходили числом мужчин: кавалеров и респектабельных господ (не говоря уже о многочисленных рабах), но в сравнении с представительницами слабого и вместе с тем прекрасного пола, мужчины, одетые менее ярко, смотрелись бледными тенями, странным образом потерявшими своих хозяев. Глаз сам собой фокусировался на ярком, насыщенном цвете и изящном — на женщинах. Столица всегда славилась обилием красавиц. Ученый задумчиво смотрел в окно, словно рассматривал прохожих дам, но на самом деле он никого не замечал. Все его мысли вертелись вокруг *послания и Человека...*

Он и не заметил, как оказался посреди большого комплекса Академии, раскинувшегося на территории размером в несколько городских кварталов. Машина остановилась, Ученый, не дожидаясь слуги, сам открыл дверь и быстрым шагом направился в центральное здание, где располагался Президиум.

В вестибюле его уже встречали: молодой, подающий большие надежды профессор и несколько сотрудников. Профессор руководил проектом с лаконичным названием «Послание», сотрудники координировали отдельные

направления проекта. Секретность проекта обеспечивалась принятыми спецслужбами министерства весьма серьезными мерами предосторожности: официально группа профессора занималась совсем другими делами (достаточно важными, чтобы оправдать прямое участие в них Министра).

— Ну, как продвигается работа? — бросил он на ходу, направляясь к лифтам.

— Есть определенные успехи, господин Министр, — отвечал молодой начальник проекта.

Они вошли в лифт и вскоре оказались в кабинете профессора. Когда дверь за ними закрылась, Ученый перешел к делу:

— Как скоро Император сможет обратиться к *Человеку*?

— Эм... Хорошо бы поработать с устройством еще... пару дней... — осторожно ответил профессор, — все еще раз перепроверить... но, если Его Величество пожелает сделать это сегодня... то, я думаю, вполне сможет.

— Вы уверены? — мягко уточнил Ученый.

— Процентом на девяносто пять, — честно признался молодой профессор. — Мы отправляли контрольные сообщения на специально для этого созданный приемник-дешифратор по оптоволокну. Дешифратор преобразовал полученные данные в язык *Человека* и после отправил обратно... Обратный перевод немного отличается от исходника, но вполне понятен...

— Сколько раз повторяли алгоритм?

— Больше сотни. Результат один и тот же: незначительная погрешность...

— Как сами думаете, — спросил тогда Ученый, — *Человек* поймет Императора?

Молодой профессор улыбнулся:

— Он же не умственно отсталый...

Ученый согласился и тоже улыбнулся. Ученому нравился молодой профессор; он напоминал ему его самого в молодости.

— Но, — продолжил профессор, — думаю, будет лучше если Его Величество в своем обращении не станет употреблять сложных конструкций, которые могут быть поняты двояко... Все же другой разум...

— Да, конечно, — покивал Ученый. — Я ему все подробно объясню.

— И то, что ответа он не дожидается...

— И это тоже.

Он не сказал Императору о том, что источник послания — стало быть, сам *Человек* — находился в сотне световых лет от их мирового шара и о том, что это значило...

Тридцать пять-тридцать семь лет — такова средняя продолжительность их жизни. Самому старому долгожителю сейчас сорок восемь и это дряхлый, уже выживший из ума старик. Ученый как никто другой понимал, что такое скорость света — какой это жестокий стражник, вставший между мирами. Ученый не надеялся на то, что контакт с пришельцем состоится при его жизни, но он не стал сообщать об этом Его Величеству.

Он не солгал, просто не сказал всей правды. Иначе вряд ли ему бы позволили тратить огромные средства на этот «бесперспективный» проект. «Бесперспективный», разумеется, в понимании таких дураков, как Граф или Генерал. Он не солгал, когда сказал о том, что Император войдет в историю как пригласивший *Человека* быть гостем в их мире. Да, *не он* — нынешний Правитель Мира — примет звездного странника, — эта честь достанется одному из его дальних потомков — даже не правнуку. Но Ученый не сомневался в том, что эта далекая встреча принесет благо всему его миру. Возможно, что их потомки даже станут *бессмертными*... как *Человек* — Ученый понимал, чтобы странствовать меж звезд, нужно быть, если не бессмертным, то уж точно древним, как сам мир. Он сказал Императору о присоединении к *его империи* других мировых шаров... но, разве империя, в которой будет править его потомок, не будет той же самой, *его империей*?

Они должны ответить *Человеку*! Обязаны это сделать. Ради будущих поколений. И даже если его, Ученого, за сокрытие им части правды накажут, он все равно не должен отступаться от задуманного. Не имеет права.

Когда они остались с молодым профессором одни, Ученый сказал:

— Вы ведь понимаете, *почему* я до сих пор не сказал Ему?

— Да, конечно, понимаю.

— Вот и хорошо. Держите это в секрете. Я с этим разберусь.

Тем вечером Ученый собирались с супругой посетить театр и после — ресторан. Он уже облачился в вечерний костюм и отпустил помогавшего ему слугу. Поправив перед зеркалом седые волосы, Ученый вышел из комнаты и направился к спальне супруги. Но, не успел он сделать и десяти шагов, как впереди, из примыкавшего коридора послышался знакомый дребезжащий звук и спешащие шаги, а через несколько секунд из-за поворота появился запыхавшийся дворецкий. В руке дворецкого был радиотелефон, который Ученый ранее оставил... кажется, в библиотеке. Увидев хозяина, дворецкий ускорился. Подбежав, старый слуга протянул ему продолжавший настойчиво дребезжать подобно металлической трещотке аппарат, почтительно склонив при этом порядком полысевшую голову.

Звонили из императорского дворца.

Ученый ответил. На связи был секретарь-референт Императора. Официально-учтивым тоном секретарь сообщил, что Император желает его видеть и поинтересовался: как скоро он будет. Ученый сказал, что не задержится и секретарь, попрощавшись, положил трубку.

Он извинился перед женой за сорванные планы на вечер, — та, едва выслушав оправдания мужа, тотчас признала их уважительными и, проводив его до дверей, твердо заявила, что дела государственные важнее театра. Ободрившись напутствием супруги, Ученый сел в спешно поданную машину и отправился во дворец.

На министерской стоянке Ученый заметил машину Генерала, и это обстоятельство сразу вызвало в нем неприятное чувство тревоги. Что здесь делает этот старый солдафон? Неужели ему снова придется объяснять регламенту дураку очевидные вещи?

Быстро темнело. Солнце уже коснулось горной гряды, что протянулась на северо-западе от столицы. В сопровождении неизменной свиты из охранников и вездесущего слуги, Ученый зашагал по аллее с фонтанами через перечерченный длинными тенями гостевой сад.

У входа его встретил сенешаль и проводил в вечерний кабинет Императора.

Император, заложив ладонь за борт легкого кителя без знаков отличия, прохаживался вдоль ряда из семи высоких в потолок окон, за которыми раскинулся внутренний императорский сад с небольшим озером. Вдоль аллей и на набережной озера включились электрические фонари, — поравнявшись с пятым по счету окном, Император бросил долгий задумчивый взгляд сквозь идеально прозрачное стекло, после чего обернулся в полкорпуса и угрюмо взглянул на вошедшего Ученого.

— А, это Вы, мой друг... — невесело сказал правитель. — Я Вас как раз ждал...

— Ваше Величество.

— Прошу Вас, проходите... — Император указал рукой в направлении округлого эркера, расположенного в углу кабинета, на стыке двух внешних стен дворца; днем это была самая светлая часть в помещении. — Садитесь... — кивнул он на одно из стоявших там кресел, а сам сел в другое, такое же, стоявшее напротив.

Ученый сел и выжидающе посмотрел на Императора. В голове его при этом, не переставая, крутились разные предположения, в которых, так или иначе, участвовал Генерал. Наиболее вероятным было предположение о

том, что старому вояке удалось что-то разузнать о проекте, и он тут же все выложил правителю.

— Сегодня до меня дошли кое-какие слухи о Вашем *проекте*... — произнес Император и осекся, ожидая, что Ученый дальше все сам расскажет.

— Полагаю, источником этих слухов стал Генерал? — уточнил Ученый.

Ученый, всегда прямолинейный в частных беседах с Императором во многом этой своей прямоотой заслужил расположение к нему последнего. В отличие от Генерала, Графа и большинства других чиновников, Ученый не был подхалимом и не отличался угодливостью.

Так уж повелось в этом мире, что холуи и льстецы часто достигали служебных высот, становились генералами и министрами, верно служили своим монархам, но никогда ни один император не питал к таковым искренней любви, если только не был дураком. Ибо только низкие хамы и дураки могут любить льстецов и подхалимов. Император же не был ни тем, ни другим.

— Верно, — ответил Император. — Как Вы догадались?

— Видел его машину.

Правитель согласно покивал и перешел к главному:

— Шпионам Генерала удалось установить подслушивающее устройство в Академии наук, — сказал он. — Им удалось записать Ваш разговор с профессором, и Генерал лично привез мне пленку...

— И что же из содержимого этой подлой пленки Вас смутило?

Небрежно закинув ногу на ногу, Император откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на Ученого:

— Вы сказали, что я не дождусь ответа... Как это следует понимать?

Ученый не ошибся в своих предположениях.

— Ну, что ж, — задумчиво произнес тогда Ученый, — придется мне Вам признаться...

— Давайте, мой друг, покончим с этим.

— Послание, — сказал Ученый, — пришло из области межзвездной пустоты, лежащей в сотне световых лет от нашего мира... — он прямо посмотрел на Императора и добавил: — То есть, иными словами, свет *оттуда* летит к нам примерно сто лет.

— Стало быть, — подумав, сказал Император, — наш ответ будет получен *Человеком* через столько же?

— Да.

— И это все, что Вы от меня скрыли?

— Да.

Правитель некоторое время молча смотрел в окно.

— И... ничего нельзя поделать с этим? — наконец спросил он.

— На сегодня науке неизвестны способы обхода этого ограничения, — покачал головой Ученый. — Свет, — сказал он, помедлив, — способен двигаться во внешней пустоте с чудовищной скоростью, но и скорость эта ничтожна, в сравнении с теми расстояниями, что лежат между звездами... Вот, например, взять наше светило... свет, испущенный им, достигает нашего мирового шара лишь через одиннадцать с половиной минут. То есть, если бы наше светило вдруг внезапно погасло, мы бы еще одиннадцать с половиной минут продолжали видеть его на небе...

Ученый замолчал, глядя перед собой. Лишь спустя долгую минуту, Император ответил ему:

— То, что Вы сказали, страшно.

— Да. Очень страшно, — медленно кивнул Ученый. — Меня повергают в трепет эти расстояния... Мне страшно думать, что где-то там... — он посмотрел сквозь окно эркера на уже достаточно потемневшее небо, на котором проступили первые звезды, — рождаются и погибают миры, жители которых обречены на вечное одиночество... Наверняка для них рано или поздно наступает время, когда они начинают понимать то, что только недавно поняли мы: они понимают, что не одни и понимают, что никогда, никогда они не смогут дотянуться до собратьев по разуму и познанию... и причина, по которой они этого не смогут — та, которую я сейчас назвал — скорость света. Ничто не способно обогнать свет. Это невозможно, неосуществимо в принципе...

— Если только не стать *бессмертными*... — произнес Император.

— Да, как *Человек*.

— Теперь я понимаю, почему Вы так хотите, чтобы мы ответили *ему*...

— Прошу Вас, скажите это.

— Потому, — продолжил Император, — что такая возможность может оказаться единственной. Если мы промолчим сейчас, наши потомки могут не дожждаться другой такой...

— Сменяются поколения, изменится лицо мира, пройдут тысячелетия, сотни тысячелетий, тысячи тысячелетий, солнце померкнет и мир скует лед... а потом наступит смерть...

— Мне страшно, друг мой, — тихо сказал правитель. — Страшно за этот мир, над которым меня поставила судьба. — Он посмотрел в сторону, в окно, за которым горели гирлянды фонарей; их отражения блестели ровными полосками на озерной глади. Ученый мельком взглянул на Императора и заметил как глаза могучего атлета со стальными от седин волосами блестят от затянувшей их влаги. — Мы обязаны ответить, — помолчав, произнес он.

И пускай мы с Вами умрем от старости, и дети наши умрут, но те, кто придут после, увидят *его*.

— И, может быть, станут как *он*, — произнес Ученый.

— Может быть, — ответил Император.

Когда Ученый сел в машину, он взял у слуги радиотелефон и набрал номер молодого профессора.

— Готовьте устройство, — сказал Ученый. — Завтра Его Величество ответит *ему*.

— Все уже готово, господин Министр, — заверил молодой профессор. — Не беспокойтесь. Мы немного доработали алгоритм... все пройдет как надо.

— Хорошо, — сказал Ученый. — Тогда до завтра!

Он завершил звонок и вернул радиотелефон слуге. Слуга принял аппарат и как-то странно посмотрел на Ученого, потом повернул лицо к телохранителю и коротко кивнул. Телохранитель кивнул в ответ, достал пистолет и выстрелил в голову Ученому.

Убедившись, что Ученый мертв, слуга извлек из кармана небольшое устройство с выдвижной телескопической антенной и девятью переключателями-тумблерами, расположенными в три ряда по три в каждом. Выдвинув антенну, слуга переключил часть тумблеров в верхнее и часть — в нижнее положение, после чего послышались щелчки и устройство ответило голосом Первосвященника:

— Слушаю тебя, сын мой.

— Ваше Высокопреосвященство! — с благоговением произнес слуга, — мы выполнили наш долг. Соблазнитель мертв...

Той ночью у еще полного сил Императора случился удар, приковавший его к постели. На пятый день Император Мира, так и не придя в сознание, умер.

Молодой профессор погиб в тот же вечер в автоаварии. Он возвращался домой из института и по дороге не справился с управлением. Его машина вылетела с дороги в кювет.

Едва профессор покинул здание института, в здании случился пожар, в котором погибло большинство сотрудников, занятых в проекте «Послание». Созданная ими машина — устройство, предназначавшееся для кодирования ответа *Человеку* и расшифровки других посланий от *него*, если бы таковые поступили — была уничтожена.

Избежавшие смерти при пожаре сотрудники института погибли при разных обстоятельствах в течение последующих суток.

Серия подозрительных смертей ученых СМИ не была замечена — несчастье с Императором стало в те дни новостью номер один, — а немногие, что заинтересовались (как, например, один следователь из городских карабинеров или начальник охраны Академии наук), очень скоро исчезли.

Наследником Императора был объявлен его несовершеннолетний сын, при котором назначен регент — благочестивый Граф, произведенный в день назначения в герцоги.

Интермедия **Человек**

Он возвращался домой — в место, которое оставил восемь галактических лет назад. Тогда, в самом начале пути, он был совсем другим. Его скромные в то время базы знаний даже отдаленно не были сравнимы с теми массивами информации, что собрал он за почти два миллиарда земных лет странствий.

Он видел поглощенные Андромедой ядра древних галактик, отправляя зонды коронам гипергигантов в эмиссионных туманностях Треугольника, был свидетелем взрыва сверхновой в Большом Магеллановом Облаке, во время которого потерял часть себя. Он говорил с более древними, чем он сам, разумами — учился у них; видел, как зарождается жизнь в молодых мирах и как она вскоре угасает, едва сделав первый шаг в близлежащее пространство... видел то, что остается от цивилизаций-самоубийц: радиоактивные руины на мертвых планетах. Он изучил историю этих миров и использовал полученные знания, чтобы предотвратить ее повторение в других, вставших на краю гибели, но еще способных сделать шаг назад от пропасти. Он не вмешивался, не использовал свою силу в качестве аргумента; он лишь показывал им то, что видел и оставлял самим решать, как поступать дальше. Когда его просили о помощи, он помогал, когда просили не вмешиваться — не вмешивался.

Он был плывущим меж звезд облаком. Был разрежен и холоден, был почти невиден. Не потому, что скрывался, а просто так ему было удобней: атомы-машины, из которых он состоял, в своей подавляющей массе пребывали в покое (не в смысле отсутствия движения, а в смысле глубокой гибернации — спячки). Активны были части облака, в которых его копии вступали в диалектические взаимодействия и творили.

Облако имело форму сильно размытого обоюдно конуса, расстояние между головной и хвостовой вершинами которого составляло около семидесяти, а в самой широкой части — около двадцати пяти парсек. Двигаясь напрямик к Рукаву Ориона, он окутывал целые звездные системы, создавая при этом в своем облачном теле подвижные гроты и пузыри или открывая тоннели. За границы облаков Оорта он обычно отправлял исследовательские зонды, которые формировал из небольших объемов своего вещества, которое ему приходилось уплотнять и втягивать вглубь себя, образуя те самые пузыри и тоннели, дабы притяжение звезд не сыграло с ним злую шутку (не отрывало куски от его тела). Пропускать звезды сквозь себя лучше, чем уподобляться змее, ползущей среди стоящих тут и там деревьев — земная метафора (некоторые из его копий любили такие метафоры; они держали в памяти все, что он помнил о Родине). Таким образом, внутри него иногда оказывались десятки звездных систем одновременно; он находил это ощущение приятным. Пропуская звезды сквозь себя, он познавал их, и после, когда они оказывались далеко позади, чувствовал грусть, как мог бы грустить его далекий предок, однажды побывавший в красивом месте и вынужденный навсегда его покинуть. Он знал, что в следующий раз, когда (и если) он вернется к ним, они станут другими и возможно, что в них даже появится разумная жизнь...

Он создал «Ковчег», в котором собрал редкие образцы неживой материи и наиболее интересных представителей неразумной жизни, обеспечив каждому виду достойную среду. Он расположил «Ковчег» в головной вершине биконического облака. Это был цилиндр длиной в один миллион земных километров и диаметром — в пятьдесят тысяч; внутри цилиндра он поместил пятьсот тысяч изолированных друг от друга и вращающихся с разными скоростями миров-колец; в кольцах он воссоздал условия для обитания различных видов с разных планет из разных систем в разных галактиках. «Ковчег» был его даром Родине — Солнечной Системе Земли. В самом первом из миров-колец «Ковчега» была воссоздана земная биосфера, ее населяли земные организмы от архей до разнополых копий Человека.

Он, Человек, создал «Ковчег» более полутора миллиардов лет назад и все это время, с первых дней своего существования межгалактический корабль по имени «Ковчег» непрерывно передавал в пространство зашифрованное простым двоичным кодом послание, начинавшееся словами: *Приветствую вас, друзья!*

Глава II

Республика

— Господин Президент! — на возникшем перед правителем мирового шара экране появилось лицо Министра Безопасности. Лицо это, обычно неизменно волевое, широкое, с крепким, немного сплюснутым носом, квадратным подбородком и острыми с прищуром голубыми глазами впервые показалось правителю бледным.

— Я Вас внимательно слушаю, господин Министр... — ответил Президент. Президент сидел в глубоком кресле с высокой спинкой за столом в рабочем кабинете президентского дворца. Пять минут назад закончилось очередное экстренное совещание с министрами экономики, внутренней политики и губернаторами восьми провинций метрополии. Перед тем была двухчасовая встреча с Министром Науки, — обсуждали последние сведения о корабле пришельцев и его «зондах». Министра Безопасности Президент последние два дня видел только по видеосвязи, — старый солдат вторые сутки неотлучно находился в объединенном штабе, где занимался своими прямыми обязанностями — координировал работу штаба, отдавал приказы генералам, держал связь с учеными из Министерства Науки. С Президентом Министр Безопасности связывался ежечасно в строго определенное время, следующий звонок от него ожидался через четверть часа. Президент как раз собирался немного отдохнуть — откинувшись в кресле, он закрыл раскрасневшиеся от бессонной ночи глаза и уже начал дремать, когда поступил видеозвонок...

— Мы потеряли контроль над Восточным полушарием... — доложил без преамбул Министр. — Оба материка захвачены армиями мятежников. Войска Сил Безопасности раздроблены — частью вытеснены из городов, частью — примкнули к мятежу... Среди примкнувших четыре гвардейских корпуса в полном составе...

— Как такое возможно? — холодно блеснув глазами, сквозь зубы процедил Президент. Едва охватившая его дремота мгновенно улетучилась.

— Распропагандированы революционерами, — ответил Министр. — Солдаты-анархисты вместе с низшими и некоторыми средними офицерами арестовали командующих и высших офицеров и заявили, что *«не пойдут против народа»* и подчинятся *«избранной народом»* новой *«власти»*...

Президент некоторое время молчал, глядя сквозь экран с Министром. Мягко сказать, скверные новости. Но, после новостей Министра Науки, даже известие об отколовшейся от Единой Республики половине мира уже не казалось ему трагедией.

— А что здесь, на Западе? — наконец спросил Президент.

— Материк под нашим контролем, — уверенным тоном доложил Министр. Президенту показалось, что Министр заговорил с облегчением. — Мы полностью обезглавили коммунистов и анархистов, а подконтрольные нам социал-демократы сейчас убеждают митингующих в столице разойтись по домам... Кое-где в провинции еще бунтуют шахтеры и металлисты... но Нацгвардия с ними разберется в самое ближайшее время.

— Это, конечно хорошо, что обезглавили гадину здесь, в метрополии, но, если мы не восстановим порядок на Востоке... — Президент не договорил. — Понимаете, *чем* это нам грозит в будущем?

— Да, господин Президент, — угрюмо кивнул Министр. — Войной.

Президент снова помолчал, — не хотелось переходить к главному. Тема пришельцев вот уже полгода была самой обсуждаемой в мире...

Корабль пришельцев появился внезапно — буквально: материализовался — вблизи мирового шара, сразу заняв орбитальную позицию над Великим океаном. В течение суток ничего не происходило, а потом от корабля отделилось две тысячи сто семьдесят идеально округлых серебристо-белых сфер, каждая диаметром со стоэтажный небоскреб, и опустились к поверхности. Сферы зависли в небе над большинством крупных городов мира и с тех пор никак себя не проявляли.

Тогда, в первые дни, Президент объявил чрезвычайное положение; в Министерстве Безопасности была создана особая комиссия по противодействию предполагаемому вскоре вторжению; объявлена всемирная мобилизация. Но очень скоро стало понятно, что пришельцы не собираются нападать. Сферы не перемещались, не реагировали на внешние факторы, такие как изменения погоды, за одним исключением: с наступлением ночи они начинали светиться матово-белым, — неярко, настолько, чтобы их можно было видеть снизу. Ученый совет Академии наук расценил это, как дружественный жест и рекомендовал Президенту отменить чрезвычайное положение. Президент выполнил рекомендацию ученых.

Созданная вскоре, на этот раз Министерством Науки, другая особая комиссия, с целью установления контакта с пришельцами опробовала разные способы коммуникации: сферам посылались световые сигналы, радиосигналы, эхолокационные сигналы, в двоичной, троичной, линейной системах кодирования. Безрезультатно. К сферам пытались прикасаться. Безуспешно. На манипуляторы действовала неизвестная и непреодолимая сила, не допускавшая прикосновения. Тогда было решено отправить к пришельцам контактную группу. В группу вошли ученые-физики и биологи, а также сам

Министр Науки, вызвавшийся быть послом Президента и Правительства Единой Республики. На доработанном и испытанном в срочном порядке новом космическом челноке контактная группа отправилась во внешнее пространство к кораблю пришельцев, размеры которого втрое превосходили размеры столицы... Безрезультатно. Зависшая на орбите «гора» или даже «остров» никак не отреагировала на сигналы и не позволила к себе прикоснуться, закрывшись тем же «силовым полем», как его называли ученые из комиссии, что и сферы, получившие предварительное название «зондов».

Через четверть года ученые признали свое бессилие установить контакт с пришельцами и переключились на пассивное наблюдение. В то время как неподвластные силе притяжения устройства молчаливых собратьев по разуму продолжали мирно висеть в небе над городами, над Министерством Безопасности нависла другая угроза: на материках периферии начала подниматься очередная волна недовольства рабочих. Раньше такие волны удавалось гасить незначительными уступками недовольным и подкупом профсоюзных лидеров, но на этот раз проблема обещала стать серьезной: рабочие стихийно создавали неподконтрольные власти профсоюзы, в которые вскоре потекли левацки и либерально настроенные инженеры-техники и некоторые отщепенцы-интеллигенты, быстро внесшие в стихию элементы упорядоченности. Одновременно активизировались откровенно антигосударственные группы анархистов и коммунистов, оказавшие на движение радикализующее влияние. В Мировой Паутине начали появляться провокационные антиправительственные прокламации; несколько опальных писателей опубликовали произведения, запрещенные цензурой как экстремистские; участились случаи атак на правительственные и полицейские ресурсы.

От атак в кибер-пространстве экстремисты перешли к открытым нападениям в городах на стражей порядка и карабинерские отделения. Нападавшие не выдвигали требований, не брали заложников: они убивали карабинеров, забирали оружие и боеприпасы. Вскоре атакам подверглись административные центры, суды и тюрьмы: представителей власти убивали, как недавно убивали охранявших их полицейских. Тут и там восставшие проводили революционные выборы, создавая новую систему власти, ориентированную на социальные низы и этим низам полностью подконтрольную. Начались гражданские чистки: отряды народных ополченцев устраивали организованные рейды в населенные богачами пригороды и закрытые поселки, где отстреливали частных охранников и посмеявшихся оказывать вооруженное сопротивление обитателей дворцов, не желавших отдавать имущество в созданные народные фонды. Разумеется, такая наглость повстанцев не могла долго оставаться безнаказанной, и вскоре Президент подписал указ о введе-

нии на обоих материках периферии нового, уже не связанного с пришельцами, чрезвычайного положения с последующей отправкой туда полицейских спецподразделений и Нацгвардии...

— Министр Науки уже сообщил Вам?.. — наконец заговорил Президент.

Министр Безопасности не стал уточнять, что именно должен сообщить ему Министр Науки. Он лишь едва заметно кивнул в ответ и после короткой паузы выдал:

— Да.

Речь шла о пока не подтвержденной на сто процентов информации о контакте лидеров повстанцев с пришельцами. На это указывал полученный минувшей ночью доклад агента, внедренного спецслужбой Министерства Науки в окружение одного из таких лидеров — командира боевой группы коммунистов, контролировавшей недавно избранное правительство в одной из периферийных провинций. Пугающая новость вызвала недоверие у специалистов объединенного штаба: повстанцы могли раскрыть агента и использовать его для дезинформации.

— Что Вы думаете об этом? — спросил Президент.

— Если это правда, — подумав, ответил Министр, — то нам с Вами осталось недолго...

Когда Министр Безопасности отключился, Президент откинулся на спинку кресла и погрузился в беспокойную, постоянно обрывающуюся судорожными вздрагиваниями дрему.

Ему снились пришельцы, одетые, почему-то, в рабочую форму, с молотами, с тяжелыми гидравлическими отбойниками на плечах, в касках с фонарями... некоторые пришельцы были водителями тяжелых каров-погрузчиков, какие можно видеть в портовых доках, а один даже управлял башенным краном. Все они преследовали его, требовали повышения зарплаты, сокращения рабочего дня, социальных гарантий... Он полез в карманы, чтобы достать деньги и отдать рабочим-пришельцам, но карманы оказались пустыми, и тогда молоты и отбойники в руках все напивавших на него пролетариев превратились в пистолеты-автоматы и карабины, а кары-погрузчики — в танки. И только башенный кран по какой-то странной причине оставался башенным краном. Президент стал всматриваться в висившуюся вдали машину и только теперь смог рассмотреть, что это вовсе не кран, а огромная виселица, на которой, корчась и подергиваясь, висят министры, генералы, известные телеведущие и журналисты, полицейские и... десятки, сотни, ты-

сячи мертвецов в дорогах костюмах и платьях. Президент видел их лица, — многие из повешенных были ему знакомы: банкиры, промышленники, главы корпораций, учредители фондов, богатые и знаменитые, сильные мира; других он видел впервые, но, почему-то, знал, что вот этот — директор крупной компании, а этот — владелец торговой сети, а вот эта — любовница министра и «светская львица», хозяйка нескольких ткацких фабрик на периферии...

Внезапно все звуки стихли. Президент почувствовал, как кто-то коснулся его руки. Опустив глаза, он увидел маленькую плохо одетую чумазую девочку. Малышка подошла незаметно и молча смотрела на него глубоко запавшими карими глазами, задрав вверх истощенное от регулярного недоедания личико. В тот момент ему стало невыразимо стыдно; он ощутил вину перед девочкой и, чтобы хоть как-то избавиться от горького чувства, отвел глаза от ребенка и снова посмотрел перед собой... Оказалось, что, отвлечшись на девочку, он не заметил как его окружила толпа рабочих. Угрюмые лица в касках смотрели с ненавистью; огрубевшие от работы руки крепко сжимали оружие. Наверное, это те самые похищенные из полицейских участков карабины... — вдруг подумал он, после чего снова вспомнил про девочку и понял, что его больше никто не держит за руку; он посмотрел вниз: девочки исчезла так же внезапно, как и появились пролетарии. Он снова поднял глаза на окруживших его... Теперь девочка стояла среди пришельцев. Подняв тощую ручонку, она указывала на него пальцем. В глазах девочки не было той холодной злобы, что светилась в глазах рабочих-пришельцев, — только обида; искренняя, простая, как и прочие чувства детей ее возраста. В этот момент давящую тишину нарушил щелчок предохранителя пистолета-автомата в руке одного из пролетариев, и Президент проснулся.

Звонил видеофон. Президент провел ладонью по мокрому лбу и, достав из кармана платок, вытер пот. Посмотрел на лежавшее на столе устройство, — имя звонившего отображалось на небольшом дисплее, — это был Министр Науки.

— Слушаю... — раздраженно бросил Президент сухощавому старику с клинообразной бородкой, когда тот появился на сотканном из лазерных лучей экране.

— Господин Президент! Происходит нечто невероятное!..

Благодаря СМИ, позабывшим о цензуре, произошедшее в тот день в столице поразило мир. Многие, видевшие *это* на экранах, отказывались верить новостям, принимая увиденное за фальшивку, за нелепую постановку,

за провокацию коммунистов... за что угодно, только не за правду. Но свидетелей было слишком много; среди них известные журналисты, общественники, ученые и представители гражданской оппозиции — те, кого слушают миллионы, видели все своими глазами.

В середине дня неподвижная в течение полугода сфера пришельцев сначала изменила цвет из серебристо-белого в ярко-красный, а потом и вовсе сдвинулась с места. Издав громкий, слышимый по всей столице и в столичных пригородах звук, отдаленно похожий на звучание духового оркестра — не обычного, а такого, в котором должно быть не менее тысячи разного рода горнов, гобоев, валторн, эфониумов, тромбонов и туб, — сфера медленно поплыла над городом, моментально приковав к себе внимание абсолютно всех — протестующих на улицах, городских карабинеров, солдат Нацгвардии, прячущихся по домам обывателей... Все смотрели на торжественно плывущий по небу алый шар, затаив дыхание.

Шар проплыл к одному из столичных стадионов, за несколько последних дней, в течение которых в городе велись ожесточенные уличные бои, получившему от горожан новое название — «Кровавое пятно», — туда массово свозились тела убитых в боях демонстрантов и расстрелянных без суда в ходе полицейских спецопераций революционеров. Остановившись над стадионом, сфероид засветился ярче прежнего, окрасив окрестности жуткого в своем новом предназначении сооружения в оттенки красного. Свидетели, наблюдавшие происходившее вблизи, утверждали, что алый шар несколько минут «ощупывал» стадион множеством «лазеров», — после чего испустил из себя «облако снега».

Через час «снегопад» закончился, и в центр стадиона, предположительно в середину усеянного мертвецами поля, из шара ударила «необычная молния». Сфероид умолк, снова став серебристо-белым.

Еще несколько минут в ушах собравшихся вокруг стадиона стоял гул от «небесных труб». Никто не осмеливался зайти внутрь; охрана стадиона бежала, приняв удары алого шара «лазерами» по стадиону за оружие пришельцев. В ярком солнечном свете сначала по двое и по трое, а потом — группами по десять и пятнадцать из ворот стадиона стали выходить мертвецы, еще недавно лежавшие на пропитанном кровью ристалище. Они что-то говорили друг другу, кто-то смеялся, кто-то кричал, кто-то плакал. Некоторые городские карабинеры и бойцы Нацгвардии бросали оружие и становились на колени, обливались слезами, другие — срывали с себя знаки отличия и с оружием в руках шли к восставшим из мертвых, в убийстве которых они лично участвовали, чтобы встать теперь с ними плечом к плечу. В это было трудно поверить, но всё происходившее снимали десятки телекамер, передававшие кадры первой за полгода активности пришельцев в прямой эфир.

Президент был бледен. От любого совершаемого им движения, его пальцы непроизвольно подрагивали, и потому он старался вовсе не двигаться. Несмотря на контроль над собой, продолжало подрагивать одно глазное яблоко, но этого, собравшиеся в кабинете, как он полагал, не заметят.

Все молчали. Молчал и он. На превращенной в экран стене кабинета шел прямой репортаж одного из телеканалов.

По Имперскому проспекту в направлении президентского дворца двигалось шествие, во главе с теми, кто еще пару часов назад были мертвы. Камеры то и дело крупным планом показывали знакомые Президенту по докладам политической полиции лица «обезглавленных» подчиненными Министра Безопасности коммунистов и анархистов. Теперь рядом с воскресшими шли закованные в броню гвардейцы и карабинеры со щитами, а за ними — по самым грубым подсчетам, двухсоттысячная масса, скандирующая антиправительственные лозунги. Периодически, примерно дважды в минуту, на экран выводилось изображение с установленной на летающем дроне камеры, дававшей панорамный обзор с высоты птичьего полета, и тогда собравшиеся в президентском кабинете видели, как в небе над шествием медленно плыла серебристо-белая сфера.

Когда шествие приблизилось к окружавшему президентский дворец саду, называемому по давней традиции «Императорским», и сопровождавшая шествие сфера пришельцев стала видна в окна кабинета, трансляция внезапно оборвалась. По экрану побежали помехи, но уже через несколько секунд появилась картинка. Другая картинка. В этот момент волнение Президента усилилось настолько, что он перестал контролировать подрагивание своих пальцев.

На экране появилось существо... немного необычное... но имевшее то же количество рук и ног, что и у самого Президента... Президент решил, что это существо — мужчина. Пришелец — несомненно, это был он! — стоял посреди странного, выдержанного в белых и голубых тонах помещения, в котором преобладали плавные линии и отсутствовали углы.

— Приветствую вас, друзья! — уверенно произнес пришелец приятным баритоном. — Мужественно восставшие против тирании капитала, жители Востока и отчаянно смелые граждане метрополии! Приветствую вас! Мое имя Иисус Гевара Ветер. Я капитан корабля «Лев Троцкий», корпуса «Дружбы миров» из системы Земли. Я Человек. Я здесь, чтобы протянуть вам руку помощи и солидарности. Можете рассчитывать на меня, товарищи!

Лунные призраки

Небо над космодромом было совершенно черным, как погасший экран монитора. Командир лунного шаттла еще раз окинул взглядом группу своих пассажиров. Все двенадцать были одеты в одинаковые белые скафандры и держали в руках одинаковые серые чемоданчики с вентиляторами (чтобы скафандры не перегрелись на Земле).

— Ну, все готовы? — спросил командир. — Таша, ты ничего не забыла?

— Нет, товарищ командир корабля! — раздался звонкий девичий голос в микрофоне. Командир знал, что он принадлежит обладательнице самого маленького скафандра — она ходила вокруг шаттла (бегать не позволяя скафандр), не в силах сдержать своего энтузиазма.

— Тогда по местам, — сказал он. — И не называй меня «товарищ командир», ты пассажир, а не член экипажа.

— Так точно, товарищ командир! Не сердитесь, пожалуйста, — ответила она, и он услышал улыбку в ее голосе.

Пассажиры поднялись на корабль с надписью на борту «Лунный заяц» большими стилизованными иероглифами и заняли места в салоне. Командир поднялся в кабину и, переглянувшись с пилотом, доложил диспетчеру космопорта Хануман о готовности к взлету. Заревели ракетные двигатели, и через мгновение белоснежный челнок вырвался из непроницаемо-черной, душной южноиндийской ночи наверх, к звездам.

Всего несколько минут — и «Лунный заяц» вышел на орбиту Земли. Пассажиры почувствовали, как вес их тяжелых скафандров улетучился, и на месте их теперь удерживали только ремни кресел. Командир прочистил горло и взялся за микрофон.

— Приветствую вас в космосе, земляне! — сказал он. — Космический челнок «Лунный заяц» вышел на орбиту Земли, и через четырнадцать часов мы будем на Луне. Судя по вашему молчанию, вы все летите в космос уже не первый раз.

— Я лечу впервые, — раздался голос Таши. Она слегка запинаясь, видимо, борьба с притяжением Земли далась ей нелегко, но это не изменило ее радостного настроения.

— Добро пожаловать в космос, — сказал ей пилот. Легкий акцент, с которым он разговаривал на английском языке, выдавал в нем уроженца Индии. — Первый раз в космосе, первый раз на Луне — я завидую тебе, — добавил он с улыбкой. — Для меня это уже сто первый полет.

Таша посмотрела в иллюминатор. Земля медленно отдалялась от корабля. Она такая красивая! Голубые океаны, белые облака, разноцветные материки. Так не хочется ее покидать! А за ней — черная глубина космоса. Казалось, что там ничего нет, одна пустота, и Таше стало жутковато. В голову полезли мысли о катастрофах на орбите, о невернувшихся космических экспедициях... Чтобы отвлечься, она стала думать о том, что ждет ее на Луне. Из пассажирского отсека Луну не было видно, и Таше скоро стало скучно. Она зевнула и задремала в своем скафандре, как ей показалось, всего на несколько минут.

Толчок при посадке корабля на грунт был мягким, но его было достаточно, чтобы разбудить Ташу. Открыв глаза, она сразу выглянула в иллюминатор. Лунный транспорт опустился на ровную площадку неподалеку от каких-то массивных строений. Судя по всему, это был космопорт Ян Ливэй, откуда отправлялись большие корабли на Марс, Венеру и в совсем дальний космос, к спутникам Юпитера и Сатурна.

— Ну, вот и наша красавица Луна! — сказал командир, постаравшись придать своему голосу торжественный вид. — Мы только что прилунились в Море Спокойствия, в космопорте Ян Ливэй. Сейчас подойдет луноход и отвезет вас на базу имени Армстронга. А пока выйдите из корабля и немного пройдитеесь, полюбуйтесь на лунный ландшафт.

Пассажиры с любопытством осматриваясь по сторонам. Вокруг расстилалась однообразная равнина, вся покрытая следами от колес и тяжелых ботинок космонавтов. Казалось, она вся состояла из одного цвета — миллиона оттенков серого. Над равниной, резко выделяясь на фоне черноты окружающего космоса, сияла всеми оттенками белого и голубого, как огромный драгоценный камень, наша Земля. Солнца не было видно.

Таша решила испытать лунную гравитацию и подпрыгнула. К ее разочарованию, она только немного поднялась над поверхностью. Собравшись с силами, она решила прыгнуть выше, но тут показался луноход. Он приближался совершенно беззвучно. Осознав это, Таша вдруг поняла, что не слышит никаких других звуков, кроме голосов своих спутников, которые теперь примолкли. Молча они смотрели, как приближается луноход: сначала маленькая движущаяся точка у горизонта, он постепенно вырос в огромную махину, нависавшую над ними. На Земле она весила бы десятки тонн. Наверно, луноходы привозят с Земли по частям и собирают на месте. А может

быть, и составные части луноходов производят прямо здесь, чтобы не тратить время на перевозки, подумала Таша. Пассажиры взобрались в луноход и заняли места в салоне. Они оживленно разговаривали, обсуждая полет и планы на будущее. Таша не слушала их — ей стало грустно, как бывает при переезде на новое место.

Лунная база была построена в склоне одного из горных хребтов, сложенных из древнего базальта, возраст которого приближался к возрасту Солнечной системы. Луноход подождал, пока откроются массивные ворота, и въехал внутрь. Пассажиров попросили выйти, и работники базы отвели их в специальное помещение, где они смогли освободиться от тяжелых скафандров. На базе действовала система искусственной гравитации, поэтому все с удовольствием сняли с себя тяжеленный груз, оставшись в легкой — а у некоторых даже сверхлегкой — одежде, пригодной для жаркого климата Индии, откуда они вылетали. В помещении для новоприбывших было довольно холодно, и приветливая сотрудница базы предложила им пледы и горячие напитки в комнате отдыха. Таша решила не задерживаться и попросила показать ей дорогу.

— Ты, наверно, Таша, архивный инженер? — спросила девушка. — Меня зовут Лиза.

Она была высокой, светловолосой и, видимо, немного старше Таши.

— Да, — ответила Таша. — Такая у меня специальность. Я не астрофизик и не планетолог. И не робототехник, если что.

— Ты будешь работать в цифровом архиве на тринадцатом ярусе, — сказала Лиза, пропустив иронию мимо ушей. — Пойдем, я покажу, как туда пройти.

— Пошли, — сказала Таша. Она закинула за спину рюкзак с нарисованной на нем кошкой, поправила красный платок на шее и пошла за своей сопровождающей.

Они долго ходили по длинным коридорам, где никого не было, а вдоль стен были протянуты устрашающего вида толстые черные кабели. Лиза, видимо, проникнувшись обстановкой, оживленно рассказывала страшные истории: если верить ей, однажды в лаборатории экспериментальной биологии произошел взрыв и пожар, а потом по всей базе ловили мутировавших хомяков.

— Я проснулась от громкой музыки. Оказалось, вся моя комната в хомяках — они копались в моих файлах, танцевали, опустошали холодильник. И мы ничего не могли с ними сделать, потому что все работники базы решили, что хомякам, как пострадавшим от экспериментов по увеличению

интеллекта, полагается психологическая реабилитация! Ты же понимаешь, что раз все так решили, то мне пришлось подчиниться!

Наконец, Лиза нашла лифт на тринадцатый этаж. Двери открылись, и они вошли в кабину вместе — Лиза собиралась в столовую, то ли на пятом, то ли на шестом этаже. Таше сильно хотелось спать, но она очень старалась не показывать это и кивала головой, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

— Я тоже когда-нибудь сделаю себе синие волосы, — сказала Лиза на прощание, когда лифт остановился. — Люблю генетические модификации.

— Это мой естественный цвет, — сказала Таша довольно холодно. Лиза успела изрядно ей надоест своей болтовней, а от упоминания о голубых волосах она разозлилась и проснулась. — Это мутация, доставшаяся мне в наследство от предков. Они родом из Японии и в начале прошлого века кто-то из них подвергся большой дозе радиации.

— Ой, как интересно! — сказала Лиза с энтузиазмом. — Мне хочется еще с тобой поболтать, но ты, наверно, устала с дороги. Ну, пока! Мы, конечно, еще увидимся. Если что-то нужно, зови меня!

Комната, где ее разместили, показалась Таше очень просторной после студенческих общежитий, к которым она привыкла, хотя в ней было только все самое необходимое человеку XXII века — кровать, настенный экран, компьютерный стол, встроенный в стену шкаф для белья, душевая. Зато она была здесь одна. Таша легла на кровать, не раздеваясь, включила экран и выбрала канал документальных фильмов про природу. Попался фильм про японских макак. Камера показывала, как они купаются зимой в горячих источниках посреди снегов, а бородатый курчавый биолог в очках с увлечением объяснял, что это самые северные приматы, приспособившиеся к суровому климату. «Суровый климат, это в Японии-то. Ты явно не ездил студентом в стройотряд в Антарктиде», — подумала Таша. Глаза у нее стали слипаться, в голове проносились картины сегодняшнего путешествия и жизни на Земле...

Утром за ней зашла высокая, статная женщина с пепельного цвета волосами и красивым именем Альдона. Она отвела Ташу в большой просторный зал, уставленный столами с компьютерами. Зал находился на склоне горы, одна из его стен была из прозрачного материала и оттуда открывался вид на звездное небо и сильно кратерированную долину внизу, по которой время от времени проезжали луноходы. Большинство столов, как заметила Таша, пустовало.

— Штат еще не заполнен и наполовину, — сказала Альдона. — Садись за любой компьютер. Я написала, что тебе нужно делать, если что-то непо-

нятно, спрашивай. Да, тебя уже подключили к Керберу? Это наш искусственный интеллект, который управляет базой.

— Нет, — ответила Таша. Она открыла рюкзак и вытащила оттуда наушники с микрофоном. Нарисованная на рюкзаке кошка хитро улыбалась и шевелила усами, когда она вытаскивала вещи.

— Да ты увлекаешься старой техникой, — улынулась Альдона. — Я думаю, что Кербер автоматически определит твоё устройство, не беспокойся. Ну, а вживленный чип у тебя есть?

— Нет, я отказалась его делать. Я вообще против трансгуманизма, — ответила Таша.

Она села за свободный компьютер у стеклянной стены. Большой прямоугольный экран перед ней автоматически включился, на столе засветились кнопки клавиатуры.

— Архивный инженер Таша Игути, — произнес компьютер бесстрастным, металлическим голосом. — Добро пожаловать на лунную базу №1 имени Нейла Армстронга. С тобой говорит искусственный интеллект Кербер. Согласно правилам работы на станциях и научных базах за пределами Земли, ты должна будешь прослушать инструкцию по безопасности и ответить на вопросы. Ты можешь пропустить инструкцию и сразу перейти к ответам на вопросы. Я ожидаю твоего решения в течение тридцати секунд...

Таша с трудом оторвалась от вида за окном и выбрала «перейти к ответам». Перед отлетом она прочитала все о работе на космических станциях, что смогла найти в Сети, и короткий тест не вызвал у нее затруднений. Попав во внутреннюю сеть базы, она открыла свою почту, где уже набралось несколько писем от ее подруг и друзей с Земли и Марса. Таша сначала прочла письмо от старшей сестры. Та писала, что отправилась в очередную археологическую экспедицию на Черное море, и прислала фотографии, на которых она, счастливая и загорелая, раскладывала найденные черепки и пела под гитару русские песни. Таша вздохнула и подумала, что космос всем хорош, кроме того, что там не посидишь с друзьями у костра.

Звуковой сигнал сообщил, что пришло письмо от Альдоны Беленькой. Таша улынулась — видимо, пепельные волосы тоже достались Альдоне в наследство от предков.

«Дорогая Таша!

Рада приветствовать тебя на Луне. С сегодняшнего дня ты будешь заниматься очень интересной и увлекательной работой — обработкой воспоминаний людей, живших на нашей Земле в далеком прошлом. Всего на лунной базе хранится 558 записей, все они были сделаны в последние десятилетия перед объединением Земли. До перехода в общественное достояние эти за-

писи находились в архиве корпорации «Чиба», которая предлагала людям услуги по записи воспоминаний. Согласно постановлению Всемирного Совета (тогда он еще существовал), документы «Чибы» было решено перевезти на лунную базу, так как их хранение на Земле было признано нецелесообразным.

Видимо, здесь сыграла свою роль репутация «Чибы», в свое время тесно связанной со спецслужбами и армиями США и Японии, а также доставшаяся нам от прошлого привычка посылать все нежелательное на Луну, подальше от любопытных глаз. Знаешь, сколько здесь законсервированных хранилищ ядерных отходов и другой подобной гадости? Страшно подумать! Но на Земле их держать вообще нельзя, так что у Совета не было выбора.

После перемещения на Луну об архивах «Чибы» все благополучно забыли и вспомнили только недавно, после очередного расширения базы имени Армстронга. Теперь нам предстоит заняться обработкой этих воспоминаний, составить их опись и, возможно, вернуть на Землю после консультации с Институтом памяти в Риме. Прости за эту затянувшуюся историческую справку — такая у нас, архивистов, привычка. Но ты и так это знаешь, извини за наставительный тон!

Теперь о том, что именно требуется от тебя. Чтобы составить опись на воспоминания людей, хранящиеся в архиве «Чибы», их сначала нужно будет просмотреть в виртуальной реальности. Тебя ждет уникальная возможность погрузиться в прошлое на сто с лишним лет назад! Конечно, это связано с известным риском. Тестовые просмотры показали, что, по-видимому, ничего опасного в архиве нет, но это не значит, что мы не наткнемся на какие-нибудь подводные камни. Пока мы смотрели только рекламные записи, которые «Чиба» использовала для завлечения клиентов.

И еще одна вещь. Когда ты давала согласие работать на лунной базе, то сообщила, что умеешь и готова погрузиться в виртуальную реальность. Конечно, ты можешь отказаться от непосредственного просмотра воспоминаний, мы найдем для тебя другую работу и никто тебя за это не осудит. Если ты согласна, тогда скажи об этом Керберу, и он сообщит тебе необходимые детали».

Таша приподняла одну бровь, и снова переключилась на переписку с друзьями. Ответив на все письма, она отправила короткое сообщение Керберу, и через мгновение тот ответил: «Приглашаю пройти в лифт, пункт назначения — 22 этаж». Экран компьютера автоматически погас, когда Таша поднялась с кресла. Отыскав лифт, она набрала на клавиатуре «22» и стала спускаться. Лифт двигался настолько плавно, что могло показаться, что он стоит на месте, если бы не меняющиеся цифры на табло. Наконец, двери от-

крылись, и Таша оказалась в большом помещении, заставленном контейнерами и коробками, между которыми сновали роботы-погрузчики. Ей навстречу вышел немолодой небритый мужчина в круглых очках, который жестом пригласил следовать за собой. Она прочла табличку на его синем комбинезоне: «Жюльен Рембо, механик машин памяти».

— Сначала включим тестовую запись, — сказал он, когда они подошли к кабине виртуальной реальности. Громоздкая, опутанная проводами, она напоминала клубок морских водорослей, выброшенных на пляж, или глубоководного кальмара.

— Я смотрела эти записи, — поморщилась Таша. Ей хотелось поскорее приступить к настоящему делу. — «Чиба» выпустила семь рекламных роликов с воспоминаниями якобы случайных людей, на самом деле для записи использовали сотрудников компании, выбрав из их памяти приятные моменты типа поездки на море или пикника с друзьями в лесу. Давайте наконец перейдем к настоящим архивным материалам, к реальным воспоминаниям.

— А ты знаешь сам механизм записи воспоминаний? — спросил Жюльен. Ей послышалась ирония, но лицо механика было непроницаемым.

— Только в общих чертах, я же историк, а не биолог или компьютерный инженер, — не смутившись, ответила она. — Меня давно интересуют записи воспоминаний, потому что мы, историки, обычно работаем с источниками информации на устаревших бумажных носителях, это очень неудобно и часто просто скучно, особенно если имеешь дело с законами, парламентскими дебатами, уголовными делами и тому подобной давно забытой глупостью. Меня всегда привлекало живое погружение в прошлое, например, фильмы, музыка, и особенно самое последнее достижение старой цивилизации, мнемотроны — машины для записи воспоминаний.

— Принцип работы мнемотрона был таков: машина считывала воспоминания людей, и в том числе такие, о которых они сами могли не подозревать. Воспоминания записывали на специальные носители памяти. С помощью мнемотрона их потом можно было дать просмотреть другим людям, запустив обратный процесс. Получалось так, что ты попадаешь в виртуальную реальность, и как будто ты — тот человек, воспоминания которого были записаны. И ты не помнишь, что ты — это ты. Потом, когда тебя отключают от машины, это все воспринимается как сон, который ты увидела, но при этом ты все помнишь.

Механик ничего не сказал и нажал кнопку. Стеклопанель кабины откинулась, Таша забралась наверх и устроилась в удобном кожаном кресле. Жюльен снова нажал кнопку. Крышка закрылась, на голову Таши опустился

шлем. Она привычно расслабилась, стараясь думать о приятных вещах. Вспомнилось, как ее учили на тренировках по погружению в виртуальную реальность. «Какие парни тебе больше нравятся, блондины или брюнеты?» На запястьях защелкнулись кожаные обручи, и она почувствовала укол в вену. Снотворное сработало быстро, и Таша уснула, чтобы проснуться в совсем другом мире.

В вагоне метро было невозможно дышать, и Роман почувствовал, что его вырвет, если он не выйдет на следующей остановке глотнуть свежего воздуха. «Надо бросить пить кофе», — подумал он, пробираясь между пассажирами к выходу. На станции он сел на скамейку, чтобы перевести дух. Перед ним был большой рекламный щит с какими-то буквами. Неожиданно он поймал себя на мысли, что не может их прочитать, так как они на плохо понятном ему языке. Моргнув несколько раз и переведя дыхание, он без труда разобрал надпись на обычном русском: «Запиши свою память! Отправь послание в будущее!» Далее следовал адрес московского офиса «ЧИБА Корпорейшн». Роман потряс головой и медленно поднялся со скамейки, собираясь войти в следующий вагон, тоже забитый до отказа. Пассажиры за стеклами неприветливо смотрели на него, когда он стоял у края перрона, набираясь смелости, чтобы снова нырнуть в потную духоту.

— Ты опоздал на десять минут, — сказал начальник отдела, когда Роман вошел в офис.

Тот плюхнулся в кресло, пробормотав извинения. Он ненавидел босса всей душой и страшно боялся, что тот догадается об этом.

— Первая твоя тема — про железнодорожное крушение. Слышал? — босс подошел к нему.

— Да, читал новости в метро, — ответил Роман, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Вторая тема про террористов, третью выберешь сам. Так как ты опоздал, первую уже скоро сдавать, — сказав это, босс ушел себе в кабинет выпить чашечку кофе. Одновременно он следил за сайтом и новостями со своего смартфона, так что расслабляться было нельзя.

Роман надел наушники, включил радио и стал смотреть новостные ленты на компьютере. Он работал быстро, собирая информацию и подгоняя ее под давно отработанный им шаблон новостной заметки. Через десять минут короткая статья про крушение появилась в разделе происшествий интернет-газеты «День». Ритм работы был привычен, и Роман постепенно успокоился, отходя от метро. Не переводя дыхания, он написал еще пять заметок: про

новые атаки террористов, открытие музея порнографии, новый альбом группы Dreamweb, крокодилов-мутантов, выбравшихся из канализации и устроивших переполох у метро «Выхино», об открытии очередного антикафе. Последнюю новость ему прислали девушки из пиар-отдела, которые получили текст от рекламодателей, и его как всегда пришлось переписывать заново, чтобы привести в человеческий вид.

Он уже собрался в столовую, но тут в офисе снова появился босс. Глаза его горели — видимо, осенила очередная новая идея. Он направился прямо к его рабочему месту, и Роман осторожно вздохнул, готовясь к худшему.

— Слушай, Роман, я тут вспомнил, что сегодня компания «Чиба» открывает офис в Москве. Съезди туда, все корреспонденты заняты на теракте, — сказал он.

Роман вспомнил рекламу в метро. Собрав свой рюкзак, он вышел на улицу и купил в уличном киоске бутылку холодного чая со вкусом малины. «Духота», — сказал ему продавец, пожилой киргиз. На небе сгустились тучи. Было похоже, что собирается ливень, и Роман быстро зашагал по направлению к подземке. У входа стояла пара броневиков, рядом с которыми курили спецназовцы. «Как же все это надоело, — пронеслось в голове. — Можно подумать, что террористы из «Народной армии» когда-то устраивали взрывы в метро. Они убивают только военных и полицию».

После грязной, запыленной редакции «Дня» офис «Чибы» поражал чистотой и современным дизайном. Улыбающаяся девушка в белоснежной форме проверила Романа по списку аккредитованных журналистов, нашла фамилию Журавлев и поставила напротив нее галочку в своем компьютере. Роман прошел в конференц-зал. «Раньше в моде были синие стулья, теперь везде стоят розовые. Розовый — это новый синий», — подумалось ему, когда он выбирал себе место.

Зал постепенно наполнился народом. Минут через десять на сцену вышли одетые в дорогие костюмы мужчины, излучавшие успешность и уверенность в себе. Один из них оказался генеральным директором «Чиба-Москва». Хорошо поставленным голосом он начал произносить тщательно отшлифованные фразы. «Теперь, в 2084 году, наша компания открывает офис в Москве, чтобы продвигать наши услуги на российском рынке. Это новый этап в мировой экспансии «Чибы», признанного лидера в таких инновационных областях, как биотехнологии, компьютерная безопасность, генная инженерия, виртуальная реальность...».

Роман почувствовал, что не может уловить смысла сказанного — это было все равно, что пытаться удержать рукой рыбу под водой. «Так же выступает директор нашего медиахолдинга», — подумал он. После гендир

выступили еще несколько человек, в том числе инженер «Чибы», рассказывавший о новых технологиях. Роман попытался сделать несколько заметок для будущей статьи. Ему хотелось подать пресс-конференцию как рассказ о достижениях науки, и он начал обдумывать заголовок. Что-нибудь вроде: «Виртуальное бессмертие». Неожиданно к нему подошел молодой человек, одетый в форму с логотипом «Чибы».

— Вы Роман Журавлев? — спросил он с дежурной улыбкой. У него были длинные волосы и небритые щеки, и Роман представил, как он после работы снимает строгий деловой костюм, надевает кожаную куртку и джинсы и идет тусить в бар «Гадкий койот» напротив чибовского офиса.

— Да, — ответил он, немного удивленно. Мелькнула мысль, что чибовцы хотят предложить «Дню» эксклюзивное интервью, но он сразу отбросил ее. Их газета была дешевым желтым изданием, не тот калибр.

— Мы хотим предложить вам, как журналисту, принять участие в тесте нашей технологии по записи воспоминаний, — сказал молодой человек. — Вам покажут несколько фильмов, записанных добровольцами, и Вы по желанию можете сами попробовать погрузиться в виртуальную реальность.

Роман заколебался, но потом подумал, что в его статье личное участие в таком тесте станет нужной ему изюминкой. И босс будет доволен. Может быть, даже на радостях выпишет премию.

— Хорошо, я согласен, — ответил он.

— Тогда идите за мной, — пригласил его молодой человек.

Они прошли в небольшую комнату овальной формы. На одной из стен висел большой экран, напротив стояли несколько кресел. В дальнем конце комнаты помещался странный аппарат, напоминающий рентгеновскую установку.

— Это и есть ваша чудо-машина? — спросил Роман.

— Она называется мнемотрон, — ответил молодой человек, ухмыльнувшись. — Садитесь в кресло, сейчас начнется демонстрация.

Сиденье было мягким, и Роману сразу захотелось спать. Экран загорелся, и он увидел улыбающуюся девушку в бикини на песчаном пляже. Она смеялась и что-то говорила, видимо, по-японски. К своему огромному удивлению, он понял, что прекрасно понимает ее.

— Бросай селфиться и пойдем купаться! — крикнула девушка и побежала к морю.

Чибы это были воспоминания? Наверно, ее парня или мужа. Он сделал еще несколько снимков себя на фоне зеленых волн, убрал телефон и последовал за девушкой. Они купались, затем забрали свои вещи и пошли в отель, болтая о своих делах. У входа в отель демонстрация закончилась, и Роман

зевнул. Он почему-то был уверен, что это была Окинава, хотя точно знал, что никогда там не был. Пока Роман пытался вспомнить, когда и где он так хорошо выучил японский, борясь с одолевавшей его сонливостью, в комнату вошел мужчина в сером свитере и белой рубашке с галстуком. Он вспомнил, что это инженер «Чибы», выступавший на конференции.

— Ну, что Вы решили? Примете участие в тесте? — спросил инженер, приветливо улыбнувшись и протянув руку для рукопожатия.

— А это надолго? — спросил Роман. Он изучал его лицо: инженер был европейцем, но не русским. В его внешности не было ничего запоминающегося, кроме взгляда серых глаз. Этот взгляд показался Роману холодным, даже жестким, несмотря на милую улыбку.

— Максимум полчаса, — ответил инженер. — Мы дадим Вам снотворное, и Вы даже ничего не почувствуете.

— То есть вы усыпляете людей для того, чтобы снять их воспоминания? — спросил Роман.

— Да, но это полностью безопасно, — заверил его инженер. — И необходимо. Бодрствуя, человеку гораздо сложнее погрузиться в виртуальную реальность и из нее выйти.

— Хорошо, давайте попробуем, — сказал Роман, хотя его энтузиазм несколько поугас. Он покосился на стоявший в углу аппарат.

— Ложитесь туда, — сказал инженер, жестом пригласив его лечь на постеленный там надувной матрас. Когда Роман лег, он закрепил на его голове громоздкое устройство, напоминающее шлем, и подключил датчики к рукам и ногам. Вошла медсестра в белом халате. Склонившись над оробевшим журналистом, она улыбнулась и сделала ему укол в руку. Он отключился. Последнее, что он запомнил, было непроницаемое лицо инженера, запустившего свою машину, и ровный, мощный гул работающего аппарата.

Очнулся Роман в незнакомом помещении. Первое, что он почувствовал, — страшная головная боль. Он сел на кровати, обхватив голову руками. «У кого мы так напились?» — была первая его мысль. Вторая, когда он огляделся: «Где я?» И третья, уже паническая: «Как мне выбраться отсюда?»

Комната, в которой очутился Роман, напоминала больничную палату. Рядом стояли пустые койки. Из широкого окна был виден какой-то мрачный пустырь. Дверь, до которой он с трудом доковылял, была заперта. Он хотел постучать, но что-то его остановило. Память постепенно возвращалась к нему, и он сообразил, что скорее всего находится на территории «Чибы». В голову полезли разные нехорошие истории о чибовцах, которые он читал по вечерам на разных хакерских форумах, в сером интернете. «Может, они и в самом деле рептилоиды?» Эта мысль его развеселила, но ненадолго. Он стал

думать, что делать дальше. Перспективы были невеселые. Он был один, в больничном халате, в крепко запертой палате. Неизвестно где.

Роман подошел к окну, взялся руками за подоконник и уткнулся носом в холодное грязное стекло. Пощупав его, он убедился, что оно из разряда пуленепробиваемых. На время им овладела тоска, и он улегся на свободную койку, чтобы немного передохнуть. Глаза смотрели в потолок, и он заметил там вентиляционное отверстие. Некоторое время он разглядывал его, потом быстро поднялся и стал ставить койки одна на другую, прислушиваясь, не раздались ли в коридоре шаги. Все было тихо. Забравшись наверх, он осторожно потянул люк на себя. К его неописуемой радости, он легко открылся. Уцепившись за край, Роман изо всех сил подтянулся и забрался в узкую вентиляционную трубу. Осторожно, переводя дыхание и стараясь не шуметь, он стал ползти вперед, пробираясь на ощупь в крошечной темноте.

Ползти пришлось долго. Временами Роман слышал гул работающих механизмов и чьи-то разговоры, но их нельзя было разобрать. Попадались люки, но он не стал их открывать, сообразив, что они ведут в другие помещения «Чибы». В которые он очень не хотел попасть. Потом труба стала спускаться куда-то вниз, и ему пришлось тормозить всем телом, чтобы не упасть. Одна из панелей под ним, когда он неосторожно надавил на нее, треснула, и он почувствовал, что летит куда-то вниз. К счастью, падение оказалось коротким.

В темноте ничего не было видно. Пощупав вокруг, он наткнулся на консервную банку и чуть не порезал пальцы. Где-то рядом слышалось журчание воды. Поднявшись, Роман пошел на этот звук. Стало светлее, и он увидел ручей, который тек по дну канализационного тоннеля. «Ну, по крайней мере, это уже не «Чиба», — подумал он. Роман сел рядом с ручьем, обхватив руками колени, и попытался бороться с мыслями.

Будут ли его искать? Едва ли. Родные остались в другом городе, и из-за войны он даже не знал, что с ними. На связь они не выходили уже несколько лет, а съездить туда он не мог, потому что потом его вряд ли пустили бы обратно в Москву. Друзей и тем более девушки у него нет и не было. На работе, скорее всего, будут звонить ему на мобильный, который забрали чибовцы, а потом просто махнут рукой и начнут искать нового сотрудника. То же самое сделает и хозяйка квартиры, которую он снимал. Вряд ли кто-то из них обратится в полицию. Если все-таки обратятся, то полиция позвонит в «Чибу», и там ответят, что он ушел от них после пресс-конференции неизвестно куда. На этом все и заглохнет.

Становилось холоднее, но Роман продолжал сидеть и чего-то ждать. Он подумал, что скоро дадут зарплату, и даже после вычета арендной платы у него все же кое-что останется. Можно сходить, например, в кино. Пригласить девушку... Он совсем размялся, но холод вернул его к реальности. Нужно было соображать, что делать дальше.

А ситуация была если не полный крах, как у них говорили в редакции, то близко. Даже если он выберется из канализации, то без денег и документов ему будет очень сложно попасть домой. Если он находится сейчас в черте города, единственный надежный способ куда-то добраться — это метро, куда его не пустят. А если он за чертой города, то все гораздо хуже, потому что его могут просто пристрелить у первого же блокпоста, приняв за террориста или мутанта.

Единственный позитив в том, что он пока жив и невредим. И, по-видимому, за ним сейчас никто не гонится. Только Роман подумал об этом, как ему показалось, что он услышал какой-то звук выше по течению ручья. Он задержал дыхание и молча сидел, вслушиваясь в тишину. Ничего не нарушало безмолвия, кроме журчания воды. Он уже надеялся, что ему просто показалось и жуткие мутанты находятся сейчас где-то далеко, а не на расстоянии вытянутой руки. Но звук раздался снова, на этот раз безошибочно четко.

Аккуратные, но твердые шаги и легкое металлическое поскрипывание. Роман живо представил себе, как робот осторожно движется по ручью, сканируя местность впереди и позади себя. Может быть, датчики тепла уже засекли его, и сейчас бот включит прожектор, который выхватит из темноты его скорчившееся тело? Подавив в себе паническое желание немедленного бегства, он остался на месте.

Шаги постепенно приблизились, а затем остановились. Глаза ослепила яркая вспышка, и он различил двуногий, похожий на курицу силуэт с торчащими по бокам крупнокалиберными пулеметами. Мгновение — и они ударили трассами пуль, разорвавшими тишину. Он уже бежал, чувствуя, как бешено колотится сердце в груди. Что-то обожгло его ногу, но он не почувствовал боли и продолжал бежать. Бот гнался за ним, в чем Роман не сомневался, как и в том, что он его настигнет.

Выдохшись, он набрался смелости и оглянулся. Ничего не было видно. Остановившись, он напряженно вслушивался в тишину. Ни звука. Он перевел дыхание, чувствуя, как из ноги сочится кровь. Надо бы перевязать, но здесь ничего не видно. Роман присел отдохнуть, опершись спиной о стену тоннеля, и вытянул уставшие ноги. Мысли путались. Он думал о работе и ненаписанной статье (в голову лезли новые заголовки типа «Хоррор в под-

земельях «Чибы», или «Из метро в канализацию: день московского журналиста»), мозг по инерции редактировал ее, отказываясь верить, что никаких статей больше не будет.

Он стал вспоминать детство, свое любимое поле за огородами, где текла речка. Там так хорошо было бегать по вечерам, когда жара спадала и над землей низко и бесшумно летали совы, выглядывавшие сусликов. Вдруг ему показалось, что он слышит женский голос.

— Чего ждем? Ты так и собираешься сидеть? — спросила она.

— Кто ты такая? — спросил Роман с раздражением. Он не любил женщин, и они отвечали ему взаимностью.

— Меня зовут Таша, — ответила она. — Я историк из будущего, который читает твои воспоминания.

— Да ну? — сказал Роман. — А я думал, ты просто очередной голос в моей бедной голове.

— Ты часто слышишь голоса в своей голове? — рассмеялась Таша. — Надо же, я оказалась в голове у сумасшедшего. Не каждый день выпадает такой случай! Эксперимент пошел как-то не так.

Роману стало не по себе. Голос, который он слышал, был слишком реальным, чтобы отнести его за счет игры воспаленного воображения.

— Почему ты все время молчишь? Уже умер? — спросила Таша с насмешкой.

— Я пытаюсь понять, как мы с тобой разговариваем, — ответил Роман. — И не сошел ли я в самом деле с ума. Ты сказала, что читаешь мои воспоминания в будущем? Но ведь это все равно, что смотреть фильм. Ты же не можешь принять в нем участие.

— Я тоже так считала раньше, — сказала Таша задумчиво. — Но теперь мне кажется, что виртуальная реальность — на самом деле что-то вроде параллельной вселенной. А твои воспоминания — ключ к этой вселенной, с которым можно в нее проникнуть.

— То есть это что-то вроде телешоу в режиме реального времени, — сказал Роман. — Меня могут сожрать мутанты, а ты будешь смотреть, жевать попкорн и радоваться.

— Я не знаю, — сказала Таша. — Может быть, меня будут пожирать вместе с тобой. Ведь сейчас я — это ты. Я чувствую все то же самое, что и ты. Ты ранен, устал и очень напуган. И не знаешь, что тебе делать дальше.

— Ну, я не очень-то напуган, — возразил Роман, которому стало неудобно показывать свой страх перед девушкой. — Хотя, кого я обманываю? Мне очень страшно, Таша.

— Чем я могу помочь бесстрашному герою? — спросила она.

— Просто возьми меня за руку и скажи, что все будет хорошо, — попросил Роман.

Она не ответила, и окружающая темнота показалась ему теперь еще более черной. Роман подумал, что вряд ли когда-нибудь еще услышит ее насмешливый, но милый голос. И мимолетное пожатие ему, конечно, только показалось. Непереносимо острая боль утраты заставила его подняться на ноги. Он постоял одиноко, глубоко задумавшись и поплакав тихонько в тоннеле, а потом заковылял дальше, волоча раненую ногу. Роман не помнил, сколько он шел в темноте, упрямо повторяя про себя: "Самое трудное — сделать еще один шаг, а потом еще один, и еще".

Впереди показался свет. Это был отблеск костра, разведенного у входа в тоннель. Подойдя поближе, Роман увидел, как ему навстречу поднялись сидевшие у огня люди. Молодые парни и девушки, они были в зеленой униформе и вооружены автоматами. Он сразу понял, кто они такие.

— Не стреляйте, пожалуйста, — крикнул он, поднимая руки вверх и волоча за собой раненую ногу. Он подошел к ним, и один из парней помог ему сесть на бревно, которое они использовали вместо скамейки. Девушка с медицинской сумкой через плечо задрала ему штанину и стала бинтовать раненую ногу.

— Да у тебя там просто царапина, — рассмеялась она, наложив несколько бинтов.

Роман посмотрел на ее фуражку, из-под которой выбивался локон светлых волос. На фуражке была красными нитками вышита пятиконечная звезда. Она была так точно размещена посередине фуражки и вышита так аккуратно, что можно было подумать, что девушка спрятала в ней свои самые сокровенные мечты. Он нерешительно улыбнулся девушке и ее звезде. Она улыбнулась в ответ. Ему показалось, что в этот момент он проснулся от какого-то тяжелого, глупого, ненужного сна, и теперь все в его жизни будет по-другому.

Открыв глаза, Таша увидела перед собой озабоченное лицо механика машин памяти. Снотворное еще действовало, и она лежала, не шевелясь, пока он отсоединял кабели и нажимал кнопки на панели управления. Наконец, Жюльен оставил машину в покое, поднял Ташу и усадил ее в стоявшее рядом кресло. Она откинула голову на спинку и молча смотрела в потолок. По нему ползали похожие на пауков роботы-уборщики. Она вспомнила, что видела таких в одном старом отеле в Нью-Йорке. Это была устаревшая модель, которая теперь почти не использовалась на Земле.

— Поговори со мной, — попросил Жюльен.

Таша помотала головой. Механик положил ей руку на лоб. Он был холодным. Пощупал пульс — все в норме. Таша улыбнулась.

— Со мной все в порядке, — сказала она. — Я немного отдохну, а потом пойду к себе. Просто очень много впечатлений, и я еще не совсем здесь.

— Хорошо, — сказал Жюльен. — Следи за своим состоянием. Давай я одену тебе специальный браслет, на всякий случай.

Браслет был красивый, белый, с какими-то разноцветными инкрустациями, напоминавшими камни. Таша знала, что это нанокomпьютеры, которые будут считывать ее физиологическое состояние. Если она потеряет сознание, они немедленно передадут сообщение Керберу и врачам. Браслет ей понравился, и она надела его на левую руку. Тело еще было непослушным. Она с трудом поднялась из кресла и медленно пошла к выходу, расставив руки для балансировки.

Поднявшись к себе, Таша легла на постель. На столике рядом она нашла еду — стакан апельсинового сока и фрукты. Выпив сок, она отдохнула немного, а потом позвала Кербера. Экран на стене сразу загорелся, и на нем появился бесстрастный аватар машины, напоминающий мерцающую микросхему.

— Я хочу записать свои мысли по поводу сегодняшнего эксперимента, — слабым, но решительным голосом произнесла Таша. — Погружение в виртуальную реальность длилось... данные у Жюльена. В качестве объекта были выбраны воспоминания, записанные на кристалл памяти номер 501. Человек, записавший их, жил в Москве, по описи о нем известны только даты его рождения и смерти. Он умер в 2084 году. Судя по просмотренным воспоминаниям, он был журналистом. Его звали Роман Железнов. «Чиба» использовала его в запрещенных экспериментах.

— Подожди, Таша, — Кербер прервал ее. — Роман Железнов умер спустя пятьдесят лет после названной тобой даты. Я сейчас проверил данные о нем в Сети: дата смерти 2134 год.

— Странно, — сказала Таша сонным голосом. — Я отчетливо помню, что в описи были указаны даты его жизни и смерти, и последней была цифра 2084. Ну ладно, пойдем дальше...

Борясь с усталостью, она подробно надиктовала ему все, что запомнила. Кербер записал ее отчет и сказал, что перешлет его Жюльену и Альдоне.

— Теперь подведи итоги, дай свое экспертное заключение, — попросил Кербер.

— Эксперименты «Чибы» не были добровольными, но мы уже давно это подозревали, — сказала Таша. — Данных об использованной ими техноло-

гии запись почти не содержит. Следует отметить, что в процессе просмотра записи произошла рассинхронизация, и мне, если можно так выразиться, удалось вступить в диалог с этим человеком. Диалог не имел существенной смысловой нагрузки, но важен сам его факт. Это подтверждает теорию моего учителя, профессора Ракитина, о том что база воспоминаний «Чибы» более важна, чем до сих пор казалось: это ключ к параллельной вселенной, которой на самом деле является так называемое «прошлое». Я предлагаю пересмотреть программу экспериментов и привлечь к работе специалистов по виртуальной реальности и путешествиям во времени. Открывающиеся перед нами возможности поистине безграничны...

— Последнее предложение отдает демагогией, — бесстрастно отметил Кербер. — Вообще, нормальные, живые люди так не говорят и не пишут. Кроме того, я посмотрел информацию с твоего браслета и рекомендую тебе немедленно принять сон, не менее восьми часов.

— Я подчиняюсь мнению самого авторитетного эксперта в области литературы и медицины и прекращаю запись, — сонно сказала Таша. Улыбнувшись, она закрыла глаза и уснула, и проснулась намного позже, чем через восемь часов.

Альдона и Кербер молчали, и Таша, наскоро перекусив, отправилась гулять по базе. Быстро запутавшись в многочисленных коридорах, она вызвала Кербера и попросила проводить ее в гараж. Там Таша долго наблюдала, как люди управляют роботами-погрузчиками и разгружают луноходы. Она заинтересовалась этой работой и, после короткого курса обучения на компьютере, взяла себе свободного робота. Забравшись в него, Таша принялась помогать другим людям, работавшим на складе. Сначала она больше мешала, но потом понемногу разобралась, что надо делать, и работа пошла дружно. Через несколько часов контейнеры разных форм и расцветок стали мелькать у нее перед глазами, сливаясь в одно, и она поняла, что надо сделать перерыв. На ее счастье, другие работники тоже остановились. «Кербер сказал, что разгружены все прибывшие сегодня луноходы, — сказал один из них. — Мы пойдем в верхнее кафе, полюбуемся Землей».

Таша решила сначала принять душ и отстала от своих товарищей. Они рассказали ей, куда нужно идти, и она поднялась на самый верхний этаж, который находился под огромным стеклянным куполом на вершине горы. Кроме кафе, там помещались кинотеатр, тренажерный зал и библиотека. Оказалось, что в кафе только вегетарианское меню, и Таше пришлось довольствоваться заменителями мяса. Она села за свободный столик, любуясь

звездами. Послышалась тихая, приятная музыка, настраивавшая на «космический» лад. Кто-то, видимо, репетировал перед вечерним концертом. На складе Таше рассказали, что сейчас на базе имени Армстронга есть три группы, и наибольшей популярностью пользуется «Океан Европы», музыку для которого пишет Альдона. Звучавшая со сцены мелодия напомнила Таше об Альдоне, ее голубых глазах и пепельно-серых волосах, и она решила, что репетирует эта группа.

— Таша! Таша! — она повернула голову и увидела у лифта две знакомые фигуры.

Кэт и Саня. Две ее подруги, с которыми она училась в Риме и жила в одной комнате. Рим казался теперь таким далеким, хотя она закончила университет только в прошлом году. С подругами она не виделась несколько месяцев. Они собирались улететь работать на Энцелад и проходили дополнительный курс подготовки к дальним космическим полетам.

— Ты хорошо выглядишь, — сказала Таша, обнимая Санию. Про себя она подумала, что та сильно повзрослела и превратилась в настоящую красавицу. На голове у Саньи был большой клетчатый платок, который полностью скрывал ее волосы. — А зачем тебе платок?

— А зачем тебе платок? — передразнила ее Саня, взявшись за красный платок на Ташиной шее.

— Саня в прошлом месяце играла в пьесе Джалаладдина аль-Газали про войну на Ближнем Востоке, которая была почти двести лет назад. У нее была эпизодическая роль, — включилась в разговор Кэт.

На ней было красивое черное платье с открытыми плечами. В нем Кэт со своей короткой стрижкой напоминала женщину-ученую из старого научно-фантастического фильма, который Таша недавно смотрела, но забыла название. Что-то про межзвездные путешествия (наверно, одна из немногих утопий прошлого, которая до сих пор не была осуществлена).

— Пьеса называется «Девушка в платке», но на главную роль меня не взяли, — рассмеялась Саня. — Я просто ходила с автоматом, это такое древнее оружие, и всех пугала. И с тех пор ношу платок. Автомат у меня забрали. Жалко, он был забавный, хотя и тяжелый. Мне он так понравился, что я взяла его с собой, пострелять, а они потом прибежали и сказали, что так нельзя делать.

— Что ты наделала? — спросила Таша.

— Да ничего, я взяла автомат, залезла ночью на крышу гостиницы и стала стрелять в небо трассирующими пулями. Мне в музее сказали, что у них есть магазин с трассирующими пулями, я сначала не поняла, что это такое, а потом мы играли пьесу, и я стала читать в Сети все про оружие, и там было

написано про трассирующие пули. Ну я взяла этот магазин, и он подошел к автомату. А чтобы было красиво, я стала стрелять ночью. Но они перепугались, вылезли на крышу и стали меня критиковать. Но я уже расстреляла весь боезапас, так что было все равно. Жалко, что автомат забрали, но театру он еще понадобится.

Они поболтали немного, обсудили работу Таши на базе и предстоящий полет Кэт и Сании.

— Кстати, а как твоя наука? — спросила Кэт.

— Пока не знаю, я еще ничего не сделала толком, — ответила Таша. — Но здесь очень интересная работа, которая перекликается с той темой, которой я занималась раньше, в университете. Может быть, что-нибудь и напишется.

— Изменение прошлого, да? — сказала Сания, оторвавшись от разговора с Кербером. Она спрашивала его, можно ли покататься на луноходе.

— Ну да, — ответила Таша. Ей почему-то вдруг расхотелось говорить на эту тему, и она спросила Кэт про ее занятия ксенобиологией.

— Энцелад ждёт, — лаконично ответила Кэт.

— Ждёт не дожждётся очередной исследовательницы с Земли, с ясными серыми глазами, золотыми волосами и татуировкой космического корабля на левом плече, — сказала Таша.

— Да, — улыбнулась Кэт. — Я думала, что после гибели экспедиции доктора Брауна желающих особо не будет, но наш транспорт уже весь заполнен. Кого там только нет! Куча математиков, которые почему-то вообразили, что только их там не хватает. Я им сказала: научитесь лучше делать что-нибудь руками, например, починить шаттл, и они стали смеяться — роботы все починят. А потом у них сломался робот, которого они использовали в своей лаборатории как помощника.

— И Кэт его перепрограммировала, — сказала Сания. — А они стояли с тупым видом, и говорили «спасибо».

— У мужчин всегда тупой вид, когда они видят Кэт, — сказала Таша, и они засмеялись.

Девушкам было пора уходить. Они по очереди обняли Ташу на прощание и пообещали зайти завтра, после занятий.

— Кербер сказал, что мы можем взять свободный луноход и покататься, но не очень далеко! — сказала на прощание Сания.

— Ты похожа на студентку на каникулах, — сказала Кэт. Она задумалась на мгновение. — Знаешь, мне иногда кажется, что мы все еще учимся, и осенью нужно будет вернуться в университет, снова слушать лекции, сда-

вать экзамены. Я скучаю по всему этому. Но мы ведь не можем вернуться в прошлое, да, Таша?

— Прошлого не существует, — сказала та в ответ. — Это только иллюзия. Поэтому возвращаться некуда.

— Это очень еретическая мысль для архивного инженера, — улыбнулась Кэт. Они еще раз обнялись и ушли.

Таша только зашла в свой номер, как с ней заговорил Кербер. Оказывается, ее хотел видеть Жюльен. Спустившись на 22-й этаж, она пошла к машине воспоминаний, но его там не оказалось. Работавшие рядом люди сказали ей, что он пошел на террасу. «Это длинный коридор, который опоясывает почти всю базу на шестнадцатом этаже, из него открывается вид на равнину», — объяснил Таше молодой механик, копавшийся во внутренних частях неисправного робота. Робот играл в пинг-понг на своем бортовом компьютере. «Ты делаешь больно моим чувствам», — сказал он механику, когда тот стал отсоединять какие-то провода.

На террасе в этот час было малоллюдно. Несколько человек прогуливались туда-сюда по коридору, который заворачивал в сторону, и поэтому его противоположный конец не был виден. Таша дошла до поворота и увидела, что терраса продолжает поворачивать. Жюльена по-прежнему не было видно. Она шла все дальше и дальше. Вокруг больше никого не было, и ее шаги утопали в мягком пушистом ковре, который был постелен на полу. По правую руку она видела бесконечную серую равнину, над которой поднималось не синее небо, как на Земле, а пугающая чернота космоса.

Жюльен сидел у окна и держал в руке какой-то предмет. Подойдя поближе, Таша разглядела его и вспомнила, как он называется. Сигарета. Она видела их только в старых фильмах. Механик улыбнулся, увидев ее. Таша села рядом с ним.

— В правилах поведения на базе ничего не сказано про курение, — сказал он. — Потому что уже много лет как почти никто не курит, и этот пункт просто забыли включить. А раньше это сделали бы обязательно. Пожар в космосе — страшная штука.

— Я прочел твой отчет, — продолжал он, стряхивая пепел в пепельницу, которую он принес с собой. — А Кербер тем временем перепроверил информацию о дате смерти Романа Железнова и подтвердил, что есть несовпадение. Более того, этот Железнов оказался довольно известным человеком, он написал несколько книг и даже участвовал в революционном движении. В Москве на одной из улиц есть ему памятник. Любопытно, что среди его произведений есть фантастический рассказ, который называется «Разговор с девушкой из будущего».

— То есть я изменила прошлое, — сказала Таша. — Ну и замечательно.

— Никто, конечно, не будет тебя осуждать за нарушение базового правила проведения научного эксперимента — не вмешиваться в то, за чем наблюдаешь, потому что в данном случае эксперимент состоял как раз в том, чтобы вмешаться и посмотреть, что будет. Твой эксперимент.

— Ну, вообще-то я не собиралась вмешиваться и ставить эксперименты. Я просто проявила сочувствие к человеку, которому было трудно, — сказала Таша. — Это вопрос этики: меня так учили, я в это верю, и это один из главных принципов, на котором построено наше общество.

— Я не буду здесь с тобой спорить, потому что спорить не о чем, ты права, — сказал Жюльен. — Ты не думай, я не хотел этим сказать, что ты сделала свою работу плохо. Наоборот, получен очень важный результат. Который я и хочу с тобой обсудить.

Он сделал еще одну затяжку.

— Как у тебя это получилось? — спросил он.

Таша рассмеялась.

— Да никак, — ответила она. — Я не знаю. Сначала все было нормально, я не отделяла себя от его «я». А потом, произошел действительно какой-то сбой. Рассинхронизация. Я не знаю, как и почему, но мое сознание как будто разделилось. С одной стороны, была «я как он», а с другой — «я как я». Звучит комично, но так оно и было. Я заговорила с ним непроизвольно, просто произнесла свои мысли вслух — и он услышал. Почему, понятия не имею.

Таша вздохнула и продолжала:

— Мы поговорили. Потом «я как я» исчезла, и осталась только «я как он». Вскоре запись оборвалась. Может быть, произошел опять сбой, потому что там еще оставалось какое-то время. И я сделала вывод, что я не просто смотрела запись, а действительно оказалась в прошлом. А то, что мне удалось там что-то изменить, подтверждает теорию Ракитина о том, что прошлое — это параллельная вселенная, или, точнее, бесконечное количество вселенных. Каждая из которых задана какими-то сознательными действиями людей.

— То есть ты что-то изменила в параллельной вселенной, и результаты появились в нашей? — спросил Жюльен.

— А может быть, я проснулась в параллельной вселенной, — сказала Таша. — А в моей прежней вселенной появилась другая Таша, которая ничего не изменила, ничего не сделала и которая живет теперь какой-то другой жизнью. Это та же самая Таша, но другая.

— Таша, а ты хоть сама понимаешь, что говоришь? — спросил ее Жюльен, широко улыбаясь.

— Нет, — рассмеялась она. — Не очень. Я еще подумаю, почитаю Раки-тина и напишу ему. Все-таки я очень далека от математики. Но идея мне как историку нравится.

— Как ты чувствуешь себя? — спросил Жюльен. — Зайди на всякий случай к врачам, они сидят на десятом этаже. Пусть проведут комплексное обследование.

— Нормально, — сказала Таша. — Обследование не хочу, оно займет целый день. Пусть врачи решат, надо ли. А так мне просто грустно немного. Но я всегда такая.

Жюльен кивнул. Он докурил сигарету и положил ее в пепельницу. Потом глубоко наморщил лоб, задумавшись о чем-то.

— Если ты изменила прошлое, то оно должно было изменить тебя, — сказал он. — Такое не проходит бесследно. Знаешь что, ты все-таки пройди обследование. И попробуй как-то выразить свои мысли и переживания, но не только с помощью науки. Попробуй выразить их в искусстве. Искусство помогает не только получить психологическую разрядку, но и лучше понять себя.

— Я никогда не была творческим человеком, — ответила Таша. — Но я попробую. Это интересная мысль. Мне нравятся картины одного художника, изображающие Энцелад. Там удивительно яркие краски. Может быть, я тоже смогу нарисовать что-нибудь.

Жюльен взял пепельницу и собрался уходить.

— Зайди к Альдоне, она хочет с тобой поговорить. По-моему, она сейчас в операционном центре, а попросту говоря, в мозге Кербера, — сказал он на прощание.

— Кербер, я иду к тебе в мозг, — сказала Таша. В ее ушах сейчас же раздался голос искусственного интеллекта.

— Двенадцатый этаж. Дополнительных инструкций не требуется, — сказал Кербер.

Инструкций не требовалось, потому что операционный центр занимал весь этаж. Выйдя из лифта, Таша оказалась в кольцевом коридоре с прозрачной стенкой. За ней виднелись ряды голубых кабинетов с процессорами и другой аппаратурой, расположенные амфитеатром. У подножия амфитеатра стоял терминал ввода, за которым работала единственный оператор в белом халате и с пепельного цвета волосами. Она подняла голову и помахала Таше рукой.

— Я хочу поговорить с тобой о твоей дальнейшей работе, — сказала Альдона, когда Таша спустилась к ней. — Кербер предлагает временно приостановить обработку базы данных «Чибы». В Сети придерживаются того же мнения. Там сейчас обсуждают твой отчет, и профессор Ракитин предложил сформировать группу экспертов в области виртуальной реальности, чтобы разработать программу новых экспериментов. На данный момент это самое популярное предложение. В список они хотят включить и тебя. Ты можешь пока остаться на базе, но когда дело дойдет до экспериментальной фазы, то тебя скорее всего затребуют обратно на Землю. Подумай, что тебе больше нравится и принесет больше радости.

— Я еще не общалась с ними, но я видела, что они мне написали, — ответила Таша. — Я еще подумаю, а пока останусь на Луне. Мне здесь нравится.

Она поправила прядь голубых волос и улыбнулась.

— Интересно, а что произошло с другой Ташей в параллельной вселенной? — спросила она.

Конституционное право

I

Вызов отвлѣк Сергея от наблюдения процессов смещения, которые уже вторую неделю очень его огорчали, почти злили. Вызов воспринимался как лёгкое прикосновение, кривые плотностей и температурные графики уплыли в сторону из поля зрения, и Сергей увидел встревоженное лицо Анны-Леены.

— Серѣженька, что же у нас со скоростью смещения? — грустно сказала Анна-Леена. Она не упрекала, скорее, жаловалась, но Сергею всё равно стало немного стыдно.

— Я всё перепроверил, тѣтя Леена, — виновато сказал молодой геолог. — Скорость вращения планеты, колебания ядра, влияние термоклина учтены, тут всё чисто. Остаѣтся Искра.

— Да-а, — вздохнула его тѣтя и наставница в операторском деле, — с Искрой мы с тобой никак не управимся...

— Искру ещё и обсчитать как следует не удаѣтся, — добавил Сергей, ободренный тем, что его не ругают. — Если группе операторов Искры представить наши выводы, вы их не сможете уговорить посчитать уменьшение приливных сил?

— Уговаривать-то их, Серѣженька, не придѣтся, это уж их обязанность, — сказала геолог. — И всё-таки жаль, жаль, что мы с тобой своими силами не обойдѣмся. Очень не хочется мне с Пешичем разговаривать...

— Так давайте я поговорю! — обрадовался Сергей. — Приду к нему, выложу все наши записи и прямо так сразу и скажу...

— Вот-вот, сыночек, я этого и опасаюсь, — улыбнулась Анна-Леена, — что ты с налѣту всё ему на голову и вывалишь! А он обидчивый, Пешич, и обижаться он будет, уж прости, не на тебя, головастика, а на меня, старую заслуженную жабу... И всё-таки двадцать миллиметров в год — слишком много. Этак через десяток тысяч лет у нас весь архипелаг в подводный хребет сплющится...

Их переговоры прервал срочный вызов всем абонентам: *«В системе внешнее космическое судно. Идентифицировано как грузовой корабль, принадлежность — Фридом. Следите за новостями, не занимайте канал срочных оповещений»*.

— Ну и кто сейчас будет заниматься нашими миллиметрами? — вздохнул Сергей, но скорее из вредности. Появление внешнего корабля для Игнис — событие редкое, любопытное, тут на пару дней все забросят обычные дела. Хорошо, что у островов есть в запасе ещё примерно десять тысяч лет...

«Индепенденс» в свете ярко-рыжей Флаамы была прекрасна: матовый блеск плоскостей, глубокие тени на изгибах корпуса, нежные переливы габаритных огней на двигательных консолях — апельсиновый свет местной звёздочки творил с кораблём чудеса. Штурман Кравец ещё полубовался на свою красавицу на экранах, с сожалением расстался с этим зрелищем и шагнул вслед за вторым пилотом на площадку лифта, уносящего гостей с причальной палубы вниз, в жилые зоны станции. Автоматика на спутнике Игнис была допотопная, не чета фантастическим антуражам лунных баз в их родной системе, но здешние колонисты всё держали в полном порядке, ни одного сбоя в работе маяков причаливания штурман не заметил. Надо надеяться, и при бункеровке их девочек не обидят!

Для первого спуска на планету гостям предоставили местный шаттл — по-старинному тесный, напоминающий о временах зари звездоплавания. Второй пилот так и сказала коллеге, убедившись, что их не слышит никто из сотрудников станции. Штурман пожал плечами:

— Работает — и ладно, захотят обновить парк — обратятся к нам. Любой каприз за ваши ресурсы! А с другой стороны, зачем им здесь космолифты? Их тут тысяч пятьдесят от силы — надо думать, средний житель даже не каждый год бывает на Искре. Копаются в своих шахтах и теплицах — и счастливы.

Инис покачала головой — ей в словах коллеги послышалась зависть к такому своеобразному счастью:

— Бедно живут. Всего два города на планете, лунная станция — размером с душевую кабинку, звёздный корабль единственный... А случись какая катастрофа — что они будут делать?

— Выживут, — махнул рукой Кравец. — Наши с вами предки навидались этих катастроф ещё во времена до космолифтов. И ничего, все живы, не страдаем...

— Нашим предкам неоткуда было взять технические новинки, — не согласилась Инис, — потому и выкарабкивались как могли. А здешним что мешает обновиться?

— Нет у них потребности обновляться, вы же видите. Их всё устраивает.

— Это-то и плохо... — нахмурилась Инис, но тут же приветливо улыбнулась пилоту шаттла, который приветствовал пассажиров тоже по-старинному — на трапе своего судёнышка.

— Добро пожаловать на Игнис, — церемонно сказал пилот. — Впервые у нас? Не забудьте защитные очки — облаков нет уже вторую декаду.

Новости с Фридома, Талассы, Удачи и с самой Земли, как потоп, заполняли инфосети планеты. В обеих школах Игнис отменили уроки — ученики и учителя бок о бок смотрели видео, читали сводки, разглядывали списки новых фильмов, привезённых сородичами. Связь с другими населёнными системами была редка и не очень надёжна — любые сообщения, кроме диспетчерских пакетов и экстренных оповещений, могли потеряться при передаче; иногда они приходили десять-двадцать лет спустя, путанные, частично разрушенные, но ещё опознаваемые. «Охотники за сигналами» — любители, которые их перехватывали, — соревновались в количестве и качестве пойманных пакетов. Последние несколько лет сообщение между Игнис и более старыми колониями было сильно нарушено — система Искры была экранирована небольшим облаком космического газа, так что последних новостей с Игнис соседи по Вселенной могли и не знать.

Экипаж «Индепенденс» действительно был на Игнис впервые — и планета поразила их воображение. Конечно, им доводилось видеть записи с поверхности, но съёмки не передают ни оглушающей жары, ни жаркого ветра, постоянно дующего повсюду, ни страшной пронзительности света, который потоками рушится сквозь сухую атмосферу, не отягощённую многослойными облаками, как на их родной Фридом. Океаны Игнис, густые, как паста, испаряют много влаги, но она даже не выпадает дождями, а оседает по ночам горячей росой. Тогда ночная поверхность планеты немного остывает, и ночные ручьи несут в моря всё, что не успевает испариться снова. Всё это гости планеты знали, но в теории; ощутить всё это на себе было совершенно особенным впечатлением!

Шаттл опустил на посадочную площадку, прокатился по ней, но не остановился у линии разметки, как ожидал Кравец, а поехал к широкой трубе, протянутой, как хобот, к краю площадки. Пилот предупредил:

— Не вставайте с мест — высаживаться будем под крышей!

Шаттл в самом деле всосался в туннель, пронёсся по нему и только под куполом ангара, надёжно прикрывшим гостей от неласковой атмосферы планеты, остановился окончательно. Пилот открыл обе двери:

— Прибыли! Рад был познакомиться.

— Спасибо, — Инис пожала ему руку и выскочила на пружинящий пол ангара.

— Здесь можно дышать свободно, — сказал им вслед пилот. — Выходя из купола, не забывайте маски!

Кравец махнул ему рукой, показывая, что понял, и зашагал вслед за коллегой к выходу в город.

О том, что города на Игнис полностью изолированы от внешней атмосферы, он, конечно, читал и слышал не раз, поэтому купола его не удивляли. Удивило его то, как мало под ними места! Стены буквально давили, всё вокруг казалось неудобно стиснутым, тесным, на мгновение даже появилось ощущение удушья — типичный признак клаустрофобии. Штурман отогнал его и попытался сосредоточиться на деле. Им было поручено встретиться с руководством Игнис и договориться о порядке выгрузки привезённых товаров. Безвозмездная помощь колониям третьего класса (частично или полностью закрытого типа) — старое правило, которому на Фридом следовали строго. Игнис пока ещё была достаточно мала и достаточно ограничена в ресурсах, чтобы иметь полное право на такую помощь.

Однако начальник комитета по ресурсам, с которым велись переговоры, был другого мнения!

— Мы благодарны жителям Фридом за подарок и за доставку, мы благодарны лично вам, экипажу, что вы совершили этот трудный рейс, мы рады получить свежие новости с других планет — словом, вы нам очень, очень помогли. И мы, конечно, не отвергнем посланный нам дар — вы ничем не заслужили неуважения. Но в последней передаче мы просили Управление звёздного флота перевести Игнис из третьего класса во второй. И приложили все необходимые основания. — Начальник ласково улыбнулся, словно и в самом деле боялся обидеть инозвёздных друзей. Он был маленький, чернокожий, совершенно седой и говорил медленно и тихо, как в театре. Но больше ничего театрального не было ни в его манерах, ни в том, что он говорил. Планета, на которой нельзя сажать даже лишайники, планета, где атмосфера не пригодна для дыхания, где средняя глубина океанов двадцать два метра, где нет ни одного естественного поверхностного живого вида, — эта планета, как считал чиновник её администрации, не нуждалась в ресурсной поддержке извне!

— Но, мистер Ламур... — начал Кравец.

— Гражданин Ламур, с вашего позволения, — тихо поправил негр. — Я знаю — это звучит непривычно. Поверьте, за годы освоения планеты мы взвесили всё. В этом мире мы ни в чём не знаем недостатка. И мы не можем лишать наших товарищей на менее освоенных планетах, возможно, жизненно важных ресурсов и товаров. Ещё раз спасибо вам за помощь. — Ламур встал, пожал руки обоим астронавтам и вежливо проводил их до лифта.

Растерянный Кравец молча следил, как мелькают за прозрачной стеной лифта этаж за этажом; Инис, наоборот, не скрывала раздражения:

— Это же глупость! Здесь же ничего нет! Нищая планета! Ну хорошо, хочется им во всём ограничивать себя — их дело, но дети ведь растут! В этих ужасных коробках под куполами! И что, из-за их дурацкой гордости детям надо отказывать в ремонтантных ананасах и кибербайках? Лишать настоящих аквариумных рыбок и настоящего миндального молока?..

— Инис, тише, тише, — забеспокоился Кравец. Люди оборачивались на них, но, видимо, не понимали языка — и хорошо, что не понимали! — Вы точно хотите поучить их жить?

— Да нельзя так жить! — взорвалась пилот. — Нельзя! Это радиоактивная пустыня, тут человеку вообще делать нечего! Ну как так — оборудование допотопное, купола эти скоро треснут от старости, а какой у них у всех загар — вы видели? Они же фиолетовые все! Лиловые! Как маслины...

— Успокойтесь, — уже сердито сказал штурман. — Каждому человеку дано конституционное право выбирать, где он хочет жить и каким законам следовать. Кому не нравится — могут уехать отсюда. Давайте проверим: стоянка у нас месяц, сколько за это время нам подадут заявлений на выезд?

Инис хотела что-то возразить, но только махнула рукой и побрела в свою комнату переживать.

А Кравец с удовольствием спустился в спорткомплекс — весь рейс ему не хватало физической нагрузки, а сила тяжести на Игнис была чуть выше, чем привычная домашняя. За месяц тут легко и просто войти в форму и даже поднабрать вес, а то за перелёт он опять похудел на двенадцать фунтов — и всё за счёт мышечной массы...

Тренажёры его быстро утомили, но это было нормально — нагрузки надо наращивать постепенно. Штурман принял душ, с разбегу плюхнулся в небольшой ярко подсвеченный бассейн, пронёсся под водой тридцать футов — половину длины дорожки, вынырнул и не спеша поплыл, рассматривая сквозь слой воды мозаичные картины на дне бассейновой чаши. Мозаики изображали то людей, прогуливающихся по пустыне без всякого подобия защитных костюмов, то ледовые шапки на здешних лилово-красных горах,

то неведомых животных, плывущих в местном океане, — словом, разные фантазии о будущем.

Ощущение, вкус и запах воды здесь были, конечно, новые, чужие, но это тоже нормально. А вот что ещё его беспокоило, пока он здесь отдыхал?

Кравец попытался вспомнить, не смог и решил отодвинуть эту задачу в фоновый режим — всё равно мозг не отцепится, пока не найдёт решение. Только выйдя из душа уже после плавания, обсыхая под феном, он вдруг сообразил, чего подсознательно ждал и чего так и не увидел ни здесь, в спорткомплексе, ни у себя в комнате. Он не увидел раздражающе яркого светового табло «Экономьте воду!». Эта надпись преследовала астронавтов и на лунных базах, и на кораблях, да и на многих планетах, не таких богатых, как Фридом. И здесь она была бы удивительно естественной — но её не было. Здесь не экономили воду, воздух и тепло. Здесь не нуждались в ремонтантных ананасах. Здесь вообще что-то было крупно не так.

II

Сергей заехал в город ненадолго — посмотреть новости из внешнего мира, — а получил настоящую командировку, ответственное поручение: показать гостям с «Индепенденс» всё, что они захотят увидеть на планете. Покатать над океанами, над горами, сводить в пещеры, если им будет по силам, — короче, обеспечить впечатлениями и помочь всё это заснять. В большом мире почему-то считается, что на Игнис скучно и однообразно. Этого молодой гражданин Игнис никогда не мог понять. А вот что у экипажей звездолётов жизнь бывает очень однообразной — это он знал точно: недели и месяцы перелётов в тесных кораблях, всё с одними и теми же людьми, без возможности связаться с домом, увидеть родных, узнать новости... это же свихнуться недолго! Ребят надо развлечь, чтобы не вспоминали этот рейс как каторжный труд, — пусть хоть что-то яркое останется в памяти. Хотя покажется ли им яркой его планета? Он любит её, знает, работает с ней, как мастер с неограниченным самоцветом, поэтому она бесконечно интересна. Но как это показать приезжим? Что они поймут, кроме пустыни и ветра?..

Раздумывая над этим, Сергей пришёл на место встречи — в ангар северной взлётной зоны. Гости были уже там — резко выделялись белой кожей среди дочерна загорелых аборигенов. Шлемы и защитные очки держали в руках — всё по правилам. Сергей почти подбежал, чувствуя себя виноватым, что заставил гостей ждать:

— Утро! — и протянул руку: — Сергей Пустовойтов, геолог.

— Э... доброе утро, гражданин Пусто...вэй... — смутилась женщина-пилот.

— Называйте меня Сергей, пожалуйста, так проще и короче. Вас я знаю. Пойдёмте в катер. — И, пока они шагали по ангару к указанной автоматическим гидом стоянке, абориген, стеснясь, сказал:

— Конечно, вы лучше управляете катером, чем я, но по правилам вести машину сейчас придётся мне как знающему местные условия...

— Не переживайте, — рассмеялась Инис, — наоборот, я рада — меня так давно не катали на катерах!

— Внутри машины шлемы можно не носить — атмосфера кондиционированная, — объяснил Сергей, выводя катер на слепящее солнце. Гости дружно натянули очки и удивлённо посмотрели на пилота:

— А вы?..

— Не волнуйтесь, я привык, — отмахнулся Сергей, и машина рванулась в раскалённое серое небо.

Он уже придумал: надо провезти гостей над местами, где идут самые важные работы по обустройству планеты. Наверняка они видели старые съёмки и смогут сравнить, насколько симпатичнее стала Игнис за эти годы. Подземные реки, ветрозащитные хребты, искусственные бухты — когда-нибудь, когда моря станут глубже, в них получатся гавани для больших кораблей. И, конечно, надо будет долететь до Парового котла — он умеет поражать воображение...

— Я покажу вам места, до которых можно добраться только на катерах и только специально — метро из городов туда не ходит, — объяснял Сергей, оседлав поток пыльного ветра, который нёс катер, словно на упругой подушке. — У нас, конечно, не поваляешься на пляже и не побродишь по лесам, как на Талассе...

— Пляжи у нас ещё будут, — сказал Кравец, — а вот здешнюю геологию я бы посмотрел! Я по второй профессии геофизик.

— Правда? — обрадовался Сергей. — Тогда вы по адресу: тут будет столько геофизики, что можно десять фильмов снять! А какая у вас специальность?

— Сейсмолог, — сказал Кравец. — Фридом спокойное место, но сейсмслужба всё равно нужна. А у вас?

— Литосферник.

— Этот как? — изумилась Инис.

— Изучаю движение литосферных плит. У нас очень подвижная планета, как говорится, дышит — очень большое ядро, толстая мантия, да и более верхние слои ещё не до конца остыли. Работы полно!

— Как вы не боитесь жить на этом... яйце всмятку? — покачала головой пилот.

Сергей только улыбнулся: ему не приходило в голову, что Игнис можно бояться. Да, здесь человек впервые в истории колонизации имеет дело не столько с биологическим своеобразием, сколько с буйством первичных планетарных сил, но разве это может пугать? Крупных катастроф тут не наблюдали с самого открытия планеты, климат хоть и не подходящий для обычной поверхностной жизни, но очень стабильный, солнечная энергия обеспечивает солидную долю потребностей колонии, смена времён года малозаметна — идеальное место для научной работы и для опытов по переустройству природы вокруг. Благо не приходится опасаться, что из-за неловких действий человека вымрет какая-нибудь крайне ценная букашка.

Катер резко трянуло, он завалился влево, выровнялся и начал рыскать, сотрясаемый ударами ветра. Сергей нахмурился, покачал машину туда-сюда — вроде бы слушается. Новый удар в правую скулу снёс катер с курса, только специальная форма крыла не дала ему войти в штопор. Сергей вызвал службу погоды:

— Номер тринадцать-десять, я в воздухе, курс сто десять, направление на Новый каньон. Вошёл в полосу сильного ветра, какие указания?

— Уходите из района, — сказала девочка-диспетчер, — там это надолго. Срочно потребовалась противопесчаная защита, иначе завалит участок дороги. Простите, что не предупредили, сегодня все маршруты на Новый каньон должны быть перенаправлены...

— Мы частный рейс, — успокоил её Сергей. — Вас понял, идём на посадку. — И уже обращаясь к пассажирам, виновато сказал:

— Сегодня нам не погулять — вокруг города кольцо ветров. Идёт песчаная буря, нам всё равно не удалось бы ничего увидеть...

— Не беда, — сказал Кравец, — мы здесь будем ещё долго. Если вы, конечно, не передумаете проводить для нас экскурсию...

— Нет, что вы! Мне правда жаль, что так вышло...

— Это же погода, — улыбнулась Инис, — она нас не спрашивает, на что тут обижаться? И вы прекрасно водите катер, особенно в таких условиях.

Сергей удивлённо посмотрел на неё ещё в начале фразы, потом понял — они не привыкли. Ничего, время у них точно есть.

— Я высажу вас в соседнем городе, оттуда можно доехать назад на метро — тоже вроде путешествия. Хотя там почти нечего смотреть...

— Никогда не ездила на метро! — с любопытством произнесла Инис. — Настоящее, подземное?

— Конечно. Ну, вот и посадочная зона. До свидания!

Прощавшись с геологом, Инис и Кравец вышли в ангар уже знакомого вида и по стрелке указателя отправились к спуску на платформу метро. Что-то зацепило взгляд Инис, она обернулась и увидела, что их экскурсовод стоит снаружи купола без шлема, без очков и смотрит на кружащиеся в небе пыльные вихри. Пилот тряхнула головой — видение не ушло. Человек стоял без всякой защиты на поверхности Игнис, которая, согласно всем инструкциям, была совершенно не пригодна для жизни.

III

— Серёженька, — сказала с экрана Анна-Леена, — с Искрой всё не так просто. Операторы сказали, что снизить скорость вращения можно, им бы и самим так было удобнее, да вот...

— Что, тётя Леена? — не понял Сергей.

— Да ведь гидрологи против, сыночек! Наполняемость рек, понимаешь? Пульсации течений рассчитаны для нынешней скорости вращения, пришлось бы всю систему водоснабжения переписывать...

— Постой-ка, зачем всю систему? — Сергей наморщил лоб, собираясь с мыслями. — Об океанских приливах у нас пока речи нет...

— Нет-нет, Серёженька, не в океанах дело. Подземные воды их беспокоят.

— Я понимаю, что подземные воды, — мотнул головой Сергей, боясь спугнуть мысль. — А что, другого механизма управления потоками измыслить нельзя?

— Да где же его взять-то? Реки текут, потому что планета вращается...

— А не жирно рекам такой гравитационный насос? — заметил молодой геолог. — Может, им бы движения плит хватило? Реки-то там — одно название, весь сброс три тонны в сутки...

— Так-так-так, — в голосе Анны-Леены впервые вместо озабоченности прозвучал интерес. — Излагай дальше!

— А что излагать? Привязать пульсации течений к смещению плит, пусть догоняют, а Искра притормозит. Насос-то останется, только вместо пары Игнис – Искра будет пара Искра – Первый материк. Рекам хватит.

— Серёженька, это же всё с ног на голову ставит! — изумилась Анна-Леена. — Это вообще с другой стороны делать нужно...

— Постоим на голове немножко, — пожал плечами её ученик. — Авось привыкнем.

— Как, как ты сказал — «авось»? Какое вкусное слово! А-вось! Я его Пешичу скажу, ему понравится.

— Опять он вас обидел? — уже без всякой весёлости спросил Сергей.

— Да разве меня обидишь! Эх... Да, я «допотопие». Я — продукт старой науки...

— Вкусное слово, — недобро усмехнулся Сергей. — Я его тоже Пешичу скажу, когда увижу. «Ваше допотопие» — подходящее будет звание для этого динозавра!

— Оставь ты динозавра в покое, Серёженька, а то он тебя к защите не допустит, — старая тётушка уже улыбалась. — Давай сделаем расчёты и тогда пойдём к нашим островам. Мне их жалко, сыночек, если честно...

— Я поражаюсь вашему долготерпению, коллега! — ярилась Инис, бегая взад-вперёд по маленькой комнатке гостиницы. — Им так нравится, они так хотят... Вам совершенно не приходит в голову, что они могут ошибаться? Или ещё хуже...

— Ещё хуже — это как? — спокойной осведомился Кравец.

— А вы подумали, — наскочила на него пилот, — вы подумали, что они могут быть идеалистами худшего пошиба?! Сто лет труда и десять тысяч лет непрерывного счастья! Например, а? Как вам нравится?

— Мне не показалось, что они тут все маньяки, — покачал головой штурман. — Нельзя сказать, что у них нет никакого развития...

— Развитие бывает разным, — не желала смириться Инис. — Отказывать себе во всём, работать по двадцать часов в сутки в опасных условиях и мечтать, что через сто лет здесь будут сплошные сады, — это тоже развитие. Если, конечно, радиация, ядовитый воздух и синтетические продукты не прекратят это развитие практически в зародыше... А знаете, — обернулась она вдруг к штурману и даже замерла на секунду, — что мы всё спорим? Давайте посмотрим своими глазами!

— Куда? — не понял Кравец.

— На это их развитие посмотрим! Что они скрыли от нас?

Женщина снова забегала кругами:

— Понимаете, здесь, в городе, мы ничего не увидим. Думаете, этот стеснительный литосферник просто так прервал нашу прогулку?

— Он же сказал, что ветер...

— Он сказал, да! — победно улыбнулась Инис. — Но уверены ли вы, что это не было запланировано с самого начала? Предсказать песчаную бурю несложно даже со здешней древней техникой. Но нет — в самый ответственный момент что-то мешает нам увидеть планету как она есть. Стечение обстоятельств и техники безопасности.

— Серьёзное подозрение, — напрягся Кравец. — Но как его проверить?

— Мы должны сами провести себе экскурсию, — уже спокойно, как заранее обдуманый план, предложила Инис. — Что мешает нам взять катер и полететь осматривать планету самостоятельно? Я прочла их инструкции по безопасности — это не запрещено!

— Вы, гляжу, основательно подготовились, — заметил штурман, и впервые в его голосе прозвучало нечто вроде осуждения. — Но куда лететь?

— Туда, где у них идёт главная работа. В городах почти нет производства, одни теплички, но где-то же они берут ресурсы! Значит, фабрики и шахты вынесены далеко от города. Мы должны увидеть, кто и как там работает, что там вообще творится, — увидеть и доложить капитану! Возможно, всё, что мы знали об этой планете, вообще от начала до конца неверно!

— Примерно это нам сказал здешний гражданин Ламур, — усмехнулся Кравец. — Разве нет?

— Нет — он сказал только, что планета не нуждается в материальной помощи. Но не нуждается ли она кое в чём другом — например, в революции?..

Катер нёс их на запад, вдоль гряды невысоких гор, почти не тронутых здешней цивилизацией. Только в одном месте округлые, будто из мокрого песка, бугры разрезала прямая и чёрная линия дороги, уходящей за хребет, на север. Инис решительно повернула к пробитому дорогой ущелью:

— Там должно быть что-то важное, иначе не строили бы дорогу. Представьте, сколько усилий надо было приложить, чтобы проломать такую толщу!

— Кстати, я не вижу характерных следов взрывных работ, — заметил Кравец.

— Стёрлись со временем? — предположила пилот.

— Не так уж много времени тут и прошло, а вообще при здешних формациях взрывные работы можно опознать и через тысячу лет.

— Разберёмся, — подытожила Инис и заложила вираж, собираясь пролететь над дорогой.

За холмами, вдоль которых дорога свернула к морю, открылась равнина, засыпанная, как сначала показалось исследователям, щебнем. Лишь опустившись почти к самой земле, они разглядели, что «щебень» состоял из кусков породы размером в двухэтажный дом, а то и крупнее. Насыпанные кое-как, словно их вытряхнули из великанского ведра, эти скальные отломки покрывали гигантскую площадь — всё пространство между грядами холмов с севера и с юга и до самого моря на востоке. Несколько миллионов квадратных миль каменного мусора. Кравец ощутил, как волосы на шее встали дыбом и по спине пробежали мурашки...

Инис развернула катер, собираясь направиться на запад, поперёк удивительной равнины, — и машина качнулась, на мгновение став неуправляемой. Рефлексы пилота сделали своё дело, Инис выравняла катер, но машинально, не глядя на приборную доску, — она во все глаза смотрела вдаль, на западный горизонт, где в пепельно-рыжее небо вдруг величественно, обманчиво медленно поднялся чёрный, наполненный алыми проблесками, столб дыма.

— Лео, — от неожиданности пилот позабыла весь корабельный этикет, — ты это видишь?

— Это вулкан, — медленно, словно сам себе не веря, произнёс Кравец.

— Это чертовщина, — пробормотала Инис и провела рукой по лбу, натолкнувшись на пластик шлема.

— Поднимитесь повыше, — предложил Кравец, — мы должны увидеть это сверху.

— Повыше можно, но поближе не просите — там такие воздушные потоки...

— И камни летят, — добавил штурман, наблюдая, как небо по обе стороны от дымного столба заполнили мельтешащие точки. Он хорошо знал, что это за «точки» и какие у них скорость и температура!

Катер полез вверх, пробивая пыльную атмосферу. Иногда его мотало, срывало с курса, но Инис была внимательна, и набор высоты продолжался довольно ровно. Кравец, не отрываясь, смотрел на расплывающийся в небе дымный столб. Он не всегда был непроницаемо-чёрным: порой в нём просверкивали алые сполохи, иногда потоки воздуха на миг разрывали плотное дымное облако, и становились видны потоки лапилли, разлетающихся в разные стороны. Вскоре первые обломки понеслись под брюхом катера, и штурман, не веря глазам, срочно полез перематывать только что сделанные кадры видеозаписи. Рапидометр позволял определить размер камней по скорости, с которой они скрывались из виду: камешки мало чем уступали тем глыбам, которые усыпали дно долины под ними... Кравец почувствовал, как по спине опять побежали мурашки: здесь идут чудовищные, первобытной мощи природные процессы, и они со своим катером рвутся прямо к центру одного из них!

— Инис, эти камни... — начал он, но пилот прошипела сквозь зубы:

— Вижу... уже вижу... что за адская планета!

Штурман промолчал, тщетно взывая к своему образованию: всё можно понять, но откуда тут — вулкан?! Он смотрел и смотрел вниз, цепляясь то за видимое отсутствие сильного сейсма, то за потоки ровного юго-западного ветра, хорошо заметные по направлению полёта пыли, — сейчас воздух со

всего континента должно было засасывать под столб огня над чудовищным вулканом, а тут лёгкий ветерок летит себе, как ни в чём не бывало, по своим делам в сторону *от жерла*...

Катер шёл теперь на суборбитальной высоте, Инис обернулась к коллеге:

— Отсюда нормально видно?

— Да, спасибо, — пробормотал Кравец, вглядываясь вниз. Атмосфера планеты была почти чиста от облаков, и вулкан был отсюда виден как на ладони — чёрные склоны, блестящие под солнцем, дымный столб, растёкшийся в грибовидное облако примерно на той же высоте, где они сейчас находились. Делать круг, не приближаясь к вулкану, было бы слишком долго — катер на это не рассчитан, придётся довольствоваться тем, что есть...

— Господь Вседержитель, что это?.. — прошептала вдруг Инис, вцепившись в подлокотники пилотского кресла. Кравец посмотрел туда, куда смотрела она, и тоже ощутил желание призвать на помощь какое-нибудь сверхъестественное всемогущее существо, которое объяснило бы всю эту катастрофу... Вся та часть материка, что находилась западнее вулкана, как-то странно меняла цвет, подёргивалась, как шкура чутко спящего зверя, тени на ней стремительно меняли очертания. Не сразу штурман понял, что именно он видит: целые пласты суши, расслаиваясь, как фанера, подминались под наступающее море. Тёмно-бордовые воды уже ползли вверх по склону нового побережья, в месте, где встречались вода и земля, поднимались в небо столбы пыли, безумные цвета здешних пород сливались в тёмно-бурую массу, постепенно уходящую под горячие мелкие волны.

— Мы спим? — с надеждой спросила Инис, и штурман очнулся от апокалиптических видений.

— Нет... возвращаемся, надо всё же закончить разведку.

— Да, в самом деле, — встряхнулась пилот, — мы же ещё не видели ни одной фабрики! Кто у них там работает, и вообще где это — «там»?

Катер полого пошёл на снижение, и Кравец немалым усилием воли отбросил видения геологической катастрофы, свидетелями которой они стали. В конце концов, к цели их разведки эти не может иметь ни малейшего отношения.

IV

Им пришлось довольно долго лететь над равниной, усыпанной громадными «камешками», прежде чем ответвление дороги привело их к группе

холмов, у которой стояла какая-то пустынно-карьерная техника. Людей не было видно, и пилот заложила круг над холмами. Усилия были вознаграждены — из противоположного склона вытекала словно бы чёрная блестящая река, разливаясь глянцевоитым озером. Приглядевшись, разведчики различили в чёрном потоке отдельные плывущие на транспортёре плиты, какими была выложена вся дорога. Выкатываясь из холма, где их, вероятно, отливали, они распределялись штабелями для хранения — вот что показалось озером.

— Вот и производство, — удовлетворённо заметила Инис. — Сядем?

— А можно? — усомнился Кравец.

— Я нигде не вижу знаков «посадка запрещена», — дерзко заметила пилот, и её спутник вновь увидел в ней те же признаки злого задора, с каким она уговаривала его на эту разведку.

В тёмное нутро холма вела пешеходная дорожка, поднятая над транспортёром, нёсшим плиты. Инис взбежала на неё:

— Интересно, куда ведёт...

— А где же люди? — вслух задумался Кравец, следуя за ней.

Людей они не увидели. И вообще на фабрику это было мало похоже. Туннель пещеры был не освещён, только в глубине его там и сям иногда рождались неяркие искры, словно бы от столкновения чего-то. Лента транспортёра вытекала из внутренностей горы, и где-то там, внутри, на неё с тяжёлым «ухх» ложились чёрные плиты. Вдоль ленты была заботливо проложена дорожка, ограждённая леером, и пилот взбежала туда, освещая себе путь фонариком. Кравец поднялся следом:

— Пойдём дальше?

— Конечно! — обернулась Инис. — Все ответы — там, внизу!

Кравец ощутил что-то вроде опаски — тёмное нутро пещеры отнюдь не манило внутрь. Будь его воля — он бы ушёл отсюда, вернулся бы в город и при первом удобном случае просто поговорил бы с этим Сержем. Но Инис уже нёс лихой азарт, и оставлять её в таком состоянии одну было попросту нельзя — штурман знал, какое море упорства способна проявлять его коллега, а чем кончится эта авантюра, бесполезно даже гадать...

Дорожка с чуть заметным уклоном вела в тёмные недра горы; видно было, что по ней давно не ходили — тонкая чёрная пыль лежала на мостках непотревоженным слоем. Огромные каменные плиты проплывали на транспортёре совсем рядом, и Кравец чувствовал исходящий от них жар. Вообще в этих производственных пещерах было жутковато, и чем дальше они спускались, тем больше крепло ощущение, что здесь всё — не для людей.

Дорожка сделала поворот, следуя изгибу скалы, — и пилот резко остановилась, подняв фонарик над головой. Пещера здесь кончалась — дальше прохода не было, и дорожка была аккуратно перегорожена леером поперёк. Кравец в два прыжка догнал коллегу — в лицо ударил удушливый жар, пахнущий плавильной топкой, пришлось надеть шлемы от скафандров — дыхательные маски тут не спасали. Теперь они вместе в изумлении смотрели на склон пещеры. Вертикальная стена её была сложена из обычных здешних основных пород, таких же, как снаружи, — Кравец читал, что по геологической структуре Игнис во многом напоминает прародину Землю. Со стены сыпалась непрерывным дождём мелкая каменная крошка, её водопадик заботливо ловили огромные каменные же ковши, раскалённые до багрового свечения. В них каменная масса начинала течь, как подтаявшее масло, вверх поднимались клубы дыма, а расплав стекал в прямоугольные формы, застывая чёрными плитами, которые стремительно отдавали горе своё тепло и уже полуостывшими выплывали на поверхность по транспортёру. И по-прежнему никаких следов людей.

Кравец настроил шлемофон, чтобы обсудить с Инис это изумительное зрелище, но тут связь заработала на аварийной волне — их вызывали на диспетчерской частоте. Дисциплина звездолётчика взяла своё — он назвал их текущее местоположение, доложил, что машина не получила повреждений и срочная помощь не требуется, получил в ответ приказ оставаться на месте и ждать эвакуатора.

Инис, которая тоже слышала этот диалог, хищно усмехнулась:

— Мы проникли в какую-то местную тайну, и теперь нас арестуют? Или прямо тут и прикопают?

Штурман внезапно разъярился:

— Извините, коллега, но вы несёте уже что-то запредельное! Что за паранойя! Вы же видите — нет тут никаких рабов в каменоломнях, чего вам ещё? Вы получили свои результаты разведки, разве нет?!

— А вы? — не унималась пилот.

— А я только-только нащупал кое-что интересное, — резко заметил Кравец, — но обсуждать это буду с местными жителями — без них мне не разобратся.

Инис отметила это «мне», как бы исключавшее её участие, и обиделась. Старательно обойдя штурмана, она зашагала обратно по мосткам. Однако выйти из пещеры им не удалось — снаружи бушевала настоящая пыльная буря, не хуже той, что позавчера застала их в полёте. Кравец подсчитал в уме время и понял, что их догнал один из потоков ветра, порождённых из-

вержением. Пыль, которую он нёс, могла быть небезопасной, это вам не песочек...

Катер уже скрылся под красно-бурым сугробом, наружу торчал только матово-белый нос. Кравец, не обращая больше внимания на метания Инис, уселся на мостках, свесив ноги в пропасть над транспортёром, достал сухпак и приготовился ждать эвакуатора.

Земля заметно вздрогнула, когда перед пещерой опустилась какая-то тяжёлая машина — тусклый свет, пробивавшийся сквозь бурю, сразу же померк. Впрочем, мощный фонарь, направленный в наружную часть пещеры, тут же рассеял мутную тьму, и из мегафона зазвучал знакомый голос:

— Вы здесь? Если слышите меня, подойдите к выходу в световом луче! Вы слышите меня?

Кравец вскочил, потянул за руку Инис и подвёл её к выходу — туда уже тянулся из спасательной машины гибкий трап. На другом его конце стоял их знакомый геолог, и Кравец даже вздрогнул, увидев, что он без скафандра и даже без маски. Потоки пыли завивались вокруг него, но, видимо, не причиняли никакого вреда...

В машине, сняв скафандры и вдоволь напившись свежей, не из пайка, воды, звездолётчики оказались лицом к лицу с Сергеем — он был одновременно встревожен и сердит:

— Не знаю, как принято на Фридом, но здесь планета ещё не полностью освоена, и частные полёты без предварительной разведки — верный способ поставить на ноги всю спасательную службу! Я понимаю, что у вас опыт полётов, но опыта Игнис у вас пока нет! Впрочем, тут есть и доля моей вины, — геолог шагал туда-сюда вдоль диванчика, на котором отдыхали спасённые, — надо было сразу вам рассказать, что и как, хотя шансов, что вы поверите, было немного... Не вы первые!

— Но теперь-то мы можем, наконец, получить объяснения? — ярилась Инис.

— Объяснения *чего*? Вы способны сформулировать вопросы не в духе инвестигаторов прошлого? Не спрашивайте только «что тут у вас происходит?» — у нас не происходит ничего, это я вам сразу скажу.

Кравец про себя усмехнулся — именно так его коллега поставила вопрос перед тем, как отправиться на разведку. Он постарался поставить вопрос не по-инвестигаторски:

— Те процессы, которые мы видели сегодня, — вулкан, а потом эта фабрика, — они ведь не природные?

— Конечно, нет. Нормальные технологические процессы. («Нормальные?» — вскинулась Инис.) Мы приводим планету в соответствие с нашими потребностями, только и всего.

— Но какими средствами? Где вся та технологическая мощь, которая способна...

— Да здесь же. Мы — эта технологическая мощь. А энергия, конечно, звёздная — Искра в этом смысле очень удобная звезда.

Инис помотала головой:

— Я стала понимать ещё меньше, чем до этого...

— А вы попытайтесь сперва дослушать, — наконец не на шутку рассердился Сергей. — Ваши домыслы и без того всё запутали, а всё потому, что вы абсолютизировали ваш подход и ваше понимание. А ведь вам с самых первых минут, как только вы ступили на планету, вежливо намекали: тут не всё так, как вы привыкли, будьте внимательны, смотрите в оба! Разве нет?

Кравец примирительно поднял руки в жесте сдающегося:

— Тогда, может быть, вам проще рассказывать с самого начала? Я бы хотел увидеть всю картину вашими глазами... если вы понимаете, о чём я...

Геолог мгновенно успокоился, сел на мягкий диванчик, налил себе воды:

— Вы правы — так будет проще. Но тогда я просил бы не перебивать меня — дело всё-таки давнее, я постараюсь изложить как могу связно и в понятных терминах.

Инис снова дёрнулась, обиженная этим намёком, но мужчины уже не обратили на неё внимания.

— Когда наши предки — первые колонисты — прибыли на Игнис, им тоже показалось, что планета мало приспособлена для жизни, к которой мы привыкли. Перспектива вечно существовать под стеклянными куполами, как в теплицах, очень раздражала. И тут мы — вернее, они, конечно — задали принципиально верный вопрос: то, к чему мы привыкли, — обязательно ли оно? Не сможем ли мы найти другой способ жизни, который пусть и не будет привычным, но обеспечит наши нужды и потребности, удовлетворит наши желания и откроет перспективу, которая нам нравится. Не скажу, что это было простое решение, которые все приняли единодушно: было много споров, конфликтов, мы были в шаге от гражданской войны, — теперь геолог уже без всяких поправок говорил «мы», и это звучало совершенно естественно. — Но решение, которое мы нашли, оказалось таким многогранным, что в итоге удовлетворило всех. Мы не можем привычными способами подчинить себе планету — но почему мы должны ограничивать себя только проверенными способами? Почему не начать преобразования с себя?

Кравец даже подскочил на диване — перед глазами снова встала фигура в сердце пыльной бури без всякой защиты.

— Так вы...

— Вижу, вы начали понимать, — улынулся геолог. — Да, мы исследовали не планету — мы изучали человека. Человек — сложная, но гибкая и адаптивная система. Для нашего мозга нет особенной разницы, чем управлять — своим телом или внешней системой, которая подчинена мозгу. Учатся же люди пользоваться нейропротезами. А здесь новая система не занимала место прежней, как протез, а просто надстраивалась над телом. Мы сделали планету частью нас самих. За это пришлось платить — мы тоже в какой-то мере стали её частью. Развитие обычно не используемых возможностей нервной системы человека не заняло особенно много времени — что значат несколько десятков лет в таком деле. Надо заметить, здесь сильно помогло то, что у Игнис нет своей биосферы — наличие родной жизни сразу же многократно усложняет систему, с этим мы бы так быстро не справились. Зато теперь, — геолог кивнул в сторону маленького аквариума на столике, — мы управляем и этим процессом.

— Кто это там? — Инис, забыв свои обиды, подошла к столику. В полутёмном сосуде среди камней лениво шевелилось существо, похожее одновременно на рыбу и змею.

— *Cavaticus leenae*, лабораторный экземпляр. В природных водоёмах они пока что очень мелкие, глазом не видно. Это, собственно, ещё не вид, а ограниченная популяция. Они сильно изменяются, приспосабливаясь к здешней природе.

— Вернёмся к Игнис? — предложил Кравец. Твари, созданные в пробирке, его не особенно интересовали — то ли дело вулкан!

— Да, так вот... Вам как звездолётчикам должна быть известна система точной сквозной навигации, где центром отсчёта принимается геометрический центр местной галактики?

— Да, и что?

— С большой долей абстракции галактика рассматривается как неподвижная система, внутри которой рассчитаны все движения всех объектов, разбитых на кластеры. Если движение объекта отклоняется от расчёта, делается простая поправка, вы, навигаторы, берёте их из таблиц. Мы обсчитали таким образом кластер Игнис — Искра, это ведь намного проще, чем всю галактику в таблички записать. И образ этой системы был передан на Искру.

— Как?... — замерла Инис, оторвавшись от изучения змеерыбки. — Как на Искру?..

— В структуре звезды есть области, которые способны накапливать и удерживать заряд, — объяснял Сергей. — Это было известно и на Земле ещё до нашего отлёта. С помощью зарядов в этих областях можно хранить информацию, как мы храним её на кристаллах записи. Результаты наших описаний системы мы загрузили туда, потом сделали ещё одну модель — не реального, а желаемого состояния планеты, — и теперь понемногу передаём эти изменения в реальную систему: Искра излучает, мы вносим поправки, планета меняется...

— Но медиатор? Что служит средством внесения изменений? — Кравец даже привстал в кресле от волнения.

— Мы. Народ Игнис. — Звучало это очень торжественно, но вид у геолога при этом был самый обыденный. — В нашей конституции записано, что каждый гражданин планеты имеет равные права и возможности в распоряжении ресурсами системы. Вот мы и распоряжаемся напрямую.

— И эти... живые плиты в пещере... — Инис расширившимися глазами смотрела на игнисского аборигена, как на чудо господне, явленное прямо в салоне спасательного катера.

— Да, планета работает как большая фабрика. Поэтому нам и не очень нужны гуманитарные грузы — у нас несколько другой характер потребления, чем на обычных планетах.

— А вулкан? — вернулся Кравец к любимой теме.

— Мы его зовём Паровой котёл, — улыбнулся геолог, — он помогает сбрасывать лишний нагрев средних слоёв коры.

— Но откуда он взялся?

— Построили. Долго ли прыщик на земной коре соорудить. Сейчас у нас посерьёзнее проблема — слишком быстро поплыли материки, а это опасно для будущих морей. Как раз сейчас мы пытаемся придумать... уже почти придумали, как бы их притормозить.

— Ваш проект? — Кравец всё не мог поверить в историю в целом, но отдельные факты уже ложились в схему.

— Нет, моя тётя ведёт, вы её, возможно, знаете. Анна-Леена Тавашерна.

— Это как? — не понял штурман. — Она же улетела с колонистами...

— Так и есть. С тех пор и курирует геологические проекты на всей Игнис. Теперь вот меня подключила.

— Но... — Инис что-то подсчитала в уме, сверилась с справочником в коммуникаторе, — это же было сто сорок земных лет назад!

— Да, тёте уже за сто восемьдесят, — вздохнул геолог, — но мы не знаем, сколько мы живём. От так называемых естественных причин ещё никто не умер пока...

Вопрос в глазах штурмана был немой, но совершенно ясный.

— Я же говорил, — покачал головой Сергей, — а вы пропустили мимо ушей, видимо. Мы в некотором роде стали частью системы. Она изменяет нас, как мы изменяем её. Поэтому мы дышим здешней атмосферой, не боимся песчаных бурь — запускаем, когда нужно, потом отключаем. Мы можем пить здешнюю воду, только она невкусная. На станции внутри Искры работает целый институт, директор Радивой Пешич — может, тоже слышали.

— Гелиофизик? Слышал, конечно, — Кравец потёр переносицу, вспоминая, — но ему ведь должно быть сильно за сто лет...

— Сто двадцать, кажется, и есть, — согласился Сергей. — Он из первого здешнего поколения.

— И как вы... после этого... — Инис не могла сформулировать вопрос, чтобы он прозвучал не откровенно неприлично, — вы... осознаёте себя людьми?

— А вы как думаете? — фыркнул Сергей. — Вы заметили в нас нечто чуждое? Заподозрили, что мы мыслим по-иному? Какие страхи вас гложут по этому поводу?

— Инис, в самом деле, — вступил Кравец, — вас куда-то не туда занесло...

— Но это же совершенно нечеловеческая жизнь! — выпалила пилот, сверкая глазами.

Игнисский геолог усмехнулся, но не обиделся:

— Нам бы ваши проблемы, вот честное слово...

Катер коснулся посадочной полосы, и в ту же минуту земля мягко колыхнулась, с барханов сорвало песчаную пелену.

— Ага, Искра включилась, — сказал Сергей, глядя незащищёнными глазами на бешено сиявшее светило. — Притормозит нам немножко дрейф материков. Через пару тысяч лет увидим первые результаты — прилетайте смотреть.

Трансутопия, или сладкие грезы мелкой буржуазии

Социальная фантастика, описывающая миры, отличающиеся от современного общества по своему социально-экономическому устройству, будь это наше воображаемое будущее, иные планеты или даже альтернативная история, интересна — в отличие от произведений, где существующая экономическая модель проецируется на далекое будущее с галактическими цивилизациями и сверхсветовыми полетами, или АИ, переносящей отношения, безнадежно устаревшие еще столетие назад, на наше время. Поскольку меня, и не только меня, интересуют конструирование и описание миров будущего, в которых хочется жить и за которые хочется бороться, я обратил внимание на уже довольно известный цикл романов Александра Розова о «трансутопии» (термин автора, который используется, по-видимому, в противовес «обычной» утопии) — вымышленной стране под названием Меганезия.

Оставим обсуждение художественных достоинств и недостатков текстов литературным критикам. Оценка правдоподобности описываемых технологий и разбор технических и естественнонаучных ошибок также далеко выходит за пределы эссе. Рассмотрим только экономические, политические и социальные вопросы. На сегодняшний день цикл о Меганезии включает в себя десяток романов, зачастую очень объемных, поэтому поневоле придется ограничиться самыми общими вопросами, а относящийся к значительно более позднему периоду мир «Неандертальского томагавка» — вынести за рамки.

В начале, на первый, в особенности не слишком искушенный, взгляд, некоторые моменты выглядят вполне многообещающими. Новая страна возникла в весьма неожиданном месте — на островах Тихого океана, которые сейчас не могут похвастаться технической и социальной прогрессивно-

стью, — в результате событий, получивших название «Алюминиевой революции» (из-за использования революционерами аммонала). В Меганезии существует оригинальная политическая система, по утверждению автора, исключая и прямо запрещающая наличие государства. Так ли это на самом деле — вопрос, к которому мы еще вернемся, но во времена засилья откровенно консервативных историй о могучих государствах, дальновидных императорах, пагубности социальных потрясений и тому подобном такая заявка — уже неплохо.

Более того, применительно к одному из ключевых героев автор пишет о некоем «транс-марксизме» (любовь к образованию новых и крайне расплывчатых терминов у него имеется) и время от времени вспоминает о некоторых идеях Карла Маркса. Впрочем, только о некоторых и в весьма своеобразной интерпретации... Автор совершенно справедливо считает, что существующая капиталистическая экономика более неспособна ни на что прогрессивное. С этим остается только согласиться. Но кто виноват и что делать? В чем состоит основная проблема современного мироустройства и что требуется взамен? Во всех романах цикла главным источником зла корнем всех проблем объявляются государства и «оффи» — меганезийское слово для обозначения чиновников или политиков какой-либо страны. В него, разумеется, неизбежно попадает и сросшийся с государственной властью капитал, в первую очередь финансовый. А вот определение государства у меганезийцев довольно-таки оригинальное (цитата из «Депортации»):

«Государство — система открытого насилия над народом, осуществляемого в интересах олигархического клана. Олигархический клан — узкая группа людей, силой, подкупом или обманом присвоившая неограниченную политическую власть и осуществляющая ее, якобы, от имени народа».

Позже, в «Волонтерах атомной фиесты», появляется уточнение: «Власть клана или социального класса». Откуда же, по мнению автора, по мнению автора, берутся государства и «оффи»?

Многочисленные рассуждения героев романов сводятся примерно к одному: некая группа, «элита» общества, выдвинувшаяся благодаря своим выдающимся качествам, для сохранения власти навязывает обществу искусственную систему ценностей, в которой эта «элита» возвышается над остальными людьми. И ничего про производство, собственность и эксплуатацию. «Транс-марксизм» раз за разом, из романа в роман скатывается в давно уже известный идеализм, ища проблемы исключительно в надстройке — госу-

дарстве, праве, морали и религии. Высказываются разные мнения о том, когда и почему цивилизация «свернула не туда» — в древности, в эпоху Возрождения, в конце XX века (нет, речь не о гибели СССР), виноваты ли древнеегипетские жрецы, европейская церковь или современные «оффи», банкиры и чиновники. Досталось (уже почти традиционно) и толерантности и мигрантам.

Можно потратить тысячи слов на критику современной европейской политики и морали, христианства и ислама, но нельзя покушаться на самое святое. Недаром в Великой Хартии (основной закон Меганезии), о чем неоднократно говорится в романах, начиная с «Депортации» (первого романа цикла), объявлены права людей на равенство, свободу, безопасность и ответственность. Да, список взят из французской конституции времен Великой французской революции, но то была буржуазная революция. Забавно, что в одном из эпизодов «Дня Астарты» для отстаивания необходимости той самой собственности привлекается вопрос о возможности «передать нажитое имущество по наследству». Ирония в том, что автор, изо всех сил ругающий традиционную модель семьи, безоговорочно отстаивает по сути дела ключевую причину ее существования...

Иногда можно увидеть утверждения о том, что в Меганезии господствует либертарианство или анархизм. И то, и другое неверно. В отличие от либертарианцев (я имею в виду, разумеется, правых либертарианцев), автор прекрасно понимает, что ничем не ограниченные частная собственность и рынок не могут привести ни к чему хорошему. Соответственно, в Меганезии нет частной собственности на землю и недра, есть только аренда, а частные компании при достижении определенного размера, достаточного для серьезного влияния на экономику в целом, принудительно выкупаются у владельцев. Обоснование, впрочем, довольно интересно (цитата из романа «Мауи и Пеле, держащие мир»):

«И это обосновано. Если продажа будет возможна, то природные ресурсы быстро окажутся в собственности небольшой группы персон, и у остальных не будет никаких реальных прав. После этого очень вероятен социальный взрыв и силовая экспроприация ресурсов. Вот тогда и правда будет коммунизм, или точнее, большевизм в самом грубом исполнении. Чтобы мотивов для взрыва не возникало, в проекте Хартии есть не только запрет на скупку природных ресурсов, но еще и предусмотрен принудительный выкуп в общую собственность тех частных предприятий, которые вышли на уровень жизненно-важных для региона или страны».

Идея понятна, до настоящей революции и «большевизма в самом грубом исполнении» дело лучше не доводить, для этого можно даже поступиться «священным» правом. Чуть-чуть.

Кроме того, экономика Меганезии обходится без банков и подобных им учреждений, то есть без финансового капитала. Социальные гарантии для наемных работников, если судить по «Депортации», по нынешним меркам довольно продвинуты — высокая минимальная заработная плата и, при необходимости, переквалификация при потере работы за счет будущего работодателя (иначе на горизонте маячит все тот же социальный взрыв). Для либертарианцев все это — совершенно недопустимое вмешательство в функционирование «свободного рынка», так что в Меганезии, конечно, нечто иное. В то же время критика автором демократии (которую он, похоже, при капитализме считает работающей), если судить по словам его героев, вполне либертарианская:

«...свобода и демократия, это левая и правая ладонь. Они, вроде, похожи, но несовместимы. И приходится выбирать: свобода или демократия».

На анархизм описываемое общество тоже совсем не похоже. Кроме частной собственности есть и законодательство (включая судебную систему), и правительство, и полиция, и регулярная армия. И здесь стоит поговорить об одной из основных идей цикла. На страницах романов можно не раз прочитать, что в Меганезии нет государства, а попытка его создания согласно Великой Хартии считается тяжчайшим преступлением, за которое полагается смертная казнь. Но на самом деле, вне всяких сомнений, государство в Меганезии есть. Об этом могло бы свидетельствовать одно только наличие частной собственности, но, когда читаешь романы цикла, бросаются в глаза и более непосредственные доказательства.

Имеются абсолютно все основные признаки государства. Есть судебная система, в которой высшим органом является Верховный суд. Есть выборное правительство, с которым заключается контракт на исполнение избирательных заявок граждан. Есть аппарат принуждения: армия, полиция, обладающая немалым влиянием спецслужба и специальная преторианская гвардия, следящая за исполнением Хартии. Есть право, от уголовного до выборного, за исполнением которого следят суды и полиция. Наличествует определенная территория, на которую распространяется государственная власть (границы ее в основном морские, но это не важно). Более того, государство

это местами имеет явные империалистические замашки, в частности, вывоз капитала в бедные страны, например для добычи там полезных ископаемых (пример — история с вымышленной африканской страной Мпулу в романе «Чужая в чужом море»).

Какое же это государство? Ответ прост и скучен — это буржуазная республика, скорее федеративная (в тексте Меганезия именуется конфедерацией, но в то же время четко описаны единая исполнительная и судебная власти), пусть сильно отличающаяся от существующих, но не настолько, чтобы считать ее чем-то совершенно особенным. В текстах неоднократно говорится о неких принципиальных отличиях и от современных капиталистических стран, и от бывших социалистических, но лично мне при чтении было прекрасно видно, что разница с первыми намного меньше, чем с Советским Союзом, в особенности ранним.

С надстройкой все более-менее понятно, разберемся с базисом. Ясно, что в Меганезии капитализм. Различными «бизнесами» занимаются если не каждый из основных героев, то уж больше половины — точно. Кстати, интересен социальный и профессиональный состав персонажей романов, который мало меняется от книги к книге. Очень много (наверное, не меньше половины от общего числа) представителей различных силовых структур «государства, которого нет» — военных, в том числе отставных, занятых околовоенным бизнесом (от ЧВК до производства оружия), и работников спецслужб. Много более традиционных бизнесменов, от мелких буржуа до хозяев транснациональных корпораций. Первые всегда показываются в самом выгодном свете, тогда как вторые бывают и «хорошими» (те, что не связаны с властями других государств), и «плохими» (те самые «оффи»).

Есть немало лиц свободных профессий — журналисты, писатели, разнообразные «эксперты» и фрилансеры и даже философы. Нашлось место и для представителей мафии и наркоторговцев — да, они тоже оказываются если и не совсем положительными, то не явно отрицательными персонажами, в отличие от госчиновников, а некоторые из них лично поучаствовали в создании «трансутопии». Да, «Алюминиевая революция» на поверку (начиная с «Мауи и Пеле...») оказывается не совсем (или даже совсем не) революцией, поскольку ее совершают не народные массы островитян, а беглецы из Европы и Америки, торговцы кокаином и наемники. Думаю, читатели уже догадались, кто в этом «чудесном» мире оказывается на страницах редко и обычно на заднем плане. Я не могу припомнить ни одного яркого образа настоящего пролетария.

Хотя на страницах романов изредка можно увидеть не самое отрицательное отношение к леворадикальным группам (в частности, во второй

части «Апостола...» упоминается RAF), но куда чаще проскальзывает плохо скрываемое сочувствие ультраправым, а спецслужба Меганезии нередко именуется героями «гестапо» — в шутку, конечно, но... Нет, «революционерам» никогда не приходит в голову упоминать ВЧК и большевиков.

В Меганезии есть территории с различными видами местного самоуправления, среди которых имеется и «коммунизм» — в кавычках, поскольку выглядит он совершенно карикатурным. Острова, на которых обитают люди с особым взглядом на мир, живущие единой общиной и не имеющие ни личных вещей, ни личного пространства, описаны совершенно беззлобно, но цель понятна — «доказать», что коммунизм невозможен, поскольку для его существования нужны особые люди. С другой стороны, местами автор скатывается в настоящую архаику, описывая существующие в составе конфедерации «без государства» монархии — от традиционных островных вождей до «курфюрстов» — не абсолютные, но с обладающими немаленьким влиянием королевскими особами.

В чем же отличие меганезийского капитализма от остальных современных «капитализмов»? Во-первых, там нет крупного, тем более финансового, капитала и монополий, хотя есть частная собственность, мелкий и средний бизнес и наемный труд. Во-вторых, там нет налогов, а есть только социальные взносы на финансирование текущего правительства, которые не зависят от доходов (цитата из «Депортации»):

«Они зависят не от того, сколько у человека денег, а от того, сколько он потребляет этих благ. Обычно миллионер платит много больше, чем рабочий, но не потому, что у него больше доход, а потому, что у него больше объектов, обслуживаемых полицией, экологической службой, службой чрезвычайных ситуаций и т.д.».

Чувствуется, что вопрос о налогах очень волнует автора — ему посвящено немало слов. В-третьих, там практически нет институтов лицензирования, стандартизации и тому подобных. Можно производить и продавать что угодно. Полная свобода предпринимательства.

Финансовый капитал, налоги и лицензирование доставляют больше проблем мелкой буржуазии, владельцам малого и среднего бизнеса, которые мечтают избавиться от банков, монополий и госрегулирования. Понятно, для кого эта «трансутопия» наиболее привлекательна...

Если говорить о личных впечатлениях от придуманного автором мира, то мне в нем многое не нравится даже по сравнению с существующими странами. Меганезийцы просто помешаны на дешевизне. Дешевые товары

из Китая (в романах он по-прежнему выступает в роли «мировой фабрики»), дешевая еда, дешевая техника, дешевое жилье и так далее. Понятно, что при капитализме высокая цена совершенно не гарантирует качества, но экономия на всем, на чем только можно и на чем нельзя, — верный способ получить совершенно негодное изделие, а если это еще и комбинируется со следующим пунктом... Отсутствие стандартов и лицензий на все, вплоть до лекарств и авиаперевозок, — явный шаг назад, во времена торговцев «змеиным маслом» и прочих шарлатанов, к уровню смертности на транспорте, характерному для самых слаборазвитых стран. Кстати, об инфраструктуре вообще и транспорте в частности. Диалог из романа «Апостол Папуа и другие гуманисты»:

«В каждом труднодоступном тропическом регионе начали спонтанно рождаться режимные альтернативы.

— Почему только в тропическом? - спросила она.

— Потому, что в тропическом климате можно построить эффективное производство без развитой инфраструктуры. В других климатических поясах бывает холодная зима».

Устремившийся со всего света в Меганезию бизнес на самом деле не в силах одолеть задачу, которая была решена даже обычными капстранами, не говоря уже о Советском Союзе. Инфраструктуры в Меганезии действительно нет. Поскольку автор является большим поклонником малой авиации, транспорт между островами представлен частными самолетами (которые, по сюжету, есть у каждого «самостоятельного и благополучного») и авиарикшами. Конечно, можно гнать топливный спирт из планктона и ловить рыбу в лагуне, а потребности в одежде в тропическом климате невелики, но без хорошей транспортной связности жизнь на островах представляется мне совсем грустной — это не тот мир, в котором мне хочется жить.

Что же касается времени, из которого происходят экономические идеи Меганезии, о нем говорится почти что прямо. В «Апостоле...» один из героев мечтательно рассуждает: «Когда мы построим продвинутый нео-XIX век...». Да-да, XIX век, домонополистический капитализм. И здесь самое время вспомнить одного тогда еще видного марксиста Карла Каутского. В 1886 году он написал популярное изложение «Капитала» — «Экономическое учение Карла Маркса». Цитату оттуда я и приведу — она длинная, но уж очень показательная:

«Так всё толкает к разрешению противоречия, воплощённого в капиталистическом способе производства, — противоречия между общественным характером труда и отжившей формой присвоения средств производства и продуктов.

Только два пути мыслимы для разрешения этого противоречия. Оба они имеют целью согласовать между собой способ производства и способ присвоения. Один путь — уничтожение общественного характера труда, возврат к простому товарному производству, замена крупного производства ремеслом и мелким крестьянским хозяйством. Другой путь стремится приспособить не способ производства к способу присвоения, а способ присвоения к способу производства. Этот путь ведёт к общественной собственности на средства производства и продукты.

В настоящее время многие стараются повернуть ход развития на первый путь. Они исходят из ошибочного взгляда, будто способ производства можно установить по произволу при помощи юридических предписаний».

Да, в Меганезии нет ничего нового — все та же идея, устаревшая еще в позапрошлом веке, все тот же первый путь с частной собственностью, но без банков и монополий, «по произволу при помощи юридических предписаний». Второй же путь автору явно не нравится...

Впрочем, о жизни большинства населения при капитализме XIX или начала XX века у автора, похоже, весьма странные представления. Чего стоит вот такая цитата из «Рыцарей комариного писка»:

«За 100 лет реально-полезные технологии усложнили жизнь незначительно, а во многих случаях - даже упростили ее. Другое дело - бюрократические усложнения. Они чудовищны. 100 лет назад обычный человек четко знал, какое имущество ему принадлежит, сколько у него денег и что он может делать для получения прибыли, удовлетворения потребностей и защиты своих интересов».

Действие романа происходит в совсем недалеком будущем, 20-е годы нашего века. Сто лет назад типичный житель даже развитой капиталистической страны и не мечтал о «получении прибыли» (как, впрочем, и сейчас), а для «удовлетворения потребностей» мог сделать только одно — продать свою рабочую силу и надеяться, что зарплаты хватит на кусок хлеба, и что его не выкинут за ворота при очередном сокращении. И бюрократия здесь

ни при чем. Один пример того, как следует защищать свои интересы, конечно, тогда уже был...

Мы подходим к самому интересному — классовой структуре «трансутопии». В ранних романах она не слишком четко обозначена, но потом проступает все более явно. Наконец, один диалог из «Апостола...» прекрасно раскрывает суть идеи Меганезии. Он довольно объемный, но я приведу его весь:

— Это из социологии управления. В социуме есть особи Альфа, Бета, и Гамма.

— Хэх... Это из той же серии, что термин «Альфа-самец»?

— Абсолютно верно, Корвин! Итак: Альфа — это лидеры, носители власти, или высшего статуса, вершина социальной пирамиды. Гамма — это нижний слой в пирамиде. Они по статусу всегда в подчиненном положении. Бета — это промежуточный слой. Они могут играть роль лидеров в отношении Гамма или в отношении других Бета, однако, они не лидеры по статусу. Они всегда подчинены Альфа, хотя у некоторых из них есть шанс подняться до Альфа. Беты мечтают об этом и боятся упасть до Гамма. Что же касается Гамма, то они мечтают получить роль, свойственную Бета, и начать доминировать над другими Гамма. Вот на чем держится классический пирамидальный социум.

— Ну... — Корвин погладил свою выбритую макушку, — ...я где-то видел такую теорию.

Патер Макнаб плавно взмахнул ладонями в стороны.

— Бесспорно, вы видели. Это упрощенная теория, но ее используют многие политологи, поскольку она дает вполне адекватные прогнозы. Но для сообщества нези такая теория абсолютно непригодна. Вы, в силу своих идейных установок, истребили всех Альфа и лишили гражданских прав всех Гамма. Вы создали монохромное общество субъектов, которые не стремятся к статусному лидерству и не терпят такого лидерства над собой.

Да, пирамида капиталистического общества действительно легко узнаваема.

Достаточно перевести эвфемизмы поп-психологии на давно и хорошо известный язык политэкономии — и мы получим обычную классовую структуру капитализма: крупная буржуазия (альфа), мелкая буржуазия (бета — да, они действительно «промежуточный слой») и пролетариат (гамма). Надежды и страхи мелкого буржуа в обществе монополистического капита-

лизм, мечтающего дорасти до крупного капиталиста и ужасающегося при мысли о превращении в пролетария, показаны верно.

А что же получилось в Меганезии? Заветная мечта мелкого буржуа, его «трансутопия» выглядит так: мелкая буржуазия избавляется от крупной и, получив власть, принимает меры по недопущению новой концентрации капитала, чтобы оградить себя от разорения гигантами в будущем, и лишает гражданских прав пролетариат, чтобы иметь возможность беспрепятственно его эксплуатировать. На самом деле из пирамиды убрали второй сверху и, частично, третий слой, заменив его своим. Автор очень не любит христианство и ислам, но опиум для народа в Меганезии не исчез полностью, а просто принял иные формы. В двух частях «Апостола...» рассказывается о появлении новых религиозных течений, отвечающих потребностям меганезийских властей, и здесь автор неожиданно ясно демонстрирует, что религия — всего лишь надстройка. Что же касается четвертого сверху уровня — он, судя по текстам, разросся до прямо-таки неприличных размеров.

И, конечно, самый верхний уровень никуда не делся. Пусть нелюбимые автором «фантики» и цифры в памяти банковских компьютеров заменены на золотую фольгу и расписки с указанием количества металлического алюминия (кажется, с полным резервированием), суть не поменялась — «трансутопией» безраздельно правят деньги. А заявленное отсутствие «стремления к статусному лидерству» явно противоречит некоторым сценам из текстов, в которых фигурируют «фармстеды» буржуа со слугами, набранными из местных жителей, со специальными «мини-флэтами для прислуги» (негоже презренным «гамма» жить в господских хоромаш!). Напоследок — еще одна показательная цитата из «Апостола...»:

«Те революции - восстания нищих против богачей с целью отнять у богачей богатство и власть. А вот Алюминиевая революция была восстанием самостоятельных благополучных людей против богачей и нищих, с целью защитить свое благополучие и самостоятельность, которую хотят отнять богачи и нищие».

Действительно, «самостоятельных благополучных людей» одинаково пугают и миллиардеры, способные не глядя пустить их по миру, и пролетарии, которым нечего терять и которые могут в один прекрасный день снова очнуться и вспомнить, что это их планета. Поэтому среди них истории о Меганезии, этой мелкобуржуазной утопии пользуются немалой популярностью.

Разумеется, такое общество, построенное на давно уже устаревших идеях, невозможно. Причин много, я выделю лишь одну. Ни хартии, ни конституции, ни любые другие юридические ухищрения не в состоянии отменить законы политэкономии. Процессы концентрации и централизации капитала неизбежны, а способы контроля над вложениями в обход прямого владения акциями известны и описаны уже больше столетия, тем более что в Меганезии уже есть инвестиционные фонды, куда переходят при выкупе акции крупных компаний. Конечный результат, особенно с учетом того, что на островах сильны личные и родственные связи, а многие основатели хорошо знакомы друг с другом, вполне предсказуем: соперничество кланов, «кумовской капитализм» и еще одна олигархия, использующая хартию по принципу «друзьям — все, врагам — закон». И никакой утопии.

Внеисторическая Россия

Вячеслав Рыбаков. *На мохнатой спине*. СПб.: [Лимбус Пресс](#), 2016 г.

После многолетнего авторского молчания снова заговорил Вячеслав Рыбаков. Заговорил, надо признать, впечатляюще и результативно — роман «На мохнатой спине» завоевал разом три престижнейших российских премии (РосКон, Интерспресскон, АБС-премия), вызвав массу совершенно полярных откликов критиков, тем или иным способом задев чувства массы читателей, нажав сразу на несколько болевых точек расколотого постсоветского общества. И вместе с тем — примером своего творчества и его эволюции — автор наглядно продемонстрировал тот тупик, в котором это общество оказалось. Хороший писатель, впрочем, по-другому и не умеет.

Предыдущий крупный проект Рыбакова, дилогия «Наши звезды», тоже стал прекрасной иллюстрацией этого тупика — и даты написания книг в данном случае очень много говорят. Первая часть цикла, роман «Звезда Полюнь» (2006) — это попытка реанимировать романтику космоса и научного поиска шестидесятых, он насквозь пропитан отсылками к Стругацким. «Ту-ут, ту-ут, ту-ут», — *пели далекие маяки...* С этим паролем главные герои ищут «своих», тех, кто сегодня готов участвовать в рывке к звездам. Кто же служит материальным двигателем этого порыва? Капиталист. Патриотический капиталист родом из тех же самых шестидесятых, читавший все те же книги, что и его сверстники, смотревший мечтательно на звездное небо: ведь и в самом деле, современные олигархи — такой же продукт Made in USSR, как и остальные представители старшего поколения:

— Господи, — голос неведомого Бориса Ильича, еще только что — сухой и напряженно сдержанный, вдруг ноюще раскис. — Ну неужели ни один человек из тех, что сейчас ворочают всей этой адовой бездной бабла, в детстве не сходил с ума от книжек про ракеты? Неужели ни у одного глаза не горели, неужели не хотелось на самом деле, в реальной будущей жизни сорвать ветку марсианского саксаула? Полететь к венерианскому озеру, возле которого притаился древний звездолет фэтонцев? Какой скучный мир...

И ведь в самом деле — неужели не найдется среди всех этих одиозных нуворишей и внешне малоприметных «деловых людей» хотя бы один праведник, желающий не выступления Сосо Павлиашвили на своем юбилее, не борьбы стриптизерш в ванной из черной икры, а чего-то *странного*? На Западе вот герои капиталистического труда в водолазках и свитерах с речами о будущем, прогрессе и космосе наперевес пользуются определенным спросом, так неужели в России слово «миллиардер» будет ассоциироваться исключительно с раздающим айфоны за рисование «мемов» Алишером Усмановым?

Выходит, что так. Более того, медведевская эпоха, кажется, окончательно превратила слова «инновации» и «высокие технологии», написанные по-русски, в разновидность грязных ругательств. И вот в продолжении цикла, романе «Се, творю» (2010, Сколково, Петрикгейт, Роснано в самом расцвете) Рыбаков полностью отказывается от старой схемы, все больше углубляясь в политико-философское противостояние мерзким либералам (вызывающим отвращение уже на чисто физиологическом уровне), заменяя технологический рывок типичным волшебством телепортации, наделяя сверхспособностями самых молодых героев, делая из них разновидность то ли людунов, то ли гадких лебедей — и подписывая тем самым приговор собственному поколению.

После 2010 года утекло много воды и много крови. Стрелка часов Судного дня с тех пор неизменно двигалась только вперед — к роковой полуночи. Россия успешно ввязалась сразу в два затяжных военных конфликта с перспективами и целями, которые не в состоянии внятно объяснить ни один из трех основных федеральных телеканалов. Исторические отсылки к шестидесятым, инновации, «далекие маяки», рывок к звездам — все это стало сегодня еще более неуместным, чем разговор о веревке в доме повешенного. На повестке дня совершенно другие исторические аналогии (за которые с радостью и пугающим единодушием хватаются что депутаты Львовского Городского Совета, что завсегдатаи «Воскресного вечера»).

Конец тридцатых годов. Финал Интербеллума. Канун Второй Мировой войны.

Жанр, в котором написана книга, пожалуй, не получится охарактеризовать одним-двумя ярлычками из колоды жанров коммерческой фантастики: это не «альтернативная история», не «криптоистория» и уж тем более не «историческая фантастика». Автор демонстративно отказывается от какой-либо связности и логичности творимого им мира: дело тут не в ссыльных

царской эпохи, поющих «Возьмемся за руки, друзья», не в упоминании вируса Эболы в тридцатых — «альтернативная реальность» на то и альтернативная. Но в этой реальности теряются, собственно, образы главных героев, превращаясь в принципиально несобирающиеся пазлы, где каждая новая сцена только вносит дальнейшую путаницу. К примеру, с первых же строк книги мы узнаем, что главному ее герою (аналогу пикулевского «человека без имени», но по дипломатическому ведомству) в 1938 году пятьдесят девять лет. Это дает дату рождения — 1879 год. А затем упоминается, что из гимназии он выпустился аккуратно после Цусимы — в 1905. В двадцать шесть лет. Себе же образца 1920 года наш «человек без имени» дает такую характеристику — *«молокосос, деревенский тюня-лапоток»*. Это сорокалетний образованный мужчина, участвовавший, ни много ни мало, в плехановском «Освобождении труда» (не спрашивайте — Плеханов здесь тоже очень альтернативный). Такое нагромождение противоречий, ясное дело, является результатом сознательной тактики: находясь на не самой уютной для себя территории, автор сразу же показывает кукиш любителям искать зацепки неправильной формы, что составляют весьма весомую и влиятельную часть поклонников книжек про попаданцев и черных томиков «Язуы». С другой стороны — это сигнал для каждого потенциального читателя: не ищите в сюжете связности и логики, «книга вообще о другом», как любят оправдываться писатели, уличенные в непонимании темы своего творчества или литературной беспомощности. И пусть читателя не обманывают вставные главки в стиле «информации к размышлению» из романов Юлиана Семенова — книга эта действительно не об СССР тридцатых, не о Сталине и сталинизме, не о дипломатических играх накануне Второй Мировой. То, что в романе проделывает Рыбаков, укладывается в рамки отношения современного обывателя к историческому промежутку, что зовется сталинской эпохой.

Существует в общественном восприятии сталинизма и самого Сталина один удивительный, на первый взгляд совершенно непостижимый парадокс. В каждом современном книжном магазине два-три стеллажа отведены под тематическую литературу. Пестрят цепляющие глаз названия: «СТАЛИН — БОГ-ИМПЕРАТОР ИЗ МАШИНЫ», «СТАЛИН — НАСЛЕДНИК ДОМА РОМАНОВЫХ», «СТАЛИН ПРОТИВ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ», «СТАЛИН ПРОТИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ», «ПУТИН — ЭТО СТАЛИН СЕГОДНЯ», «ЖЕЛЕЗНЫЕ ЯЙЦА СТАЛИНА», «СТАЛИН И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ», «ВОЗВРАЩЕНИЕ СТАЛИНА»... К каждой годовщине пакта Молотова-Риббентропа, к каждому дню рождения и смерти знаменитого специалиста по языкознанию медийное пространство лихо-

радит от пустопорожних дискуссий. Чуть ли не каждый конфликт хозяйствующих субъектов в современной России, в результате которого тот или иной деятель бизнеса, политики или культуры оказывается за решеткой, сопровождается разговорами про «новый тридцать седьмой» (скорбными стенами — из угла либералов огоньковской закалки и торжествующими визгами — со стороны «державников» на государственной службе). Словом, очевидно, что в России по популярности Сталин обошел и Битлз, и Иисуса Христа. Но вместе с тем, при всем медийном ажиотаже вокруг «отца народов», его идейное наследие (весьма обширное — тринадцать томов издано только до пятидесяти третьего года) оказывается совершенно невостребованным — хотя, казалось, уже одно имя обеспечит любому изданию сталинских работ стопроцентный коммерческий успех. Но нет — выпуском «дополнительных томов» сталинского собрания сочинений занимаются энтузиасты-дилетанты, а коммерческие издания представляют собой надерганные чуть ли не по абзацу компиляции казенных банальностей из эпохи банкетов и тостов и выдернутых из контекста отрывков внутрипартийной полемики. Можно с уверенностью сказать: самый узнаваемый персонаж в отечественной истории поразительно непопулярен в качестве мыслителя и теоретика, поразительно невостребован и несозвучен современности. Любой нынешний поклонник Сталина, заглянув в аутентичные тексты, не найдет в них для себя ничего цепляющего за живое — ни пассажей о величии белой славянской расы, ни апологетики православной империи, ни даже призывов к борьбе с еврейским заговором. После чтения книжек современных сталинских пророков вроде Старикова такой результат порядком разочаровывает, и в итоге возникает определенный запрос на «неизвестного», «тайного» Сталина, который никогда не был искренним революционером (революции ведь — это зло), а был, напротив, консервативным, патриотически настроенным религиозным обывателем. А спрос рождает предложение — так и возникают неуклюже состряпанные фальшивки вроде «беседы с Коллонтай», «политического завещания» или жанрово связанных с ними «дневников Берии». Фальшивки эти сварганены настолько топорно, что до конца в них мало кто верит — но хотят верить очень многие (как и в пресловутый «план Даллеса», который «не существует, но действует»). Документального жанра, разумеется, будет маловато — и появляется на рынке обширный пласт тематической художественной литературы, самыми характерными представителями которого являются пресловутые «попаданцы к Сталину». Мы смеемся и негодуем, глядя на патриотических реконструкторов с их влажными мечтами о железной руке в ежовой рукавице, на либералов, чьи стараниями порядком была обесценена память сотен тысяч жертв Боль-

шого Террора, но для людей, ломающих копья в интеллектуальных боях об истории нашего недавнего прошлого, в последнюю очередь имеют значение реальные беды и победы тридцатых-сороковых годов, реальные противоречия и конфликты этой эпохи. И книга Рыбакова — это крайняя форма литературной деконструкции сталинизма, декларативное и демонстративное его присвоение именем современной «патриотической общественности». Присвоение это идет достаточно примитивными путями — начиная с элементарного, с языка. Вот как разговаривают главный герой, высокопоставленный работник НКВД, и Генеральный Секретарь ЦК ВКП(б), фактический лидер Советского государства:

— Ты ведь через Варшаву ехал?

— Да.

— Что пань?

— Много чего. Что тебя интересует?

— Ну, наверное, то же, что и тебя. Пойдут они вместе с Гитлером против нас? Или по-прежнему кобенятся и не могут даже тут определиться?

— С учётом того, что ещё пару месяцев назад они были с немцами вась-вась, а теперь — уже в раздумьях, я думаю, отработают назад. От душевного единения с Адиком они уже отсосали максимум возможного. И начинают это осознать. Украину фюрер им не отдаст, самому нужна. А когда до фюрера дойдёт, что шляхтичи его кидают, он взбесится реально. Если тебя интересует мой прогноз...

— Не набивай себе цену, не кокетничай. Я ведь уже спросил. Чего ещё надо?

— Ладно, Коба, не кипятись. Думаю, сейчас пань постараются этак незаметно и невесомо, на пуантах, перебежать под крылышко демократий. С расчётом получить всё, что им обещает Гитлер, а то и побольше, но притом без усилий и риска. Гитлер нападает на нас через Прибалтику, вязнет тут, год-два мы воюем на обоюдное истощение, а потом, все в шоколаде, вступают англичане с французами. Добивают Гитлера в спину, и то, что он успел оттяпать у нас, достаётся им. Как освободителям одновременно и от нацистов, и от большевиков. И освободители потом отдают это панам за их красивые глаза и антисоветские вопли. Может, пань под конец и войсками поучаствуют, в обозе у демократов. Чтob хоть разок крикнуть «Хэндэ хох!» и за этот героизм уж наверняка получить всё до Волги. Вот такие в Варшаве, я полагаю, девичьи грёзы.

Или вот еще, характерное:

— Так что чистый водевиль, — закончил я. — Было бы смешно, если бы не было так грустно. Ваня любит Мэри, Мэри, как и подобает продвинутой европейской гёрл, льнёт к Гретхен, а Гретхен строит глазки Ване. Мы рвёмся к союзу с демократиями, демократии спят и видят, как бы заключить союз с Гитлером, а Гитлер, похоже, начинает обхаживать нас.

— И вдобавок Ваню в койку к Гретхен со спины пихает... э-э... Харуми, — добавил Коба. — Из Маньчжурии. Да-а... Свальный грех. Варенья хочешь?

Не то чтобы советские функционеры в частных беседах были чужды низкого штиля, но вышеприведенное — это не слова людей тридцатых годов. Это разговор пары современных менеджеров среднего звена, для которых и старается старый ленинградский интеллигент Рыбаков, чтобы пацаны догнали, что там за расклады были в старые времена, как наша братва разруливала ситуэйшен с фашиками да пиндосами, да какие сцуки все эти братья-славяне да либерасты горбоносые. Самое парадоксальное — в книге ведь целая глава посвящена пошлости в искусстве. Но — ничего не поделаешь, надо подстраиваться под аудиторию (тоже, правда, не актуальную, а в значительной степени воображаемую): требует рынок, требует издатель, требует... да, впрочем, иному автору и самому так удобнее. Нынешний наш министр культуры выдал такую установку: в схватке белых и красных правы оказались не белые, не красные, а вековая, тысячелетняя, вневременная и надклассовая «Историческая Россия». И в этой России, которую правильнее было бы назвать внеисторической (параллели с городом Глуповым, в котором история прекратила течение свое, совершенно очевидны), нет никакой разницы между эпохой Путина и Сталина, Николая Первого и Николая Второго, Ивана Третьего и Ивана Четвертого — соответственно, нет разницы и в международном положении, в отношениях с извечно враждебным, русофобским и либерально-толерантным обобщенным Западом. Вместе с телевидением и МКАДом Рыбаков переносит в свои тридцатые эпатажного французского философа Андре Глюксманна:

«Скорее всего, имелся в виду их новопредставленный философ с жёванным лицом, вывернутыми мозгами и опять смешной фамилией, которую я, как и Блока, постоянно забывал: то ли Клоксман, то ли Глюк-

сель... В последнем опусе, лебединой песне и, наверное, завете грядущим поколениям, он на пятистах страницах доказал, что тот, кто за свою жизнь не сменил раза три-четыре пол, не может считаться полноценным человеком и сколько-либо ответственно и разумно судить о чём-то важном; жёсткая и безальтернативная привязанность к маскулинности или феминности свидетельствует об интеллектуальной немощи и моральной ущербности, а отсутствие опыта, получаемого противоположным полом, делает таких людей крайне недалёкими. Поскольку же в Советской России подобные операции вообще не практикуются и, видимо, негласно запрещены кровавой тиранией, тут, следовательно, коротает век сборище заведомых недочеловеков; всю жизнь протомившись в гендерной темнице, они ничего не понимают в жизни и свободе. Любое их мнение по любому поводу не только не представляет ценности, но вообще должно восприниматься как болезненный истероидный симптом.

Нобелевскую премию получил.

Какая уж тут коллективная безопасность...

Не получится у Литвинова ничего. Не получится».

«Историческая Россия» в действии: что плохо Путину и Милонову, то и Советской стране — смерть. Ради этого даже покойного провокатора и ренегата от «новой левой» можно перенести в чуждую среду. Правда, ни в Советской России, ни в окружающих ее капиталистических странах в те времена про сегодняшнюю дихотомию «благочестивая Россия — бездуховный Запад» слыхом никто не слыхивал. Для антисоветских агиток и карикатур первой половины двадцатого века общим местом является обвинение большевиков в том, что они учат детей в школах небывалому и неслыханному разврату. Действительная свобода нравов, воцарившаяся в СССР, рассматривалась его противниками как неотъемлемая часть величайшего преступления коммунистов — покушения на опорные столпы цивилизации: Собственность, Порядок, Религию и Семью. Не вымышленный Клюксман или Глюксель, а реальный всемирно известный сексолог и борец за права геев Магнус Хиршфельд в 1926 году посетил СССР по приглашению советского правительства — и обнаружил там, на общеевропейском фоне, образец гендерного равенства и терпимости к секс-меньшинствам. Безусловно, «дорогой Иосиф Виссарионович» сделал многое для того, чтобы повернуть процесс вспять — и тем не менее: те, кто в сорок третьем году сжигал украинские и белорусские села, те, кто в сорок шестом призывал сжечь в атомном огне Москву и Ленинград, пока у «Советов» не появилось свое ядерное

оружие и средства его доставки, защищали все те же четыре вышеперечисленные столпа цивилизации и образ врага культивировали, ориентируясь на эпоху первых революционных лет.

Лишь в условиях невообразимой идеологической путаницы, что началась в тридцатые годы с поражением великого революционного наступления и апогея своего достигла в перестроечную эпоху (когда «левыми» себя называли сторонники частной собственности и ничем не ограниченного рынка) концепция «исторической России» из бреда реакционных романтиков могла вырасти в нечто актуальное и всерьез обсуждаемое. Тем не менее, сама логика развития современного российского капитализма, неотвратимого имущественного расслоения, социального разделения, включения на трупе бывшего советского народа классических механизмов национального угнетения, несет этой самой «исторической России» неминуемую погибель, которую не отсрочит никакой «национальный лидер».

Но, пока ткань единой истории не расползлась еще на лоскутки, пропаганда будет эксплуатировать ее до последнего, приравнивая защиту собственности олигарха Ахметова на востоке Украины или защиту бизнес-интересов Газпрома и Роснефти на востоке Сирии к священной, народной, Великой Отечественной войне Советского Союза. Или к сопутствующим конфликтам — от Халхин-Гола до Испании. Забавно, что для проведения убедительных параллелей приходится возводить как раз клевету на СССР и его историю. Взять, к примеру, описанную Рыбаковым ситуацию, когда Леонид Утесов едет в занятый франкистами испанский Теруэль дать концерт перед фалангистами (подразумевается, конечно, Андрей Макаревич и его выступления на Донбассе перед украинскими военнослужащими). Некоторые из читателей Рыбакова приняли эту байку за чистую монету, и не удивлюсь, если в скором времени несчастного Леонида Осиповича будут полоскать по бложикам как фашистского предателя: в конце концов, я своими глазами видел в Википедии статьи о реальных исторических деятелях со ссылками на Форум Альтернативной Истории как на авторитетный источник!

Плохо скрываемая неприязнь автора к социальной прослойке «горбоносых», чернявых интеллигентов с западных окраин бывшей империи, ненавидящих все русское от собственной неполноценности, ведет его к полному отождествлению советской интеллигенции сталинского периода (революционной, реакционной, конформистской — неважно) с карикатурной троицей «Кац-Шац-Альбац». Персонажи-интеллигенты (первая любовь главного героя, его жена, тесть, отец невесты сына) все сплошь закомплексованные, обуреваемые «гонором», склонные к саморазрушению и разрушению всего

хорошего вокруг себя отвратительные типы. В общем, поначитаются своего Глюкселя, а потом кричат «Ура микадо!», а от этого империи разваливаются, беспорядок кругом творится, извращения половые и прочие революции. Излишне говорить, каким положительным на этом фоне предстает образ эффективного менеджера и несостоявшегося архитектора Берия, которому хочется строить и строить, да положение обязывает сажать и расстреливать.

Наивная вера Фамусова или гоголевского Городничего в мистическую силу интеллигентшек-шелкоперов и написанных ими скверных книжонок, возродившаяся с новой силой после непостижимого в рамках неисторического мышления крушения Советского Союза, после бесчисленных «цветных» и «твиттерных» революций, ведет к парадоксальным диспропорциям в восприятии исторических и текущих событий. Самый незначительный взбрык какого-нибудь представителя гуманитарной или творческой интеллигенции (вроде вышеупомянутого Макаревича) порождает бесчисленные этические спекуляции во всех старых и новых медиа, зато такой ужасающий вроде бы с точки зрения русского патриота факт, что крупнейшие российские банки обслуживают военный заем Украины, не вызывает такого уж большого возмущения — условный Макаревич оказывается куда более доступной и понятной целью. А зачастую — все вызывающие сомнения действия российских властей на международной арене нашими патриотами относятся к тем самым «государственным» (государевым?) делам, в которые простому русскому человеку носа лучше не совать, чтобы не уподобиться проклятым от бога и людей «горбоносым».

Моя рецензия неспроста постоянно сваливается в обсуждение текущего момента: роман Рыбакова не имеет совершенно никакого, даже самого отдаленного отношения к быту и духовной атмосфере СССР конца тридцатых — ни в «светлой» его ипостаси (общественный энтузиазм, экономический подъем, колоссальный модернизационный рывок), ни в «темной» (небывалый разгул массового террора, атмосфера паранойи и патологической ненависти, карикатурный культ личности etc.). То, что Джон говорит о Джиме, часто говорит больше о Джоне, чем о Джиме, тем более когда Джим Джону ни капли не интересен. И диалог главного героя с немецким послом в Москве Шуленбургом, который является, по сути, логическим финалом книги, представляет собой не спор коммунизма и нацизма, а спор нацизма и постсоветского консерватизма, в котором оба собеседника сходятся в главном, провозглашая неправоту Маркса с его *«у пролетариев нет отечества»*. И раскрывается в процессе этого диалога ужасная тайна: нет между нацистами и российскими патриотами того неустрашимого антагонизма, что побудил некогда поэта написать: *«Как два различных полюса, во всем враждебны*

мы». Шуленбург, с изощренностью Великого Инквизитора соблазняющий «человека без имени» союзом СССР и Третьего Рейха против ненавистных англосаксов (и, логично дополнить, против горбоносых интеллигентов, их естественных агентов влияния), встречает довольно вялый отпор — и не случайно последнее слово остается именно за германским послом:

— Я мог бы, наверное, возразить в том смысле, что никто не знает будущего и важно лишь то, что есть сейчас, — устало проговорил он. — Только на основе существующего в данный момент, на основе уже сделанного и достигнутого имеет смысл выносить оценки. Но я и сам понимаю, насколько это уязвимая позиция. Я был бы рад... возможно, даже счастлив поговорить с вами на эту тему в спокойной обстановке, у камина, в креслах, с бокалом доброго рейнвейна в руке... Не думая о войне. Но сейчас у меня отчего-то нет сил длить этот спор. Просто нет сил. Я знаю одно. Одно, — повторил он и запнулся. Оторвал наконец взгляд от несчастного коржика и вскинул на меня запавшие, больные глаза. — Если англосаксы раздавят нас поодиночке, они потом уж точно убедят весь мир навсегда, будто мы с вами — из одного адского инкубатора. И уж они-то любого первого встречного наверняка будут полагать априорно полноценным — но только потому, что к этому времени сделают любого неполноценным. Чтоб не был озабочен никакими Эверестами, ни национальными, ни интернациональными, но мечтал лишь первым ворваться в торговый центр в день распродажи. Подумайте об этом, когда будете решать, с кем вам более по дороге хотя бы до первого перекрёстка.

Тень нереализованной «альтернативы», союза СССР и Третьего Рейха против «англосаксонских плутократий», сегодня будоражит воображение постсоветских консерваторов, совершенно не пересекаясь в их сознании с приверженностью дедовским могилам и ненавистью к «уренгойским мальчикам» и «абажурам». Казенный патриотизм не может перевесить того факта, что нацизм, по сути, является лишь заостренной версией консерватизма, ставшего в современной РФ идеологическим мейнстримом. И не против «плутократии», «олигархии» и капитализма мечтают подняться в крестовый поход эти господа, когда клеймят проклятый либерализм с его «потреблятельством», но против, условно, всего спектра ценностей 1789 года, против прав человека и гражданина, против прав народов на восстание и самоопределение — современная буржуазия, пройдя последовательно несколько стадий трансформации, не может сохранять и далее свое господство, не отрицая

свою собственную историю. В ситуации, когда коммунистическое и рабочее движение потерпело небывалое, всемирного масштаба поражение, для некоторых консерваторов стала приемлемой, терпимой частичная реабилитация «советского проекта» и даже Октябрьской революции — уже ради удара по предыдущему уровню ненавистного «модерна». Но это лишь до поры до времени: как только рабочий класс оправится, организуется, наберет силу и вернет свое наследство — этим заигрываниям с красненьким придет конец. Не сегодня, не завтра, даже не через десять лет — но рано или поздно это произойдет. Величественные и статичные антиутопии так и останутся на страницах фантастических романов по причине своей принципиальной нереализуемости. Можно раздавить или обмануть миллионы людей, но никакой грубой силой, никакими тонкими манипуляциями нельзя отменить универсальных законов развития общества.

И «альтернативный СССР» Рыбакова, населенный персонажами патристических сказок и страшилок, имеет с точки зрения этих законов куда меньшее отношение к реальности, чем большинство эскапистских фэнтезийных романов.

Человечество проиграет

Что хуже для книги, чем скандальная слава автора («нарушитель общественного спокойствия...», и т.д.)? Только скандальные обстоятельства выхода.

«Покорность» Мишеля Уэльбека увидела свет 7 января 2015 года. В тот же день в редакции газеты Charlie Hebdo, чей январский выпуск был посвящен «Покорности», произошел теракт с 12 погибшими, в числе которых был Бернар Мари, чья цитата была помещена на обложку российского издания романа.

Все, хватит, достаточно совпадений!

Вынести мысль, что это — чистой воды случайность, ни зарубежным, ни отечественным читателям оказалось не по силам. И застрочили борзые перья, застрекотали клавиатуры... В результате львиная доля рецензий на книгу — это пение осанн автору-провидцу и книге-пророчеству. «У вашего дома построят минарет, ваших детей оденут в паранджу, на площадях ваших городов будут жечь и побивать камнями людей. Ждите. Готовьтесь».

Нашлись, однако, и сохранившие здравомыслие — как среди критиков, так и в числе рядовых читателей. Они возражали: «Вчитайтесь, господа, в роман, вчитайтесь. Там описаний политики — с гулькин нос, да и та передана в виде пересудов за бокалом вина или просмотра телерепортажей. А центр повествования — один человек, его мысли, его быт и его проблемы полового свойства (тема для Уэльбека важная, кочующая из романа в роман)».

Правы — и те, и другие. Мир романа мы видим глазами героя, и видим лишь то, что эти глаза успевают выхватить из окружающего его информационного шума. Отступлений, где автор лично повествует читателю о судьбах мира, или еще одного героя, способного взглянуть на ситуацию под другим углом, в книге нет. Взгляд оттого получается узким и поверхностным — как взгляд любого очевидца с уготованной ему в исторической драме роли статиста в миллионной массовке. Впрочем, и того, что он увидел, нам хватит с лихвой.

Кто же наш главный, и единственный герой? Вот показательный диалог:

— Красиво, — заключила она в конце концов, — даже очень. У тебя со вкусом всегда был полный порядок. Ну, для такого мачо, как ты, —

оговорилась она и снова села, ко мне лицом. — Ничего, что я называю тебя мачо?

— Не знаю, может, ты и права, наверное, во мне есть что-то от среднестатистического мачо, ведь я никогда не считал, что так уж правильно было предоставить женщинам право голосовать, получать образование наравне с мужчинами, свободно выбирать профессию, и т. д. Ну мы, конечно, уже привыкли, но такая ли уж это, в сущности, хорошая мысль?

С одной стороны — мужественность, столь ненавистный ныне многим сексизм, «а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии». С другой — эмансипация женщин уже век как состоялась, и культурному человеку не подобает выражать неудовольствие этим, иначе как в неформальной, «кухонной» беседе.

— Ты за возврат к патриархату, да?

— Я вообще ни за что, ты прекрасно знаешь, но патриархат хорош уже тем, что существовал, я хочу сказать, что в качестве социального уклада он был устойчив, и семьи с детьми, в общем и целом, воспроизводили себе подобных по одной и той же схеме, короче, дело шло своим чередом. А сейчас детей не хватает, так что это дохлый номер.

— Да, теоретически рассуждая, ты мачо. Но у тебя изысканные литературные вкусы: Малларме, Гюисманс, что, конечно, ставит тебя выше обычного кондового мачо. Добавим к этому неестественное, почти женское чутье в выборе портьерных тканей.

Добавим, что речь тут идет не просто о вкусах — творчеству Гюисманса Франсуа (вот мы и добрались до имени) посвятил диссертацию, положившую начало его преподавательской карьере, в его книгах он ищет ответа, чем успокоить сердце, измученное духовными исканиями (вызванными «проблемами с сантехникой»), окончательным расставанием героя с темой Гюисманса книга заканчивается.

Выбор, конечно, не случайный. «Подобное тянется к подобному». Жорис-Карл Гюисманс всю жизнь тянул ляпку в министерстве внутренних дел на второстепенной должности (так и Франсуа преподает в почти пустой аудитории долгие годы), творчество начал с декадентства (так и наш герой, после долгих лет промискуитета, размышляет о категорическом императиве за набором номера эскорт-агентства), а кончил принятием католичества (так и... но не будем забегать вперед).

Резюмируя: Франсуа есть человек среднеарифметический. Белый, гетеросексуальный, средних лет, небеден, хорош собой. «Характер нордический, стойкий, в связях, порочащих его, не замечен». Обыватель, пресыщенный жизнью, с претензией на интеллект.

Перейдем к политике. С первого взгляда — сущее безумие. Социалистическая партия входит в коалицию с Мусульманским братством*, впоследствии к ним примыкают умеренные правые, оставляя своим непримиримым противником, с которыми идут «ноздря в ноздрю», Национальный фронт, возглавляемый... Марин Ле Пен (в романе есть лишь один вымышленный политик — лидер Мусульманского братства, Моххамед Бен Аббес).

Безумие ли? Вот судьба сводит Франсуа со «службистом», и тот в неформальной обстановке откровенничает.

К примеру: грядущий альянс между Соц. Партией и Мусульманским братством только намечается, журналисты только-только начинают осторожно прогнозировать — а «рыцарь плаща и кинжала» уже обо всем в курсе и, как ни в чем не бывало, повествует:

«Переговоры между социалистами и Мусульманским братством проходят гораздо более напряженно, чем мы думали. При этом мусульмане готовы отдать левым добрую половину министерств — в том числе ключевых, например, министерство финансов и МВД. <...> Настоящая загвоздка и камень преткновения — это министерство образования. Эта сфера традиционно является приоритетной для социалистов, ведь одни лишь преподаватели всегда хранили им верность и поддерживали их даже на краю пропасти; только вот теперь у их противников ставки еще выше, чем у них самих, и на уступки они не пойдут ни при каких обстоятельствах. Мусульманское братство — партия особая, это вам известно: они достаточно равнодушны к привычным для нас политическим целям и задачам. А главное, они не отводят центральное место экономике. Первостепенное значение для них имеют демография и образование. Победа останется за группой населения с более высоким уровнем рождаемости, которой удастся обеспечить преемственность своих ценностей, вот и вся наука, считают они, а экономика и даже геополитика — это дешевые понты: кто получит контроль над детьми, получит контроль над будущим, и точка».

* «Братья-мусульмане» — *Прим. ред.*

Это, впрочем, еще только начало. Исламская революция в Иране тоже начиналась с трогательного единения левых с исламистами. Продлилось оно, правда, недолго и закончилось довольно печально.

Мусульманское братство полагает, что каждый французский ребенок должен иметь возможность получить исламское образование на всех этапах школьного обучения. А исламское образование очень отличается от светского, со всех точек зрения. Во-первых, оно ни в коем случае не допускает совместного обучения, а женщинам дозволяется получать только определенные специальности. Кроме того, все без исключения преподаватели должны быть мусульманами. Необходимо также соблюдать особый режим питания в школьных столовых и выделить время на пять ежедневных молитв, но, главное, школьная программа будет составляться в соответствии с учением Корана.

— И вы думаете, они до чего-то договорятся?

— У них нет выбора. Если они не придут к соглашению, Национальный фронт наверняка победит на выборах... Нет, единственное, что остается, — продолжал он, — это ввести две параллельные системы обучения.

Государственная школа останется такой, как она есть, общедоступной, но денег будет меньше, бюджет министерства образования сократится минимум втрое, и на сей раз учителя ничего не смогут поделать: в нынешней экономической ситуации любые бюджетные сокращения, несомненно, получают широкую поддержку. Вместе с тем будет внедрена целая система частных мусульманских школ, выдающих полноценные аттестаты, — и вот этим школам как раз и достанутся частные пожертвования. Понятное дело, в скором времени государственные школы захиреют, и все родители, хоть сколько-нибудь озабоченные будущим своих детей, запишут их в мусульманские учебные заведения.

В Иране все решалось в лоб и сразу (как писалось в «Персеполисе» Сатрапи: «Нам раздали платки и разлучили с товарищами»). Иранские левые получили примерно месячную фору на то, чтобы порассуждать о традициях, к которым тяготеет народная толща, и с которыми надо мириться, после чего... да, вы уже догадались, оставшиеся в живых завидовали мертвым черной завистью.

Здесь тактика выбрана иная — не кавалерийский наскок, а измор. «Не нравится лечиться в бесплатной больнице — лечитесь в платной». Свобода

выбора, пусть и мнимая, — и уже нечего возразить. Пара-тройка лет, и конкурентов у мусульманского образования не останется.

Меж тем, момент с образованием показателен. Статья в Википедии, посвященная Ирану, в том числе говорит:

«Одним из несомненных достижений Исламской революции стало резкое развитие здравоохранения и образования. Новое правительство вкладывало в науку огромные средства, чтобы по возможности максимально заменить западных специалистов собственными и ликвидировать ужасающую безграмотность. В то же время, одной из важнейших проблем иранской экономики остается высокий уровень безработицы».

Прелестное сочетание — резкое развитие образования и высокий уровень безработицы, не правда ли?

Но что же социалисты? Как же их преданность идеалам прогресса и революционного преобразования общества (смех в зале)?

Закованные в кандалы идейного антирасизма, левые лишены возможности не только бороться с мусульманским кандидатом, но даже критиковать его.

Да, именно так. Идейного антирасизма, прикрывающего старый как мир принцип *divide et impera* (разделяй и властвуй — лат.). На массы арабов-африканцев наводится прицел ультраправой пропаганды, а массы выходцев из бывших колоний Старого Света отдаются в полное и безраздельное владение религиозных фундаменталистов. В обеспечении неприкосновенности последних как раз помогает современная «левая» пропаганда, уравнивающая нелюбовь к религиозным фанатикам и расизм. Тем самым любой выходец с Ближнего Востока или Северной Африки, волею судьбы попавший в Европу, о котором на словах так заботятся евролевые, объявляется мусульманином, и потому попытка воспрепятствовать его превращению в легкую добычу для вербовщиков в террористические группы всех мастей автоматически считается нарушением его прав и свобод (меж тем, подобная идентификация национальности и религиозной принадлежности является сама по себе расистской).

Правые и левые политики, столь непримиримые на словах, оказываются верными лакеями транснациональных корпораций, уже давно готовящих почву для... но не будем торопить события.

Кстати о правых. С ними все оказывается гораздо интересней...

В ультраправых кругах распространено мнение, что, если мусульманы придут к власти, христиане непременно получают унижительный статус зимми, граждан второго сорта. Понятие “зимми” действительно является одним из общих принципов ислама, но на практике статус зимми довольно гибок. Земля ислама характеризуется невероятной протяженностью; практика ислама в Саудовской Аравии не имеет ничего общего с тем, что мы наблюдаем в Индонезии или Марокко. Что касается Франции, то я совершенно уверен — и готов держать пари, — что христианский культ не только не подвергнется гонениям, но, напротив, субсидии на католические организации и содержание культовых сооружений возрастут — они могут себе это позволить, ведь средства, поступающие мечетям от нефтяных держав, будут все равно гораздо выше. <...> Католики для них просто верующие, а католичество — одна из трех мировых религий; их всего-то надо уговорить сделать следующий шаг и принять ислам: вот исконное, истинно мусульманское видение христианства.

Каков пассаж? Не злейшие враги, не последний оплот европейской цивилизации, подлежащий уничтожению (достаточно вспомнить «Мечеть Парижской Богородицы»), а всего лишь референтная группа, среди которой можно умелой агитацией вербовать себе сторонников. Но кто же их истинный враг?

А главное, заклятым врагом мусульман, внушающим им страх и лютую ненависть, является вовсе не католичество, а секуляризм, антиклерикализм, атеистический материализм.

Восхождение «Талибана» и «Аль-Каиды» началось именно во времена войны со страной победившего атеистического материализма — СССР. Исламская «революция» в Иране свергла режим шаха Пехлеви, чей курс был направлен на индустриализацию и секуляризацию страны.

Желающие могут продолжить список...

Пройдет еще немного времени, и состоится судьбоносная встреча главного героя с ректором обновленной, теперь уже мусульманской Сорбонны, предлагающим ему работу. Аргументов, которыми тот склоняет Франсуа на свою сторону, множество; вот лишь один из них:

«Какая трагедия, пламенно восклицал автор, что безотчетная враждебность к исламу мешает им признать очевидное: по всем ключевым вопросам они (т.е. традиционалисты) всегда были согласны с мусульманами. Будь то неприятие атеизма и гуманизма, необходимость женской покорности или возврат к патриархату — их борьбу со всех точек зрения можно назвать общей».

Собственность, Семья, Религия, Порядок. Тетрада, поднимаемая на щит реакционерами всех мастей еще во времена Маркса. И неважно, какой будет религия — капитализм с богом и славянской вязью от капитализма с богом и арабской вязью лишь вязь отличать и будет. В остальном все останется тем же — эксплуатация, гнет, война...

Книга заканчивается принятием главным героем ислама, поступлением на работу в обновленную Сорбонну «обновленного, вольного Арканара». Узнать, чем же закончится переустройство Пятой республики исламистами, мы не имеем возможности, но зато имеем полное право попытаться спрогнозировать.

Вот новоявленный французский президент подпускает в свою речь следующий пассаж:

«В данном случае, как вдруг понял Бен Аббес, новой функцией, возложенной на слишком широкий круг лиц и организаций и в силу этого «нарушившей установленный порядок», оказалась общественная солидарность. Что может быть прекраснее, растроганно произнес он в своей последней речи, чем солидарность, когда она проявляется в задушевной обстановке семейного круга! Эта «задушевная обстановка семейного круга» тогда еще была только программой; а если конкретно, то новый проект бюджета предусматривал в течение трех лет сократить на 85 % расходы на социальную сферу».

Окончательный демонтаж европейских welfare state, доставшихся в наследство от времен противостояния со Вторым миром, — вот, собственно, и цель транснациональных корпораций, крупного капитала, то, ради чего все затевается и затевалось.

В книге все это претворяется в жизнь при демонстративном отсутствии интереса к экономике и трескучих фразах о том, что «кто получит контроль над детьми, получит контроль над будущим». Несомненно — если будущее этих детей — участь рабочего скота (ибо разгром профсоюзов не заставит

себя долго ждать) и пушечного мяса (всем сомневающимся советую вспомнить историю уже много раз упомянутого Ирана).

Возможен ли иной сценарий? Разумеется. Если массы выходцев из бывших колоний не удастся использовать как таран (т.е. создать партию, пользующуюся их поддержкой, которая придет к власти и доведет ультралиберальные реформы до их логического завершения), — их используют как мишень. И тогда уже пришедшие к власти традиционные правые, вроде того же Национального фронта, под флагом борьбы с засильем инородцев добьются «социалку» окончательно.

В реальном 2017 году, в отличие от вымышленного 2024-го, почти сбылся второй сценарий — Национальный фронт имел все шансы победить на выборах. В том же 2017 году был опубликован отчет, согласно которому Франция заняла пятое место по числу наемников, отправляемых в ряды ИГИЛ, — вербовка пушечного мяса, прикрытая идейным антирасизмом, идет семимильными шагами.

Имеет ли значение, кто победит в этом противостоянии Чужого и Хищника?

Для простого люда, для пролетарских и трудящихся масс, для тысяч беженцев и иммигрантов, — ни малейшего.

Ибо «Кто бы ни победил — человечество проиграет».

Переводы

Александр Рубер

"Ленин жив!"*

Книга с таким названием и подзаголовком «переосмысливая Русскую революцию 1917—2017» попала мне в руки незадолго до столетнего юбилея. Автор — Филип Канлифф, британец, преподаватель политических наук и международных отношений в университете Кента, читающий лекции и по марксизму. Аннотация заинтриговала — в ней говорилось, что передо мной «рассказ о том, как история могла бы пойти по-иному, если бы Ленин прожил достаточно, чтобы увидеть глобальное распространение Русской революции на Западную Европу и США». Книга — не НФ и вообще не художественное произведение, а, скорее, размышления автора на тему альтернативной истории, начиная от описания событий начала XX века и до мира, который возник к столетию революции.

«Через сто лет после Русской революции, которая должна была смести капитализм, глобальный капитализм остается нетронутым и господствующим безраздельно. СССР, государство, основанное в результате Русской революции, оказалось на свалке истории. Поражение Русской революции поставило крест на надеждах на революционную социальную трансформацию путем захвата государственной власти. Оно поставило крест на мечтах о радикально лучшем мире, в котором ликвидировано социальное расслоение и уничтожен любой гнет. Ее поражение показало тщетность попыток человечества преобразить общество и сознательно определять свою судьбу.

Но, как ни странно, баснословный триумф капитализма оставил нам немного причин для выражения признательности его плодам и достижениям».

Так начинается первая глава книги, и далее следуют примеры проблем и разочарований, которые, даже без упоминания бедности и эксплуатации, выражают одно: страх перед будущим. А завершается перечисление следующим предположением:

«Учитывая все это, простительно полюбопытствовать, не было ли вместе с поражением Русской революции разрушено что-то еще».

* перевод фрагментов с комментариями

Следующий раздел первой главы называется «Ностальгия по прошлым будущим» и действительно начинается с ностальгии, которая, думаю, хорошо знакома многим читателям:

«Мы также знаем, что давным-давно предполагалось, что будущее будет лучше. В самый разгар Холодной войны люди ждали сияющей эры мирного международного сотрудничества, бесконечной чистой энергии, населенных лунных баз, массового космического туризма, колонизации Солнечной системы, летающих автомобилей и роботов в качестве домашней прислуги — и, конечно, ракетных ранцев и хOVERбордов».

Да, будущее должно было быть совсем другим — не пугающим, а светлым и притягательным. Автор предлагает подумать не только над тем, что случилось, но и над тем, что могло случиться — а сначала провести один небольшой мысленный эксперимент.

«Представьте, что естественные науки пострадали от воздействия катастрофы. Например, взаимосвязанная серия стихийных бедствий, усиленных техногенными ошибками при попытках среагировать на них, разрушает веру людей в науку. Когда наука обвиняется в кризисе, ученые — в неудачах реагирования, многих ученых преследуют, убивают, бросают в тюрьмы и отправляют в изгнание, тогда как их коллеги, друзья и семьи попадают под подозрение и становятся целью репрессий. Научные организации и институты лишаются финансирования, научные союзы распадаются и распускаются. Лаборатории забрасывают бутылками с зажигательной смесью и закрывают, астрономические обсерватории забыты на вершинах гор. Научные установки останавливаются, остаются без людей и в конце концов разбираются на запчасти. Научные институты будут превращены в мечети, «зеленые» домики и даже церкви. Лаборатории преобразуют в популярные музеи, где посетителей приглашают поглазеть на разрушенные инструменты холодной, жесткой рациональности и человеческой гордыни. Научные тексты подвергают цензуре и запрещают в университетах, научные теории вытесняют и запрещают преподавать, школьных учителей научных предметов увольняют. Ломаясь под давлением или просто будучи сметенными грандиозными событиями, многие отдельные ученые отказываются от науки как от современной ереси и становятся одними из жесточайших критиков и преследователей бывших коллег и научного метода мышления».

Описание эксперимента продолжается дальше, но, думаю, многим читателям уже ясно, о чем на самом деле идет речь:

«Место, занимаемое “наукой” в нашем ранее рассмотренном гипотетическом мире в реальном мире занимает — или, скорее, занимал — “научный социализм”. Это название было выбрано немецкими революционерами Кар-

лом Марксом и Фридрихом Энгельсом для описания их идей. Научный социализм был единственной последовательной доктриной социальных изменений, имеющих поддержку масс и пытающихся превзойти капитализм, в то же время пользуясь его достижениями. Научный социализм был и остается единственной посткапиталистической доктриной, основанной на светской современности, на расширении и углублении применения науки, на ускорении технологических изменений, на резком увеличении темпов экономического роста и расширения. Он был и остается единственной доктриной, сочетающей идеал подчинения природы воле человека и подчинения хода истории человеческому контролю путем ликвидации экономической эксплуатации, социальной иерархии и расширения областей человеческого самоуправления путем политической вовлеченности масс».

Все верно. Рассуждая о последствиях поражения левой идеи и огромных усилиях, предпринятых правящими классами для ее подавления, автор пишет:

«...подавление коммунизма означало необходимость приостановки самого развития человечества».

Рассуждения о том, какой могла бы и какой не могла быть альтернативная история, завершают первую главу. Как пишет автор, подавляющее большинство альтернативно-исторических произведений (речь, очевидно, идет об англоязычной фантастике) рассматривает три сценария: победу нацистов во Второй мировой войне, победу конфедератов в Гражданской войне в США и историю без Первой мировой войны. Автор правильно замечает, что все три случая выражают правые взгляды и что первые два невозможны хотя бы по причине серьезнейшего промышленного превосходства союзников в первом случае и Севера — во втором. К третьему мы еще вернемся, а пока — альтернативный мир.

«В Ленинграде 2017 года стоит не по сезону теплый ноябрь, хотя и в пределах планируемых диапазонов температур. Среди атмосферных инженеров и планировщиков климата идет дискуссия о том, стоит ли слегка изменить настройки облачных систем, за которые они ответственны, чтобы отразить больше солнечного света от Северного полушария, или ускорить постройку космических зеркал в точке Лагранжа, предназначенных для долгосрочного управления климатом. Без подобного геоинжиниринга планета была бы еще теплее. Таков результат 90 лет непрерывного, быстрого экономического роста и индустриализации Азии и Африки. Именно это глобальное развитие предоставляет требуемые уровни богатства, технологических достижений и инженерии, необходимые для продумывания и реализации таких важных и амбициозных мероприятий, как управление климатом. Точ-

но так же высокий уровень глобального богатства и более широко и щедро распределяемые плоды промышленного изобилия способствовали постепенному исчезновению жестких государственных структур, конкурирующих центров силы и международных иерархий, которые в противном случае сделали бы коллективные действия, необходимые для управления климатом в планетарном масштабе, гораздо более тяжелыми и сложными.

В самом Ленинграде торжественно открыт новый скромный памятник лидеру Русской революции Владимиру Ильичу Ленину, рядом с необычным баром, открытым на той же площади и могущим похвастаться писсуарами из чистого золота, выполняя одно из менее известных предсказаний Ленина. По всей Евразии есть небольшое число таких скульптур, безоговорочно придерживающихся замечания Ленина о том, что статуи лучше подходят для голубинового помета, чем для людей. В другом месте только что построенный космический корабль называют «Кремлевский мечтатель», в честь Ленина. Предназначенный для снабжения колонистов на Красной планете, аппарат назван по заглавию интервью, данного Лениным великому британскому автору научной фантастики Г. Д. Уэллсу почти столетие назад, где Ленин поразил Уэллса, объявив о намерении создать национальную электросеть в России еще до того, как такой сетью обзавелась Британия. Динамизм и оптимизм революции дали достаточно вдохновения, чтобы благословить экспансию человечества по всей Солнечной системе. Девиз ирландского революционера Джеймса Конноли украшает стареющую орбитальную сельскохозяйственную лабораторию «Звезды и плуг», тогда как корабль «Штурмья небеса», который несет исследователей к лунам Юпитера — царя богов в пантеоне древних, — вдохновлен лозунгами немецкого коммуниста Карла Либкнехта».

По словам автора, «...это мир, в котором люди больше привыкли смотреть вперед, а не назад», в нем не любят пышные празднования юбилеев важных событий прошлого, а посвящают время дискуссиям о том, стоит ли исследовать другие звездные системы или пока стоит сосредоточиться на Солнечной системе и достижении цивилизацией типа II по шкале Кардышева.

«Но при всей энергичности, страстности и горячей фракционности, это не политическая борьба в целях захвата власти и поражения оппозиции, потому что нет ни государства, которым можно управлять, ни институтов, которые можно захватить, ни командных высот экономики, которые стоит завоевывать, ни материального интереса, представленного в дебатах сторон. Ресурсы планеты столь обильны, что выбор любого из вариантов не потребует уступок в уровне жизни. Вместо этого мы видим редкое явление —

подлинное разногласие. Общество стало чистой технократией, где нет правительства, относящегося к людям, как к вещам».

За критическую развилку истории, точку бифуркации автор принимает революции в Европе на исходе Первой мировой войны. Но была ли она неизбежна?

«Франц Фердинанд должен умереть» — так называется один раздел второй главы. Ностальгия по Belle Époque появилась — в определенных кругах — сразу после окончания войны. Приведенные автором цитаты из британского историка А. Дж. П. Тейлора и известнейшего экономиста Дж. М. Кейнса, в которых те с тоской вспоминают о временах минимального вмешательства государства и маленьких налогов, о возможности путешествий куда угодно без разрешений и виз, о свободе предпринимательства, вызвали у меня состояние явного дежавю. Да, это тот самый блаженный XIX век, о продвинутом переиздании которого мечтают основатели «трансутопии» под названием Меганезия из романов Розова. Но:

«Мир без Первой мировой войны — мир с большим числом монархов, мир с формальными империями и колониями, а не просто государствами-клиентами. <...>

Это мир, в котором заплесневелая старая имперская Европа никогда не уступила бы политической, экономической и культурной дороги Новому Свету. Это был бы мир с гораздо меньшим числом (и намного худшей оплатой) работающих женщин, мир с рутинной воинской повинностью, более жестокими, обстоятельными и жесткими расовой иерархией и делением по цвету кожи, сексуальной несвободой и неизменной тяжелой работой по дому для женщин. Антисемитизм не остался бы уделом политических экстремистов, но был бы глубоким, всепроникающим и чрезвычайно неприметным. Избирательные права были бы жестко ограничены не только полом, но и градациями владения собственностью. Это был бы мир более медленного экономического роста, низких зарплат и дешевой рабочей силы...»

Здесь я испытал второе дежа вю — ведь это практически мир «Победителей» Чудиновой, пусть и с немного другой развилкой, хотя победа Российской империи в Первой мировой войне и сохранение (а кое-где и реставрация) монархий в Европе ничуть не менее неправдоподобны, чем отсутствие войны. Несмотря на сильнейшие внешние различия Меганезии и альтернативной Российской империи, глубоко внутри эти миры схожи — оба они очень реакционны. И, разумеется, империалистическая война за передел мира была неизбежна.

В третьей главе «Лучший мир из возможных: глобальный социализм» автор рассказывает, как развивались события альтернативной истории в XX веке.

«Идет 1924 год. Великая война наконец-то выдохлась, оставив после себя неровную цепочку перемирий и патовых ситуаций по всей разделенной Европе. Война, начавшаяся как локальный конфликт на Балканах, закончилась провалом попытки британского и французского империализма подавить революцию в центральной Европе и России. Истощенные тщетными усилиями и мятежами и забастовками у себя дома, британский и французский правящие классы отчаянно урезают расходы. После того, как их имперские условия Версальского мирного договора были отвергнуты восставшим рабочим классом в Германии, они связали себя в непрочную новую организацию под названием «Лига наций». Сокрушенный промышленным конфликтом континентального масштаба, перед которым меркнет даже европейский, Вудро Вильсон помчался через Атлантику, надеясь, что кампания запугивания «Красной угрозой», направленная против иммигрантов и организаторов профсоюзов, поможет ему победить в президентских выборах 1920 года. Лига надеется, что Германская демократическая республика (ГДР) — марионеточное государство, созданное ими в западной части Германии, — послужит буфером против революционной заразы, расползающейся из Красной Европы. Чиновники из Уайтхолла надеются, что затишье европейской революции даст им возможность наконец-то извести партизан Ирландской гражданской армии, поскольку ИГА продолжает вести войну против спонсируемого Британией ирландского режима. Британская пресса тем временем поглощена паническими слухами о подводных лодках «красных», перевозящих оружие мятежным докерам Глазго, в то время как напуганные жители деревень принимают нависающие над берегом штормовые тучи за дирижабли «красных», высаживающие комиссаров в Кенте и Восточной Англии.

За границей ГДР, по другую сторону Рейна, красные флаги развеваются на востоке повсюду, вплоть до тихоокеанского берега. Здесь русские и монгольские революционеры все еще сражаются, изгоняя японские имперские армии, желающие завоевать богатую ресурсами Сибирь для японского императора Ёсихито. Deutsche Sozialistische Räterepubliken, Немецкие социалистические советские республики Германии и Австрии и Советские республики Венгрии, России, Украины, Польши, Транскавказ и Туркестана обсуждают политическое слияние в новый социалистический федеративный союз. Обсуждается возможность того, что большой промышленный и космополитичный порт Данциг на Северном море станет западной столицей но-

вой европейской федерации. Теперь, когда существует всеобщее избирательное право, фабрики управляются рабочими, а землей завладели крестьяне, революционеры в Европе и Азии спокойны и уверены, что следующая фаза конфликта принесет им окончательную победу, как поется в их гимне: «Это есть наш последний и решительный бой; с Интернационалом воспрянет род людской. Как же мы здесь оказались и что будет потом?»

Несмотря на более длительную Первую мировую войну, в конечном итоге насилия в альтернативном мире оказывается меньше. Главное — революция в Европе предотвращает развитие фашизма и, как пишет автор, «в этом мире «первая мировая война» навсегда остается просто Великой войной».

«Успешная революция в Германии меняет баланс многих действующих исторических факторов. Власть рабочих в ядре промышленной Европы быстро сделает удаленную и аграрную Россию вторичным театром, смещая центр событий в центральную Европу и избавляя Россию от худших последствий кровавой Гражданской войны. В свою очередь это позволит русским оказать военную помощь только что оперившейся Советской республике в Венгрии, избавляя Венгрию от контрреволюционного белого террора и фашистского правления, которое продлилось в нашей хронологии до середины столетия, чтобы смениться сталинистским режимом до конца Холодной войны. При свершившихся революциях в Германии, Венгрии и России трудно представить, чтобы Польша ограничилась простым восстановлением независимости. Борьба за независимость Польши против царя и кайзера взрастила целое поколение выдающихся левых радикалов, которые помогли бы социалистической революции увлечь и Польшу. Это стерло бы со страниц истории Русско-польскую войну [очевидно, имеется в виду Советско-польская война], как и жестко антисемитский «режим полковников» межвоенной Республики Польша».

«...предполагая, что Роза Люксембург и Карл Либкнехт сумели избежать социал-демократических убийц, они получают достаточно времени для основательной подготовки восстания против социал-демократов. Всегда будучи рабочим городом, городом радикалов, Берлин становится красным. Злополучная Веймарская республика, синоним политической хрупкости и волнений и в этой, и в нашей хронологии, приходит к счастливому концу, сменяемая не фашистской диктатурой, но властью рабочих. Веймар просуществовал даже меньше недолговечного Временного правительства Керенского. Самым очевидным ответом западных держав на революцию в Германии было бы продолжение войны с полномасштабным вторжением в Германию. <...> Но англо-французским империалистам было бы сложно продолжать

вторжение. Даже либеральная казуистика президента США Вудро Вильсона в конце концов провалилась бы, пытаясь обосновать вторжение в новую республиканскую Германию в терминах войны против монархического абсолютизма. Даже Вильсон не смог бы превратить войну против немецкой оккупации в войну за оккупацию Германии, войну против имперской Германии — в войну против самопровозглашенного государства рабочих, стремящегося к миру без аннексий и контрибуций».

«Весной 1925 года растущая кампания пассивного неповиновения французскому захвату рейнского угля сливается с массовой стачкой, выводящей из строя Рейнскую промышленность и парализующую ГДР в целом. Германский Союз Социалистических Советских республик решает, что пришло время вновь объединить Германию железом и кровью, теперь под руководством рабочего класса, а не Бисмарка. Так и не приняв условия Версальского договора по демилитаризации, могучая Красная армия быстро расправляется с деморализованными силами ГДР, когда их быстрые танки окружают скопления злополучных войск ГДР и французские базы. Пока рейнские рабочие приветствуют солдат «красных», французские полки, расквартированные в Рейнской области, быстро подавляются, а их фанатичные полувоенные союзники обращаются в бегство. Обветшалое правительство ГДР бежит из Бонна в Бельгию и Париж, захватив с собой возы бесполезных дойчмарок. Объявляя об интернационалистской форме нового пролетарского государства и его близких отношениях с другими советскими республиками, на границу с Эльзасом прибывает бронепоезд Троцкого, повсеместно приветствуемый. Недолго просуществовавшую ГДР будут вспоминать как жестокое, милитаристское марионеточное государство, управлявшееся ультра-националистическими военачальниками, спекулянтами и контрабандистами черного рынка.

У Итальянской социальной республики дела идут немногим лучше. Вынырнув из коллапса Королевства Италия во время *Biennio Rosso* в 1919 году, бывший социалист Муссолини делает то, о чем Керенский мог лишь мечтать, — назначает себя генералиссимусом милитаризованной республиканской диктатуры после бегства короля Виктора Иммануила III в Стамбул. Начавшись на громадных металлургических заводах Турина и фабриках Фиата в 1919 году, колоссальная волна послевоенных захватов фабрик и забастовок по всему промышленному северу Италии быстро распространяется среди крестьян, живущих посреди итальянского северо-западного промышленного треугольника. Вслед за атакой чернорубашечников на офисы главной газеты социалистов Италии «*Avanti*» долина По скатывается в гражданскую войну с ополченцами из рабочего класса, анархистами и коммуниста-

ми, сражающимися вместе в неловком союзе против правых итальянских ветеранов, католических ополченцев, чернорубашечников и *squadristi*. <...> Напуганное коллапсом ГДР, в то время как крестьяне захватывают усадьбы при поддержке летучих отрядов красных *Garibaldini*, фашистское микросо-сударство южной Италии рушится, когда силы «красных» наступают через реку Вольтарно. <...> В этой хронологии обратившийся в бегство Муссолини также захвачен и казнен красными партизанами... <...> Со своевременной смертью Муссолини глобальный фашизм оказывается мертворожденным».

«Крушение ГДР и Социальной республики совпадает по времени с путчем болгарских военных. Вслед за победой на выборах в 1920 году популистской аграрной партии Александра Стамболийского в союзе с болгарскими коммунистами повторяющие неудачные попытки буржуазных партий завоевать голоса избирателей заставляют их обратиться к националистической военщине. <...> ...хорошо организованные коммунисты вмешиваются на стороне популярных, но испытывающих политические затруднения аграриев Стамболийского. Лучше организованные и дисциплинированные и хорошо вооруженные сочувствующими из военных, коммунисты сокрушают попытку переворота. Реакционные генералы погибают в борьбе или арестованы, царь Болгарии свергнут и провозглашена республика.

Оружие и советы текут в Софию рекой из Красной Европы, позволяя новой республике собраться, отвергнув послевоенную систему договоров и Лигу Наций. Великий болгарский революционер Христиан Раковский приезжает в новую республику из России. <...> После присоединения Болгарской революции к Немецкой, Венгерской, Австрийской и Русской разрушение системы версальского договора завершается».

Автор упоминает одну из идей Ленина, вокруг которой и сейчас не утихают споры:

«Европейская революция означала бы более немецкую революцию, а немецкая революция — более немецкую Европу. В свою очередь, это означало бы меньшую поддержку самоопределения наций, так как триумф немецкого марксизма неизбежно дает поддержку австромарксистской политике культурной автономии внутри высших политических структур, лишенной права нации на отделение. По иронии эти взгляды часто разделяли коммунисты из меньшинств и небольших наций. Люксембург, критиковавшая Ленина, настаивавшего на самоопределении, была полькой, тогда как Ленин, будучи русским, неуклонно поддерживал борьбу за самоопределение. <...> В этой хронологии Ленин проживет на несколько лет дольше в 20-х, поскольку его здоровье будет не так подорвано напряженной защитой изоли-

рованной Русской революции. Но в этой хронологии его последние годы также будут посвящены напряженной борьбе — не против сталинизма, а за глобальное право наций на самоопределение. <...> В этой хронологии неспособность прислушаться к совету Ленина тоже имеет политическую цену, когда революционные правительства договариваются с восставшими молодыми нациями, ищущими политической зрелости и независимости, хотя эта цена не будет столь большой, как заплаченная в нашем мире за игнорирование ленинских предписаний».

Революция в Америке описывается автором подробно, на протяжении многих страниц раздела «Кузница человечества», поэтому придется ограничиться переводом лишь некоторых выдержек.

«Находившийся в изгнании в Нью-Йорке во время Февральской революции в России Троцкий заметил, что тогда он осознал, что США были кузницей, в которой будет выкована судьба человечества. Связи США с марксизмом идут намного дальше — сам Маркс был сотрудником одной из ведущих республиканских газет, New-York Daily Tribune. Маркс также переписывался с Авраамом Линкольном, выражая поддержку британских рабочих Союзу, сражавшемуся с восставшими рабовладельцами во время великой американской войны за национальное объединение. <...> Но классово сознательный, расово эгалитарный посыл промышленного профсоюзного движения «уоббли» и Социалистической партии начинает получать все большую формальную и неформальную поддержку. <...> В феврале 1919, вскоре после того, как губернаторы Иллинойса, Колорадо и Калифорнии объявляют военное положение и национальная гвардия призвана вернуть поезда на пути, Сиэтл начинает забастовку. Через три дня центральный стачечный комитет управляет всей городской экономикой. Полиция Сиэтла, лишившись поддержки национальной гвардии, переправленной в Калифорнию, уступает контроль ополчению забастовщиков. Вторая поправка реализует свое назначение, когда вооруженные органы государства поддаются вооруженным силам гражданского общества; вооруженный пролетариат делает само государство избыточным. В знак уважения революционных традиций они зовут себя Красными Минитменами, как ополченцы первой Войны за независимость США в 1775-1783 годах.

В это же время на юге классовая напряженность продолжает с трудом сдерживаться. Шахтеры в Канзасе, Западной Вирджинии и Теннесси то начинают, то перестают бастовать. Черные сельскохозяйственные рабочие устраивают серию протестов за гражданские права и более высокие зарплаты, но они жестоко подавляются. Вудро Вильсон, измученный и все еще отвлекаемый отчаянными мольбами буржуазии Лондона и Парижа, отдает

внутриполитические репрессии военным, отзывая войска из России. <...> Несмотря на все это, выборы 1920 года проходят удивительно мирно, под знаком огромного увеличения численности Социалистической партии. Дебс, все еще находясь в тюрьме за протест против вовлечения США в Великую войну, тем не менее умудряется набрать 3 миллиона голосов — почти 10% электората. Пятнадцать социалистов избраны в Конгресс... <...> Пять губернаторов объявляют военное положение и снова посылают за национальной гвардией, сталкиваясь с хорошо организованным пролетарским ополчением в форме спонтанно возникших «Легионов свободы». Жестокие сражения бушуют по всем Аппалачам и Скалистым горам, сопровождаясь налетами, резней, бомбардировками и казнями. <...> Ограниченные горами, эти ранние сражения Второй гражданской войны в США не приводят к определенным результатам до тех пор, пока, шесть месяцев спустя, не выступают сталевары от Чикаго до Питсбурга, за которыми следуют железнодорожники, водители трамваев, рабочие текстильных фабрик и не разделенные более по расам мясозаготовщики.

<...> Хотя реднеки теперь правят по всем Аппалачам и Скалистым горам, профсоюзы железнодорожников и сталелитейщиков заключают перемирие после завоевания серьезных уступок от боссов, временно оставляя черных рабочих-южан в тяжелом положении. Некоторые анархистски настроенные реднеки Скалистых гор начинают шептать об отделении от Соединенных штатов капиталистов и создании своих собственных независимых республик трудящихся в горах, отколовшихся от декадентского Восточного побережья банкиров и боссов. Но эти миражи отдельных республик трудящихся сметаются более серьезными событиями. Власти ободрены затуханием волны забастовок, и их желание быстро восстановить иерархию и классовое господство ведет к быстрым и жестоким расправам по всей стране.

<...> Демонстрируя предпринимательский талант и индивидуальную инициативу, которыми справедливо славятся рабочие США, американский рабочий класс начинает спонтанно создавать городские советы трудящихся для захвата и управления крупнейшими городами, такими как Сент-Луис, Буффало, Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Атланта. Политическая власть начинает расщепляться на две противостоящие стороны — власть государства и власть рабочих. <...> Волна начинает подниматься в 1924 году. Социалистическая партия получает пятьдесят мест в Конгрессе и губернаторство в Калифорнии. Юджин Дебс, амнистированный в 1923 году в качестве подачки бастующим рабочим, утраивает число голосов до 15 миллионов. Это будет последний раз, когда он баллотируется в президенты, и последние пре-

зидентские выборы в истории США режима 1787 года. В следующий раз, когда Дебс станет национальным политическим лидером, это произойдет на конституционном собрании, которое станет началом второй республики. Этот новый, социалистический союз будет расти, поглощая оба американских континента».

«В Европе крах ГДР в 1925 году провоцирует политический кризис во Франции. Французскую экономику поддерживало разграбление угля из Рура, и с падением ГДР на парижской бирже происходит крах. Прогнившее французское правительство истерически угрожает залить отравляющим газом и разбомбить «красных бошей» и аннексировать Валлонию, когда рахитичное королевство Бельгия разваливается, следуя в орбите Германской революции. Французская буржуазия вновь обращается к больному Жоржу Клемансо, умоляя его вернуться к власти в час нужды, чтобы поддержать слабеющее правительство Жоржа Пуанкаре. Болезненный, блефующий «тигр Клемансо» придет, чтобы символизировать одряхление буржуазного правления во Франции. Хорошо зная, что социализм не может быть принесен на штыках и что националистический ответ вторжению «красных» лишь укрепит французскую буржуазию, Красная армия и Коммунистический Интернационал ясно дают понять, что они не собираются выходить за пределы ГДР. Они также ясно заявляют, что Эльзас останется французским.

Но даже более милитаризованная Лига не может сдерживать красных вечно. В этом мире коммунизм против капитализма — вопрос не геополитики и дипломатии балансирования на грани войны, а внутренней социальной и политической борьбы.

<...> В этом мире более урбанизированная Франция, в которой доминируют коммуны рабочего класса, вновь станет свидетелем того, что окончательное слово в войне скажут города, а вместе с ними придет и правление трудящихся, хотя сельской Франции потребуются больше времени для перехода к социализму, чем индустриализированной Англии».

Революции в родной Британии автор тоже посвящает немало слов.

«Происходит неизбежная эскалация всеобщей стачки 1926 года... По мере того, как стачка набирает силу, в промышленных районах начинают возникать и быстро распространяться советы. Коммунистическая партия, уже увеличившаяся за счет престижа континентальных революций и противодействия войне в Ирландии, набирает силу.

<...> Попытки использовать войска имеют обратный эффект, поскольку начинается братание между уставшими от войны пехотинцами из рабочего класса и забастовщиками и участниками «голодных маршей». Многие рабочие уже имеют опыт обращения с оружием и пехотную подготовку, пусть и

не непосредственный опыт боев, в результате Великой войны. Это помогает им организовывать отряды самообороны для защиты городских округов от мародерствующих ополченцев из среднего класса. Армия становится красной, и правительство все больше полагается на ополчения, аналогичные «черно-коричневым» <...> К концу 1926 года Британия находится в состоянии полномасштабной гражданской войны, идущей в долинах Уэльса и промышленного севера и запада, по мере того, как растет число отрядов самообороны. Британская революция следует по тому же пути, что и везде: распад существующих органов власти, возникновение двоевластия, силы безопасности, отказывающие устраивать резню соотечественников, тогда как правительство все более кажется находящимся в окружении и нелегитимным.

<...> Попытки Черчилля передислоцировать «черно-коричневых» в Британию терпят крах, в том числе и по причине стратегической глупости и военной некомпетентности Черчилля, которые он в изобилии продемонстрировал несколько лет назад в Галлиполи. Сильно урбанизированная и индустриализованная Британия оставляет капиталистам мало сторонников, поскольку в городах преобладают рабочие. Это, к счастью, делает вторую Гражданскую войну в Англии короче, чем первая.

<...> В этой истории экспроприация коммунистами обширных усадеб в Шотландии, восстановление общего владения с отменой законов об огораживании, расформирование англиканской церкви вместе с ликвидацией монархии, гарантии религиозных свобод раскольническим церквям, в основном с прихожанами из рабочих, и обещания культурного возрождения и политической автономии кельтским народам острова в сочетании достаточны для завоевания поддержки даже в самых отдаленных сельских районах.

В течение года все кончено...

<...> Ганноверский режим в Британии закончился и после перерыва в 266 лет Англия снова становится республикой.

Революция в имперской метрополии снимает необходимость революций по свержению правления империи в Третьем мире, виденных нами в двадцатом столетии».

Превращение Британской и Французской империй в социалистические содружества и федерации позволяет избежать кровопролитных войн за независимость и этнических конфликтов. Что же касается бывших первых лиц буржуазных государств, судьба их, в общем, незавидна. Некоторым, правда, в какой-то степени везет:

«После установления республики побежденный Черчилль бежит с некоторыми членами бросившейся врассыпную королевской семьи в Канаду.

Слишком неуживчивый, чтобы сплотить монархическое правительство в изгнании, Черчилль становится все более изолированным, так же как и в историческом мире в 30-х. Вечно преследуемый депрессией, ужасающийся возвышению индусов до того же статуса, что и белые британцы, в новом социалистическом содружестве, он падает духом и замыкается в частной жизни, коротая оставшееся время за созданием посредственных картин и, в нетрезвом виде, написанием альтернативной истории».

В Китае социалистическая революция побеждает в 1926 году:

«В нашем альтернативном мире успешная Европейская революция не только избегает разрушительного действия политической изоляции, но и подрывает значение европейской имперской силы во внутренней борьбе Китая за национальное освобождение. Поскольку революционные правительства в Европе отказываются от имперских концессий в Китае, китайские коммунисты все больше возвышаются в национальном движении. Вооруженные крылья профсоюзов быстро очищают Шанхай от криминальных отбросов, которые составляют опору Чан Кайши. Великий Северный поход оказывается успешнее самых смелых надежд, не только обращая в бегство полевых командиров, но оккупируя и поглощая все иностранные концессии, включая Макао и Гонконг.

<...> Великий Северный поход открывает Китайскую революцию, рабочие захватывают власть в городах, а правление землевладельцев и полевых командиров в обширных сельских внутренних районах приходит к концу. Последняя отчаянная попытка предотвратить рост влияния коммунистов группой генералов-заговорщиков в окружении Чан Кайши отражена. Пожалуй, даже более кровавый и некомпетентный, чем Черчилль, Чан Кайши, чье правление подошло к концу, бежит на далекий юг, чтобы познать горечь изгнания и умереть в одиночестве. Тайвань не отделяется от континента».

Возвращаемся к миру победившего социализма:

«Позитивные циклы экономического роста, социальных завоеваний, политического прогресса и культурной эмансипации начинают пересекаться и взаимодействовать друг с другом. Инфраструктурные проекты и инвестиции принимают больший размах, поскольку национальные государства более не охраняют ревностно свой суверенитет; революция освобождает женщин от церкви, детей и кухни, позволяя им увеличить число работающих и создавая ничем не преграждаемые волны людской энергии и энтузиазма. Сюда входит быстрое устранение частного и домашнего труда: субсидируемые детские сады, быстрое расширение школ, создание коллективных услуг по стирке, пошиву одежды и приготовлению пищи позволяет эмансипации

женщин продвинуться в этой хронологии дальше и быстрее без стимула мировой войны. Артефакты фрагментарного и приватизированного домашнего труда нашего мира — домашние стиральные машины, пылесосы и микроволновки — никогда не поступают в массовое производство за ненадобностью.

Беспрецедентный толчок, вызванный расширением роли женщин, отражается во всех сферах, увеличивая число работающих и экономический рост. Новые формы семьи начнут появляться в конце века. Поскольку семья более не служит убежищем от враждебного и жестокого социального мира, движимого эгоистичным расчетом, даже функции расширенной семьи растворяются в более широком обществе, вместе с новыми формами гражданских ассоциаций и частной жизни. Все, от партнерства с целью деторождения до эстетических, спортивных и других форм отношений, требующее социального признания или разрешения, процветает.

<...> Далее в этой хронологии мир извлечет пользу из быстрой и добровольной стандартизации в целях научного, технического, инженерного и экономического сотрудничества, которая станет продуктом взаимных соглашений, а не навязана победой в мировых войнах и имперской мощью: социализм подавляет капиталистическую автаркию. В этой хронологии социализм — слово, содержащее в себе слово «общество» (society), — сохраняет свое исходное значение: маленькое государство, в котором различные функции децентрализованы, рассеяны и переданы самому обществу, в то время как расстояние между государством и обществом сжимается путем учреждения широко распространенных выборов во все ветви правительства, усиления прав избирателей отзывать и снимать верхние уровни государственной бюрократии. Роспуск могучих имперских армий и флотов не только высвобождает ресурсы для более продуктивных вложений, но одним ударом сокращает государство.

<...> Сорок лет непрерывного роста, улучшения образования и политической интеграции означают, что к 1970-м годам сам социализм начинает постепенно исчезать. При таком потрясающем коллективном богатстве остатки капитализма утонули в красном изобилии, делая даже социалистическое государство — «ночной сторож» все более избыточным. Теперь становится ясно, что мир вступает в новую фазу развития, в которой постепенно исчезает само государство, а вместе с ним и его противоположный полюс — общество. С коммунизмом человечество покидает и государство, и общество. Капитализм, общество, окончательно переходящее границы, отступает в небытие.

<...> Далее в этой хронологии, без Холокоста и с мертворожденным фашизмом, привлекательность сионизма естественным образом меркнет, означая, что решительного побуждения к созданию государства Израиль не возникает. Nakba — «катастрофа» массовых этнических чисток палестинцев в 1948 году — не происходит, а Ближний восток избегает всей серии арабо-израильских войн. <...> Социалистические правительства сносят все формальные юридические ограничения и неформальные предрассудки против евреев по всей Европе...

<...> Синоним этнических и религиозных конфликтов сегодня, в этой хронологии Ближний восток будет не только более мирным, демократичным и процветающим, но более этнически и религиозно разнообразным, благодаря его энергетическим богатствам, более широко распределенным по региону. Он не будет знать баасистских диктатур, милитаризма и упадочного монархизма. В этой хронологии тихие дни Бейрута простираются далеко в будущее, поскольку он становится финансовой и культурной столицей новой Арабской республики, а также пристанью для изгнанников: контрреволюционеров, свергнутых монархов, фашистских мечтателей, алкоголиков-аристократов, белых офицеров и бывших сотрудников тайной полиции, бегущих от пролетарского правосудия».

В этой реальности не будет ни Саудовской Аравии, ни Аль-Каиды и афганских «борцов за свободу», ни прочих группировок радикальных исламистов, а в Персии не будет ни шаха, ни аятолл.

Альтернативные судьбы некоторых крупнейших политических лидеров были описаны ранее, а некоторые так и не стали во главе государств.

«Сталин был уже видным, пусть и не известным публично, большевиком во время русской революции, без независимого политического влияния. Без изоляции и интернализации революции он никогда не оказался бы на посту, возглавляющем бюрократическое окостенение раннего Советского государства.

<...> В этом мире он был бы поглощен задачами национального развития и модернизации советского Закавказья и Туркестана — работа, которая, несомненно, предоставила бы ему много возможностей для использования личной власти и бюрократических интриг, которые доставляли ему удовольствие. Но сколько бы власти он ни сумел заполучить, мощь западной революции сокрушила бы личные замыслы любого отдельного бюрократа, пусть злонамеренного и могущественного, в далеком восточном аванпосте большой федерации. Хотя втайне он и ревновал к более смелым и знаменитым фигурам, таким как Троцкий, Сталин должен был выражать почтение

успехам Троцкого как военного лидера и организатора революции; мрачный грузин оставался лояльным троцкистом вплоть до своей смерти в 50-х».

<...> «Гитлер был подхвачен суматохой революции и контрреволюции в Европе, но, поскольку фашизм в этой хронологии оказался мертворожденным, массовое движение, которое он мог бы взять в свои руки и возглавить, так и не возникает. Он дрейфует из политики обратно в богемный полусвет, откуда он появился, находя все больше времени для иных интересов, таких как опыты с шарлатанскими снадобьями и инъекции амфетамина.

<...> Де Голль, чье наследие авторитарного президентства и *foile de grandeur* ударных сил будет мешать Франции и в нашем столетии, не только не делает в этой хронологии политическую карьеру, но и его жизнь тоже короче. Находящийся с французскими силами в последние дни ГДР, последние часы Де Голль проводит, наблюдая за тем, как Красная армия на практике воплощает доктрину быстрой танковой войны, которую он безуспешно пытался всучить французской армии. Актерское мастерство Де Голля достигает апофеоза, когда он ведет последнюю кавалерийскую атаку против красных танков, понимая, что русский красный маршал Тухачевский, ведущий немецкие танки, более способный теоретик и практик танковой войны, чем Де Голль мог надеяться».

И, разумеется, это мир, в котором нет ни королей, ни богов.

«В этом лучшем мире монархия исчезла бы повсюду самое позднее к 1950-м годам. В зависимости от перипетий Гражданской войны в России дети Романовых могли бы уцелеть, в отличие от царя и царицы, поскольку большевики вначале планировали суд над Николаем Кровавым. С другой стороны, семья была расстреляна на раннем этапе войны, когда город, где они содержались, был на грани взятия контрреволюционными силами. Поэтому они могли погибнуть все и в этом мире тоже. В других местах, где гражданские войны были менее отчаянными и революция приобрела необратимый импульс, или где prerogatives монархов уже были ограничены буржуазными политическими институтами, революционное возмездие, скорее всего, было бы менее необходимо, менее свирепо и — по крайней мере в бывших конституционных государствах — политические обвинения от монархов могли отвести. Но наверняка, вне зависимости от индивидуальных судеб этой глобальной касты вырожденцев, монархия как политический институт подверглась бы быстрой эвтаназии и ее возвращение где-либо еще было бы предотвращено. Массовая экспроприация церковных даров и земель, а также изъятие и переплавка сокровищ, содержащихся в исторических храмах, монастырях, церквях и мечетях, предоставит дополнительный импульс социалистической модернизации по всему миру.

Таким образом ламы, императоры, вожди, принцы, эмиры, королевы, епископы, герцоги, графы, маркграфы, паши, короли, магараджи, дворяне, бароны — вся покрытая грязью золотая филигрань тысячелетий иерархии и подавления — извлечены и счищены с поверхности человеческой цивилизации. В этом мире знаменитая карнавальная сцена из «Кандида» Вольтера, в которой шесть потерявших трон монархов оказываются за одним столом в скромной гостинице, повторяется множество раз на самом деле в городах, которые томятся в промежутках между новыми великими социалистическими федерациями: Танжер, Каир, Бейрут, Тегеран, Бангкок, Аддис-Абеба, Стамбул. Эти великие города развивающегося мира получают выгоду от прилива беженцев, продающих присвоенные драгоценности, мебель, фамильные сокровища и меха. Европейские кварталы этих городов населены темной, обедневшей кастой спившихся белых генералов, аристократических завсегдатаев кабаков, царственных наркоманов и более широким слоем интриганов, претенциозных художников и декадентских поэтов с балаганом из незаконнорожденных детей, личных слуг и прихлебателей, воображающих параноидальные заговоры облаченных в кожу агентов революции, охотящихся за ними, после того как они давно перестали представлять политическую угрозу новым социалистическим государствам».

В новом мире процветают и искусство, и наука, которым автор посвящает немало страниц.

«Вероятно, более всего в нашем лучшем мире выигрывают наука о космосе и ракетостроение, потому что они не будут заражены геополитическим соперничеством и националистическим милитаризмом. Они не будут ограничены низким горизонтом прибыли, космическим туризмом для богатых и манией величия калифорнийских олигархов. Открытый космос становится промышленной квинтэссенцией нового порядка, насыщаемой человеческим воображением и ресурсами в масштабах далеко за пределами того, что может рынок. В нашем лучшем мире Германия и Россия объединены в социалистическую федерацию и, поскольку они уже сравнительно далеко продвинулись в области ракетостроения, это способствуют развитию ракетной техники семимильными шагами. Первым человеком в космосе становится космонавт-женщина, Сара Гринберг, выбранная не только за профессиональные навыки, способности и физическую выносливость, но и за то, что она представляет: частично польского, частично немецкого, частично еврейского и целиком пролетарского происхождения, она получает выгоду от социальной мобильности и успехов в образовании в результате Революции.

<...> Вслед за Гринберг к концу 1960-х годов колонисты начинают прибывать на Марс, вторую красную планету Солнечной системы».

И на этой оптимистичной ноте я завершаю перевод. Многое осталось за кадром, но могу сказать точно — это один из тех миров, в котором хотелось бы жить.

Ссылки на предыдущие выпуски:

№ 1, осень 2013

№ 2, зима 2014

№ 3, лето 2014

Конкурс, осень 2015

№ 4, зима 2016

№ 5, осень 2016

Ссылки для связи: runagaterampant@yandex.ru
<https://www.facebook.com/groups/457407584446805>
<https://new.vk.com/public73825439>

Главный редактор — Ия Корецкая
Технический редактор — Евгений Кондаков
Иллюстрации — Алан Гриффит
Корректурa — Юлия Лиморенко
Дизайн обложки — starbereg

БУДУЩЕЕ БЛИЗКО

*РАСПРОСТРАНЕНИЕ — СВОБОДНОЕ
ТИРАЖ — НЕОГРАНИЧЕННЫЙ
АВТОРСКИЕ ПРАВА? — НЕТ, НЕ СЛЫШАЛИ*

